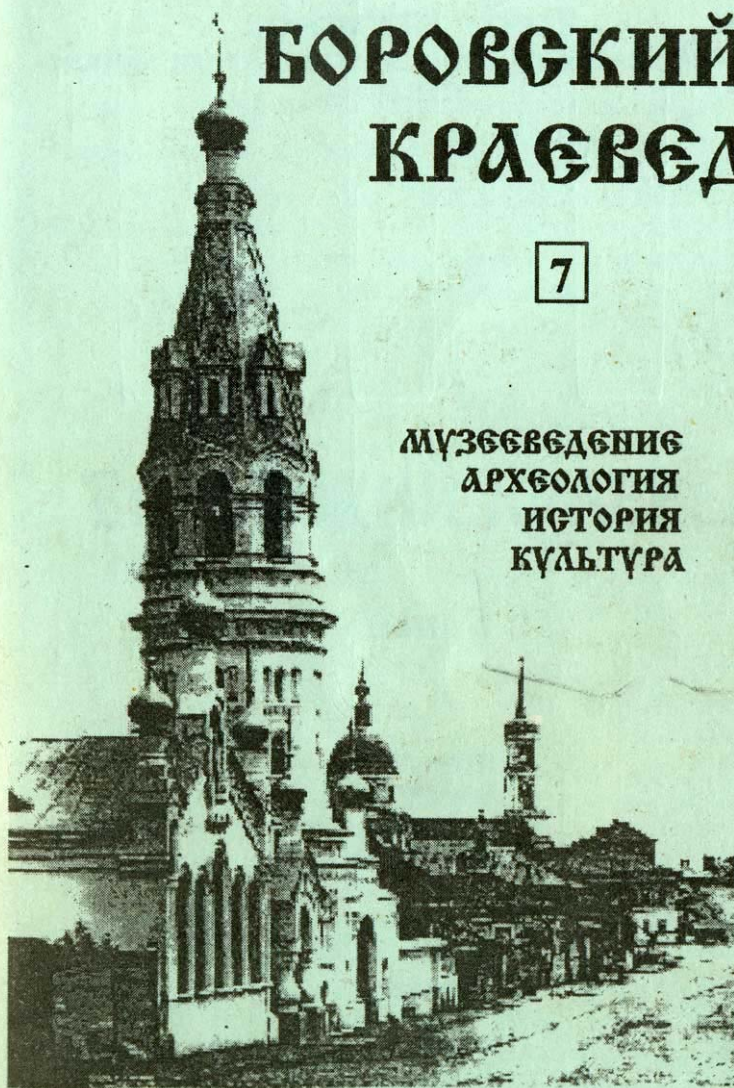


БОРОВСКИЙ КРАЄВЕД

7

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ
АРХЕОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРА



Боровск 1997

В седьмом выпуске сборника "Боровский краевед" публикуются материалы докладов и сообщений, прочитанных 1-2 июля 1997 г. в г.Боровске на VIII историко-краеведческой конференции, посвященной 10-летию Боровского музея - филиала Калужского областного краеведческого музея.

Составитель В.И.Осипов.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий выпуск "Боровского краеведа" посвящен десятилетию Боровского музея - филиала Калужского областного краеведческого музея.

Сборник открывается статьей научного сотрудника музея Н.П. Лошкаревой "Из истории Боровских музеев. 1912-1954 гг." Это первая попытка обобщить работу местных музеев, созданных краеведами-любителями Н.П. Глухаревым, Н.М. Луковкиным, а также музея Древнерусского искусства, организованного на основе Пафнутьев-Боровского монастыря. Автор прослеживает деятельность музеев, объединенных вскоре в один, на протяжении десятилетий. Ею изучено много документов из фондов Наркомпроса, Калужского областного государственного архива и др. Горько читать строчки о закрытии Боровского музея в 1954 г. Становится стыдно за областных и районных администраторов, за специалистов из Калужского областного краеведческого музея, которые сделали заключение о "нецелесообразности" существования музея в Боровске. При этом были сведены на нет усилия многих людей, пытавшихся в трудные годы во что бы то ни стало сохранить музейные ценности от разбазаривания. Бесценные памятники декоративно-прикладного искусства, иконы, древние книги, рукописи и т. д. пополнили фонды Калужского архива, краеведческого и художественного музеев, московских музеев. Еще более достойна сожаления участь музейных предметов, не вошедших в акты передачи, имевших "местное" значение (фотографии, письма), и поэтому выброшенных. У боровчан была украдена часть их истории. Некоторые старожилы до сих пор вспоминают о виденном ими в музее и сожалеют, что не могут показать этого своим внукам.

Прошли десятилетия, и боровским краеведам понадобилось много сил, чтобы вновь начать собирать материалы по истории Боровского края: сначала в школьных музеях, а затем в музеях на

Стр.3.

общественных началах. Нельзя не испытывать чувства благодарности к энтузиастам-краеведам В.В.Благовещенскому, П.А.Подшивалову, М.С.Жилинскому, В.М.Завитаеву, М.Ф.Ждановой, А.А.Антипову. Об этих трудных, но интересных годах делятся воспоминаниями на страницах сборника краеведы А.А.Антипов, В.М.Завитаев и многие другие.

В настоящее время собран значительный материал по истории Боровского края, часть которого вошла во второй и третий разделы сборника.

Сотрудники Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея надеются, что седьмой выпуск "Боровского краеведа" внесет существенный вклад в изучение истории Боровского района и будет интересен не только специалистам, но и всем, кто любит свой край.

Стр.4.

Раздел I.

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА БОРОВСКОГО КРАЯ

Н.П. Лошкарева (г. Балабаново)

(Лошкарева Нелли Петровна - научный сотрудник Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея.)

ИЗ ИСТОРИИ БОРОВСКОГО МУЗЕЯ. 1919-1954 гг.

I. Создание Боровского музея

Боровский государственный историко-художественный и краеведческий музей образовался в результате объединения коллекций трех музеев: краевого, созданного Н.П. Глухаревым; школьного краеведческого, созданного Н.М. Луковкиным, и музея Древнерусского искусства, организованного на основе Пафнутьев-Боровского монастыря.

Краевой музей был создан Николаем Поликарповичем Глухаревым (1), который происходил из купеческого сословия, имел химический завод недалеко от ст. Балабаново. Часть своих доходов он использовал на благотворительные цели. В 90-х гг. XIX в. он совместно с учителем С.Е. Чертковым и казначеем И.А. Казанцевым издал книгу К.Э. Циолковского "Аэростат металлический управляемый". В 1904 г. в с. Тарутине Боровского уезда Н.П. Глухарев открыл бесплатную библиотеку, а в 1913 г. - избу-читальню на ст. Балабаново. С апреля по октябрь 1917 г. им издавалась первая местная газета "Боровская жизнь", в которой освещалась уездная жизнь и общероссийские новости, а также печатались исторические очерки. В 1913-1914 гг. он выпустил два тома "Материалов для истории г.Боровска и его уезда", собранных им самим. Об интересе создателя музея к старине говорило также объявление, опубликованное в мае 1917 г. в газете "Боровская жизнь": "Н.П. Глухарев, г. Боровск, гостинный двор. Покупает старинные предметы из железа, чугуна, свинца, олова, меди, серебра, золота, стекла, фаянса и фарфора. Покупает медные, бронзовые, серебряные и золотые монеты, медали, жетоны и юбилейные значки. Покупает книги, географические карты, планы, картины, гравюры, рукописи, архивные документы, всевозможные старинные вещи и предметы" (2). Скончался Н.П. Глухарев в мае 1920 г., оставив после себя, кроме воспоминаний земляков, интересный музей и библиотеку.

Стр.5.

Возник музей предположительно в 1912 г., в связи со столетним юбилеем победы русской армии в Отечественной войне 1812 г., когда Россия была охвачена подъемом национального самосознания и патриотизма (3). Аналогичные музеи создавались во многих местах. Основу краевого музея составляли коллекции икон (более 80 ед. хр.); оружия, колоколов; фотографий монастырей и церквей г. Боровска и уезда (35 ед. хр.); изделий из фарфора (32 ед. хр.); масляной живописи; предметов рукоделия (вышивка бисером и шерстью, вышитые полотенца и наволочки); предметов быта (весы, подсвечники, меры для сыпучих продуктов), церковного обихода (медные иконы, лестовки), одежды (шелковый старообрядческий сарафан, суконная поддевка) (4).

17 декабря 1919 г., согласно декрету СНК от 5 октября 1918 г. "О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений", музею Н.П. Глухарева была выдана охранный грамота (5). Его заведующим Всероссийская коллегия по делам музеев назначила самого Николая Поликарповича. В это время музей располагался в доме №120 по ул. Калужской, где проживал и его собиратель. После его смерти, в июне 1920 г., Отдел по делам музеев просил Боровский УОНО передать музей, архив и библиотеку Н.П. Глухарева во временное пользование Первой Опытной станции по народному образованию для научной обработки; также было предложено назначить нового заведующего музеем (6).

В 1920 г. при музее работал только сторож. На его содержание, а также оборудование музея, отопление, освещение, пополнение коллекций, на приобретение витрин, шкафов, на проведение реставрационных и экспертных работ, на закупку канцтоваров и хозяйственные дела требовалось 282760 руб. (7). В 1921 г. штат музея состоял из трех человек: заведующего (25 разряда), научного сотрудника (25 разряда) и служителя (7 разряда). На содержание музея предполагалось выделить 1354720 руб. (8). До 16 октября 1920 г. музей обследовали сотрудники Отдела по делам музеев А.А. Рыбников и А.М. Скворцов, однако о результатах обследования ничего не известно (9).

Закрыли музей в 1922 г.: уже в январе этого года в доме N120 располагался детский санаторий здравотдела, и экспонаты были "свалены в кучу". Причины закрытия музея состояли в отсутствии средств на его содержание (10). В связи с этим необходимо было решить вопрос об имуществе музея. Инструктор Калужского Губмузея А. Покровский, приехавший обследовать музей, предложил вывезти коллекции в Калугу. Заведующий Боровским УОНО Сиблиевский считал более приемлемым передать экспонаты в музей на территории монастыря, "если последний будет изъят из рук духовенства". Наконец, 14 марта 1923 г. на заседании ответственных работников УОНО было решено "имущество Глухаревского музея передать в ведение Боровского п/о Наробраза", а экспонаты, пригодные для домашнего обихода и не имевшие художественной ценности, использовать для нужд культурно-просветительских учреждений (11). 28 ноября 1923 г. Музейный отдел предложил Боровскому УОНО "сдать это имущество заведующему музеем бывшего Боровского монастыря на хранение в целях развертывания в ближайшее время Музея местного края в помещении монастыря", кроме того, передать в ведение заведующего музеем краеведческую библиотеку, собранную Н.П. Глухаревым (12). Выполнено это предложение было только в июле 1924 г., а до тех пор музейные предметы хранились в доме Н.П. Глухарева, в двух комнатах (13). Как видим, новой власти после смерти Н.П. Глухарева музей оказался ненужным, поэтому и был ликвидирован.

Музей Рошинского общества изучения, охраны памятников природы, искусства, старины местного края организовывался заведующим Рошинской школой Николаем Матвеевичем Луковкиным. В 1922 г., через год после создания, музей перешел в ведение Общества изучения местного края, членом которого состоял основатель этого музея. В мае 1923 г. музей еще временно оставался в стенах школы, в то время как члены Общества подыскивали для него более подходящее здание. Руководителем музея оставался Н.М. Луковкин, помогали ему два сотрудника - Тихомировы (14). Перед Обществом, а значит, и перед музеем, стояла цель изучения, охраны памятников природы, искусства и старины Боровского уезда и прилегающей к нему местности, распрос-

транения естественно-исторических и прикладных знаний (15). В этом направлении шло и пополнение музея экспонатами. На 2 мая 1923 г. на площади 70 кв. аршин насчитывалось 773 ед. хр. Кроме того, сотрудники музея вместе с членами Общества проводили беседы, лекции и экскурсии. За неделю музей посещали 20-50 человек. При нем создавались библиотека и архив. В финансовом отношении судьба музея была столь же трудной, как и музея Н.П. Глухарева в 1920-21 гг. Но, в отличие от последнего, музей Общества имел преданных друзей-энтузиастов в лице сотрудников, членов Общества и его председателя Г.Н. Дешина. Чтобы сохранить свой музей и музей Н.П. Глухарева, Г.Н. Дешин в июне 1924 г. от имени членов Общества просил Отдел по делам музеев предоставить краеведческому музею Общества часть зданий на территории монастыря-музея, чтобы перевести туда экспонаты и библиотеку музея Н.П. Глухарева. В июле 1924 г. музей Общества объединился с монастырским музеем (16).

Наряду с частным музеем Н.П. Глухарева и музеем Общества изучения местного края в Боровском уезде действовал и уже упоминавшийся государственный музей на территории Пафнутьева монастыря.

3 января 1919 г. монастырь был взят на учет и под охрану Всероссийской Коллегией по делам музеев как исторический памятник, а ответственность по охране возлагалась на настоятеля монастыря, епископа Калужского и Боровского Алексия (Житецкого). Согласно положениям охранной грамоты, для обследования памятников архитектуры и живописи, для выяснения ценности предметов, книг, рукописей на место высылались

представители Отдела по делам музеев. С 1 по 3 февраля 1919 г. в Пафнутьевом монастыре проводили осмотр сотрудники Отдела Н.Д. Протасов, Д.С. Марков, Г.И. Чириков, П.П. Алексинский. Их целью было выяснить наличие памятников древнерусской живописи, архитектуры, прикладного творчества. Результат сообщался следующий: "В монастыре не имеется ни единого строения, которое в цельном виде, как архитектурный памятник, можно было бы относить ко времени основания монастыря". Причины этого усматривались в событиях начала XVII в. и "оживленных реставрационных работах" конца XVII в. Внимание комиссии

Стр.8.

привлекла фресковая роспись в подклете колокольни "Спас Нерукотворный", которую определили как образец школы Дионисия. В ризнице монастыря были обнаружены фелони, имевшие художественную и историческую ценность (XI-XVII вв.), плащаницы, воздухи, платы, шитые изображения преп. Пафнутия, хоругви XVI-XVII вв. Однако из всего собрания члены комиссии выделили Евангелие митрополита Макария (1533г.) как "весьма важное для истории русской миниатюры". Комиссия постановила: обеспечить охрану помещений под трапезной, предотвратить разрушение фрески "Спас Нерукотворный", пересеченной трещиной в стене, взять на учет ризницу монастыря, а из кладовой организуемого музея забрать "резные ворота с сенью и передать в национальный Музейный Фонд ввиду их высокой ценности" (17).

26 июня 1919 г. архитектор Отдела по делам музеев Наркомпроса Д.С. Марков провел обследование собора Рождества Богородицы и составил смету на его реставрацию (18).

С 19 по 24 сентября в монастыре работала комиссия по регистрации "памятников искусства древнего шитья" в составе И.П. Шабельской, Т.Н. Александровой-Польник, Мишуковой и Муратовой (19).

Вероятно, в 1919 г. была сделана опись церковного имущества, зданий и внутренних помещений Пафнутьева монастыря с указанием расположения в них хозяйственных и жилых служб, а к описи составлен чертеж с указанием строений, нуждавшихся в ремонте (20).

Работа по выявлению памятников живописи, архитектуры, прикладного искусства привела Музейный отдел к решению создать на территории Пафнутьева монастыря музей "наподобие Троице-Сергиевой Лавры" и взять его под свою охрану, так как подобными коллекциями древних икон, шитья, облачения, утвари, рукописных книг XIV-XVII вв. "могли гордиться не только русские, но и европейские музеи" (21).

Организация музея шла медленно. Осенью 1920 г. в бывшем Архимандричьем корпусе в трех залах второго этажа разместился музей Древнерусского искусства, а фонды его находились в четырех залах третьего этажа. На экспозиции, созданной сотрудниками Главмузея, были представлены Евангелие 1533 г., кресты и иконы

Стр.9.

XVI-XVII вв., деревянная резная скульптура и др. (65 ед.хр). Этот музей был открыт для посещения отдельными лицами и экскурсиями. 10 декабря 1920 г. в монастырь для устройства музея в бывшей монастырской ризнице были направлены сотрудники Отдела по делам музеев А.А.Рыбников и А.М.Скворцов (22). К сожалению, документов о результатах их работы не обнаружено. 1 июля 1921 г. в музей были назначены первые сотрудники: комендантом - Сергей Николаевич Гришин (архимандрит Сергей), техническим сотрудником - Аристоклий Похилко, ризничий монастыря, сторожем - Никифор Петрович Дешин. К 22 марта 1922 г. музей состоял из отделов "Иконы" и "На престольные кресты и панагии" (23).

В 1922- 1923 гг. монастырь и музей потрясли события, существенно сказавшиеся на деятельности музея и его экспозиции. В 1922 г. в целях оказания помощи голодающим при Комиссиях Помгола на местах создавались Комитеты по конфискации монастырских и церковных ценностей. Чтобы предотвратить бессистемность изъятия ценностей, ВЦИК

2 января 1922 г. издал постановление, запрещавшее "изъятие и использование" ценностей "без разрешения на то Главмузея или его органов на местах..." При конфискации, как гласило другое постановление ВЦИК, обязательно должен был "присутствовать представитель музея..." (24).

Уполномоченным по изъятию церковных ценностей Боровского уезда был избран 13 марта 1922 г. Н.К. Богомоллов, а Боровскую комиссию Помгола возглавлял П.Н. Баранников. В своих действиях они руководствовались постановлением губтроеки от 13 марта 1922 г., где говорилось, что "все церковные ценности из церквей, безусловно, должны быть изъяты полностью, не исключая художественных и археологических предметов, которые по изъятии должны храниться в Губфинотделе". Так, 16 марта 1922 г. Комиссия по изъятию церковных ценностей в составе Н.К. Богомоллова, С.С. Ляпунова, члена УИКа Успенского, сотрудников Отдела по делам музеев Е.И. Силина и Н.Н. Померанцева в присутствии епископа Алексия, ризничего Аристоклия Похилко произвела изъятие из монастыря ценностей и наложила печати на двери ризницы «ввиду необходимости составления подробной описи

Стр.10.

хранящихся в ней древних вещей». Все конфискованные вещи были отправлены в местный финотдел (25).

Последнее заставило обратить на себя внимание центральных и музейных органов. 18 марта 1922 г. председатель ВЦИК А.С. Енукидзе и заведующая Музейным отделом Н.И. Троцкая объявили о необходимости оставить отобранные представителями Главмузея вещи в Боровском монастыре, 25 апреля того же года телеграмма за подписью М.И. Калинина приказывала приостановить изъятие церковных ценностей из монастыря. Но это было "гласом вопиющего в пустыне", так как 28 апреля 1922 г. было произведено новое изъятие вещей из монастыря, на сей раз - из музея Древнерусского искусства. Возглавлял комиссию уполномоченный ГубИКа Е.А. Киселев, который действовал в присутствии иеромонаха Пафнутия и ризничего Похилко. Действия Киселева носили незаконный характер; над образами надругались, срывая с них все украшения и бросая в ящики. Руководитель комиссии соглашался вернуть ценности в монастырь, но только по особому предписанию центра. Наконец, в мае 1922 г. музейные вещи и церковные предметы музейного значения были переданы из Боровского уездного финотдела музею на территории монастыря. 17 октября они были описаны сотрудником Отдела по делам музеев Л.И. Кондрашевым в присутствии о. Сергия (Гришина) и Аристоклия Похилко (26).

Местные власти были недовольны таким положением дел. Они считали, что пока монастырь находится в руках церкви, музея церковного искусства там не должно быть, и обращали внимание на то, "что в монастыре в действительности нет музея, а лишь в некоторых комнатах хранятся историко-археологические ценности, причем многие из них разбросаны в разных комнатах, куда нет доступа посетителям": в колокольне, храме Рождества Христова, комнатах, прилегающих к жилым покоям архимандрита. Кроме того, "заведующий монастырем-музеем епископ Алексей Житецкий большую часть времени проводит в Москве, и музейными делами занимается келейщик о. Пафнутий Каданцев". Боровский УИК заявлял, что считается с ценностями монастыря и согласен взять его под свою охрану, организовав в нем краевой музей и взяв его содержание на себя. Сюда же предлагалось передать коллекции

Стр.11.

Н.П. Глухарева. "Если эти предложения не подходящи", предписывалось "вообще закрыть музей при монастыре как не отвечающий своему назначению и служащий не на просвещение, а по укоренению таковых религиозных предрассудков". Идею закрытия церковного музея и монастыря поддержал Калужский ГубИК (27). На время деятельность музея, действительно, приостановилась, однако совсем по другим причинам.

Еще в мае 1922 г. Главмузей принял постановление о предании суду "агентов комиссии по изъятию церковных ценностей, работавших в Боровском монастыре". Их обвинили в отказе выполнить требования ВЦИК и Главмузея о прекращении изъятия ценностей и оставлении уже изъятых ценностей на территории монастыря, обвиняли за "целый ряд ужасающих вандализмов". Так, при конфискации ценностей из Боровского монастыря и музея, организованного при нем, были сняты с икон ризы XVII в. и "скульптурно-чеканные украшения раки Годуновского времени, ... переломаны и набиты в хаотическом беспорядке в мешки". По вине агентов "безвозвратно погублены редчайшие памятники искусства". Уголовное дело было заведено, но не на агентов, а на епископа Алексия и архимандрита Сергия. Первого обвинили в сокрытии фелони XVII в., которая в действительности находилась в музее за печатью Главмузея. В октябре после выяснения ряда аналогичных вопросов Калужский ревтрибунал освободил еп. Алексия и о. Сергия как ни в чем не виновных, а некоторых граждан, связанных с этим делом, осудили условно (28).

Музей же продолжал оставаться на территории монастыря, и для дальнейшего его развития (с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г.) музейный отдел подготовил смету, исчислявшуюся суммой 359500 рублей. К 1 февраля 1923 г. музей продолжал находиться в ведении Отдела по делам музеев Главнауки НКП с неизменным штатом в три единицы. 7 февраля туда были направлены Л.И. Кондрашев и П.Д. Барановский для решения вопроса о передаче монастыря и угодий Пафнутьевской сельскохозяйственной коммуны в ведение Музейного отдела. Этот вопрос вызвал новое столкновение между уездными, губернскими органами власти и Музейным отделом. Окончательно, в пользу последнего, он был решен 17 июля 1924 г., в то время как пустошь Суслово была

Стр.12.

передана только 26 марта 1926 г. (29)

1 мая 1923 г. в штате музея произошли небольшие изменения: был уволен с должности сторожа Н.П.Дешин, а научным сотрудником назначен Григорий Николаевич Дешин. На него также возлагалась обязанность заведующего монастырем-музеем. Что касается деятельности музея, его экспозиции, то здесь оставалось все по-прежнему, более того, Боровский ИК продолжал настаивать на переезде музея в Калугу или Москву, "так как музей не служит делу просвещения, посещается очень редко, и то для религиозных целей". Боровскому ИКу это было выгодно, так как при ликвидации монастыря у него не оставалось бы соперника, претендовавшего на хозяйство и уголья Пафнутьевской коммуны. Это предложение не повлияло на действия музейных органов, и 4 августа завхозом музея был назначен по личной просьбе Анатолий Алексеевич Мельников. Он прибыл в монастырь вместе с А.Н.Тришевским для выполнения постановления Госземимущества Наркомзема от 15 июля 1923 г. по передаче имущества бывшей Пафнутьевской коммуны в ведение Музейного отдела (30).

Но и на этот раз работа по музейному строительству была прервана. 5 сентября 1923 г. в музее произошла кража. Было украдено 100 предметов, среди которых - Евангелие 1533 г. и церковные уборы высокой художественной ценности (весом 150 кг). Воры наверняка знали, что следует брать. Это и понятно, ведь оба были местными жителями: один - волостной милиционер подмонастырского села Роща В.Н. Луценко, а другой - послушник монастыря И.С.Басков. Местная милиция действовала по горячим следам, и 9 сентября часть украденных вещей была найдена в мужской купальне. Другая часть была обнаружена в келье Архимандричьего корпуса, где жил И.С. Басков. Помимо того, около 20 вещей оказалось в мешке Луценко на Киевском вокзале в Москве, когда он направлялся на Смоленский рынок продавать украденное. До того жена его В.Н. Тихонова удачно продала часть вещей и получила за них большие деньги. 12 сентября начальник Боровского отделения Угро Нехорошков сообщил в Калужское Управление Угро о том, что найдены почти все вещи согласно описи. Часть их хранилась в местном Угро, другая часть - в Москве и ГПУ. Зимой 1924 г. украденные вещи были собраны вместе в

Стр.13.

Малоярославецком УФО в связи с ликвидацией Боровского уезда и включением его в качестве волости в состав Малоярославецкого уезда. Только 15 сентября 1924 г. Главнаукой были командированы в Малоярославецкое УФО сотрудники В.И. Троицкий и П.И. Кочетков для доставки ящика с ценностями в музей на территории Пафнутаева монастыря (31).

12 сентября 1923 г. сотрудниками Музейного отдела В.П. Верещагиным и В.А. Мамуровским была проведена сверка оставшихся в музее предметов со сделанной ранее представителями милиции описью, после чего были опечатаны двери.

Эти события вновь заставили местные органы власти поднять "наболевший" вопрос. Председатель Боровского УИКа Захаров заявил, что "находит существование музея излишним", так как "в него никто не ходит, а если и бывают в нем посетители, то только из местной интеллигенции". Он же предложил "все имущество забрать и перевезти в Москву".

Несмотря на настойчиво отрицательное отношение к музею со стороны местных органов власти, он продолжал существовать. С 1 октября 1923 г. уволился с должности завхоза А.А. Мельников, а его место 1 декабря занял другой сотрудник Музейного отдела - Григорий Иванович Нехаев. Сведения о том, как долго работал он в этой должности, отсутствуют, но известно, что в марте . штат музея состоял из трех человек, двое из которых уже известны: Г.Н. Дешин и А. Похилко. Средства музей получал через Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями (32).

К июлю 1924 г. положение музея-монастыря осложнилось в связи с желанием Малоярославецкого УОНО занять монастырь под детский дом, а бездействовавший музей Древнерусского искусства перевести из Архимандричьего корпуса в другое место, разместив в первом детский дом (33).

Выполнение решения об объединении музеев Отдел по делам музеев поручил К.Я. Виноградову, прибывшему в монастырь после 5 июля. 17 июля он и В.А. Безобразов, а также представители местных органов власти Бедняков и В.В. Благовещенский, произвели вскрытие печатей помещения музея на территории монастыря. После проверки предметов музей вновь был закрыт, ключи и опись музейного имущества, составленная 22 сентября

Стр.14.

1923 г., хранившиеся у А. Похилко, были переданы К.Я. Виноградову. Сверка имевшихся музейных предметов, указанных в описи, показала, что сохранены только предметы церковного обихода, остальные же отсутствовали. За время своего пребывания в монастыре (с 5 по 22 июля) К.Я. Виноградов поручил Н.М. Луковкину привезти в монастырь коллекции бывшего музея Н.П. Глухарева, и в это же время был решен вопрос о присоединении музея Общества изучения местного края. Последнее подтверждается тем, что Н.М. Луковкин, как показавший себя с положительной стороны, был назначен К.Я.Виноградовым сотрудником вновь организованного краеведческого отдела на территории монастыря-музея. Музейный отдел утвердил его в этой должности с 1 августа 1924 г., а с 15 июля 1924 г. техслужащим был назначен В.М. Трифионов. Когда конкретно произошло объединение коллекций трех музеев, сказать трудно, так как в архивах не удалось встретить соответствующего приказа. Можно лишь предположить, что это было между 5 июля (днем начала командировки К.Я.Виноградова) и 15 июля (днем, когда К.Я.Виноградов назначил Н.М. Луковкина временным научным сотрудником краеведческого отдела и завхозом музея) (34).

II. Боровский музей в 1924-1954 гг.

Командированные в Пафнутаев монастырь К.Я.Виноградов и П.А. Безобразов приступили к организации Государственного историко-художественного и

краеведческого музея. Часть времени им пришлось посвятить решению вопроса о совместном пользовании монастырем и угодьями детским домом и Музейным отделом.

Идея размещения на территории монастыря детского дома появилась у членов Боровского ИКа еще 15 сентября 1923 г. Осуществилась же она 17 июля 1924 г., когда решением Малоярославецкого ИКа и Музейного отдела бывший Пафнутьев монастырь передавался в ведение детского дома и музейного отдела. При этом К.Я. Виноградовым были поставлены условия, согласно которым детский дом должен был располагаться только в одном трёхэтажном Архимандричьем корпусе. Представители Главмузея

Стр.15.

согласились передать детдому также баню, скотный двор, яблоневый сад на территории монастыря, необходимую площадь сенокосной земли в саду и парке. 11 августа дети из Малоярославецкого детского дома были привезены в монастырь, позже сюда должны были поместить детей из Боровского детского дома(35).

Чтобы не усложнять отношений музея и детского дома, Главмузей предложил подписать проект договора о совместном пользовании монастырем и имуществом. Договор предполагал аренду детским домом зданий и угодий монастыря сроком на 5 лет (с 1 августа 1924 г. по 1 января 1929 г.), причем зданий Архимандричьего корпуса, бани, скотного двора с избой, двух десятин огородной земли - бесплатно.

Параграф пятый проекта договора вменял в обязанность арендатора ремонт и содержание всех зданий в порядке, передачу музею ежегодно одной трети урожая яблок, разрешение пользоваться баней всем сотрудникам музея. На территории монастыря необходимо было отделить здания музея от зданий детдома забором по линии, предложенной управлением недвижимого имущества. Предполагалось, что детский дом будет содержать сторожа и охранять здания и территорию монастыря на свои средства. В случае невыполнения этих условий договор расторгался, а с бывшего арендатора взыскивались убытки. Пятый параграф вызвал неудовольствие у заведующего Общим отделом Андреева и заведующего Малоярославецким УОНО В.В. Благовещенского, но все же в 1925 г. МУОНО приняло окончательное решение по проекту, в принципе, согласившись с пунктом пятым (36).

После переезда на территорию монастыря детского дома туда 17 сентября был командирован представитель Отдела по делам музеев П.И. Кочетков. Ему поручалось обследовать ведение хозяйства и учет имущества музея. В это же время В.И. Троицкий, выполнив с П.И. Кочетковым решение Музейного отдела о перевозе в музей ящика музейных предметов, похищенных в 1923 г., приступил к созданию экспозиции вновь организованного музея. Исполняющим обязанности заведующего Государственным историко-художественным и краеведческим музеем и завхозом с 27 сентября 1924 г. был назначен Сергей Сергеевич Кропоткин.

Стр.16.

Новый заведующий, как и прежние, не имел специального образования, но обладал организаторскими способностями (37).

В первый год его работы (1924/1925) перед музеем стояли две основные задачи: создание экспозиций и всестороннее изучение местного края в его прошлом и настоящем (38).

Начало созданию новой экспозиции положил К.Я. Виноградов, а продолжил - В.И. Троицкий. Последний разобрал коллекции и разместил их в экспозиции, которая состояла из двух отделов. Экспонаты первого, историко-художественного, отдела, размещались в здании трапезной палаты 1511 г. Она состоит из трех помещений: церкви Рождества Христова, келарской и собственно трапезной. В трапезной площадью 17,5х14,08 кв.м экспонировались шитье и вышивка жемчугом XV-XVIII вв., ткани XV-XVIII вв., иконопись XVI в., деревянная резьба и скульптура XVII-XIX вв., образцы печатных и

рукописных книг, гравюр и скорописи XVII в. В бывшей церкви площадью 7,6х5,6 кв.м размещался иконостас XIX в. в стиле "ампир". В келарской площадью 10х7,6 кв.м временно размещалась археологическая коллекция. В бывшей ризнице площадью 57,64 кв.м располагались образцы шитья жемчугом, облачения XVI-XVIII вв., иконы в окладах, изделия из металла и драгоценных камней, рукописные и старопечатные книги в окладах, среди которых - Евангелие 1533 г. Всего насчитывалось 626 предметов, происходивших из монастыря. В Гостиничном корпусе, в трех комнатах верхнего этажа с северной стороны, размещались экспонаты второго отдела, краеведческого, площадью 122,04 кв.м. Две первые от входа комнаты были заняты экспонатами по истории края, а третья - по естественной истории, быту и производству. Размещение экспозиции в этом здании было крайне неудобным, поэтому предполагалось в 1925/26 г. перевести ее в Юго-восточный братский корпус, который требовалось прежде отремонтировать. Во втором отделе было сосредоточено 1020 предметов. Наиболее ценной считалась археологическая коллекция, собранная К.Я.Виноградовым в процессе раскопок Огубского городища и курганов по р. Протве в 1924/1925 гг. Музей имел хорошую библиотеку и архив, которые, в основном, состояли из книг и документов монастыря и музея Н.П. Глухарева. В библиотеке на 1 октября 1925 г. числилась 3771 книга.

Стр.17.

Экспонаты, книги и документы выставлялись и хранились в плохих условиях. Не было необходимого оборудования, поэтому в дело шли старые монастырские столы, киоты, ризничные шкафы, многие из которых не имели стекол.

Эта проблема касалась и фондов, которые продолжали успешно пополняться. В 1925 г. в музей поступили предметы из раскопок Огубского городища, соха, борона с деревянными клевцами и картофельным пропашником, каменное приспособление для растирания красок, железная сковорода, обернутая берестой, семь серебряных монет, найденных около церкви Бориса и Глеба в г.Боровске, группа окаменелостей, обнаруженных по берегам рек Протвы и Истермы. Наряду с этим проводилась "чистка фондов", то есть продажа предметов немусейного значения. За 1924-1925 гг. были реализованы бытовые предметы - стулья, столы, крынки, бидоны, кровати, фарфоровая и фаянсовая посуда, старые тес и листовое железо, железный лом. Помимо этого, были проданы архиерейские облачения и митры, две золоченые рипиды, дикирий и трикирий, книги религиозного содержания: "Беседы о молитве" архимандрита Иринарха, акафист Пафнутию, Евангелие и Псалтыри (несколько сот экземпляров), аналои и сундук. Результаты продажи за период с 1 октября 1924 г. по 1 марта 1925 г. составили 181 руб.75 коп. Из суммы, полученной от продажи, по предложению С.С. Кропоткина, выделялось 50% основного оклада на уплату ему совмещения должности завхоза. Перед разрешением о продаже какой-либо вещи она проходила экспертизу на музейную ценность у экспертов по древнерусскому искусству Г.И. Чирикова и Т.Н. Александровой-Дольник (39).

Научная работа музея заключалась, в основном, в описании музейных предметов, книг, архивных документов и занесении их в инвентарные книги. Ею занимался С.С. Кропоткин. Эта работа к октябрю 1925 г. еще не была завершена. Большую помощь музею оказал К.Я. Виноградов, который провел археологические исследования близ с. Кривское на р. Протве, обследовал реку до границ Московской губернии и провел раскопки Огубского городища. Им была составлена археологическая карта среднего и нижнего течений р. Протвы и подготовлены планы отдельных городищ.

Стр.18.

Просветительская деятельность музея заключалась в проведении экскурсий (начало им было положено 1 ноября 1924 г.) и обслуживании одиночных посетителей, которых стали принимать только с 1 сентября 1925 г. За 1924-1925 гг. была проведена 21

экскурсия (286 человек). Кроме того, за сентябрь в музей побывали 500 одиночных посетителей (40).

Хозяйственная деятельность музея тесно переплеталась с жизнью детского дома. В октябре 1924 г. последнему было передано недвижимое имущество согласно проекту арендного договора, а в ноябре С.С. Кропоткин взял под свою охрану движимое имущество, находившееся в ведении детского дома. Детдомовцы причиняли большой урон зданиям монастыря, растаскивали дрова, привезенные для музея. В апреле 1925 г. они осквернили цветники, надгробные памятники, побили стекла. Подобные безобразия продолжались и в 1926 г., несмотря на жалобы и требования прекратить их. Наряду с этим шло расхищение хозяйства монастыря, но сигналы об этом судебными органами игнорировались (41).

Для того, чтобы восстанавливать разрушения, причиненные детдомовцами и местными жителями, чтобы проводить ремонт и реставрацию зданий монастыря, требовались деньги. С.С.Кропоткину приходилось постоянно искать источник их получения. Как уже говорилось, он предложил распродавать вещи немужейного значения, а также "сдавать в аренду" общине верующих икону преп. Пафнутия (!), сдавать в аренду плодовый сад музея и разобрать ветшавшие кирпичные навесы-лавки за стенами монастыря, где прежде проходили ярмарки, чтобы использовать их для ремонта (42).

Вся работа лежала на плечах исполнявшего обязанности заведующего, завхоза и научного сотрудника музея С.С. Кропоткина (41) По штату, состоявшему в течение всего года из трех человек, полагался только один научный сотрудник, две другие единицы отводились техническому персоналу, который к концу 1924 г. претерпел изменения: В.М. Трофимова сменил Илья Васильевич Потапов, принявший дела 20 января 1925 г., вместо Н.М. Луковкина с 17 декабря был назначен Георгий Алексеевич Добромислов. В мае 1925 г. С.С. Кропоткин имел 15-й разряд и получал жалование

Стр.19.

34 руб. 22 коп., Г.А. Добромислов и И.В. Потапов имели 7-й разряд с окладом 14 руб. 34 коп. Кроме того, И.В. Потапов с 1 мая стал совмещать должности музейного сторожа и детдомовского (44).

В дальнейшем, в частности, в 1925-1927 гг., существенных изменений в деятельности музея не произошло. Но о некоторых фактах в работе музея за период 1925-1927 гг. все же стоит упомянуть отдельно.

18 октября 1925 г. управление государственными музеями-усадьбами и музеями-монастырями вышло из подчинения ХОЗЭКСУ и с января 1926 г. приступило к самостоятельной работе. В его ведении продолжал находиться Боровский музей.

Фонды музея в 1925-1926 гг. пополнились коллекциями серебряных и медных монет XVI-XX вв., археологическими находками из раскопок кургана №3 близ с. Кривское, произведенными 1 сентября 1926 г. К.Я.Виноградовым, археологической картой р. Протвы с планом городища и несколькими отдельными предметами, найденными на р. Протве около г. Боровска. Наряду с этим 13 января 1926 г. управление разрешило С.С. Кропоткину реализовать вещи немужейного значения: старую двухместную карету, возок, сани (на сумму 205 рублей), а также кирпич от разобранных навесов-лавок.

В библиотеке на 1 октября 1926 г. значилось 4641 ед.хр., в архиве - 449. Их регистрация и размещение к тому времени были завершены.

Экскурсии проводились, в основном, по следующим темам: "Монастырь-крепость", "Монастырь-тюрьма", "Монастырь-вотчинник", "Монастырь - собиратель художественных произведений", "Монастырь - памятник архитектуры".

Большое внимание в 1925-1926 гг. музей уделял краеведческой работе. По его инициативе, а также по инициативе Рошинского общества краеведов была созвана конференция. В ней приняли участие около 50 человек: члены краеведческих,

профсоюзных, хозяйственных, правительственных организаций и отдельные лица. На конференции звучали следующие доклады: "Школа и краеведение" (доклад преподавателя школы второй ступени Н.В. Добролюбова), "Экономика и природа местного края" (доклад председателя Рошинского общества краеведов Н.М. Луковкина),

Стр.20.

"Задачи музея в изучении местного края" (доклад С.С. Кропоткина). Было решено объединить всю краеведческую работу под руководством музея, организовать при нем ученый совет с участием представителей местных краеведческих организаций и передать все материалы по изучению местного края музею. В ближайшее время предполагалось сосредоточить работу на изучении экономики и других сторон местной жизни. Столь успешное начинание в области краеведения, к сожалению, не получило дальнейшего развития в 1926-1929 г. (45).

В области хозяйственной все оставалось по-прежнему. Заведующий музеем просил деньги на ремонт, на реставрацию, и хотя их выделяли, но работ по неизвестным причинам не проводилось. Продолжали существовать разногласия с детским домом по поводу использования зданий и угодий монастыря. 26 марта 1926 г. был, наконец, решен спорный вопрос: в ведение Управления музеями Малоярославецким УИКом была передана пустошь Суслово со всеми находившимися там постройками.

Вся работа продолжала лежать на плечах С.С. Кропоткина, совмещавшего в одном лице должности заведующего, завхоза и научного сотрудника. Сторожами в это время работали Михаил Ксенофонович Романов, на хуторе Суслово - И.В. Потапов (сверхштатным сотрудником). Какое-то время, с 16 марта 1926 г., сторожем музея был некто Покровский. Но на 1 октября 1926 г. вторая должность сторожа была уже вакантной (46).

В 1926-1927 гг. в фонды музея поступили серебряная литая икона XIII в., два акварельных вида Пафнутьева монастыря нач. XIX в., коллекции окаменелостей и насекомых, косы, отбой, бабка и кошелка для брусков, инструменты для набивки тканей - цветки и княпка, старинные пушки, охотничий нож, рогатина на медведя и острога. Из фондов на реставрацию были отданы шитый образ Дмитрия Солунского и фелонь Пафнутия Боровского, 8 предметов краеведческого отдела были предоставлены для выставки в музей-усадьбу "Останкино" (47).

В библиотеке насчитывалось 4646 ед.хр., в архиве - 449 пачек и отдельные книги. При разборке рукописных книг был обнаружен чрезвычайно редкий экземпляр книги с переплетом 1598г. (48). Научная работа была направлена на изучение быта и

Стр.21.

экономического положения Пафнутьева монастыря по архивным документам и приходно-расходным книгам, начиная с XVII в. Научный сотрудник ГИМа К.М. Асафов сделал научное описание части рукописных книг монастыря (49).

Был решен ряд хозяйственных вопросов: за счет госбюджета была произведена окраска крыш на двух корпусах, заготовлен материал для других зданий; за счет спецсредств исправлены печи рамы, двери, полы и т. д. в Братском, Погребном корпусах и Ильинской церкви (50).

Штат музея в этом году состоял из лиц, упомянутых ранее: С.С. Кропоткина, Г.А. Добромыслова и И.В. Потапова (51).

В конце 1926 г. - начале 1927 г. музей посетили с проверкой заведующий Управлением А.Ф. Кох и его сотрудник Змеев. Заведующему музеем С.С. Кропоткину было предложено завести дополнительную музейную документацию, решено выделить от Управления на реставрацию 2 тыс. руб. и принять меры к выселению детского дома, разрушавшего памятники монастыря, но так и не подписавшего арендный договор. Был решен вопрос по владению пустошью Суслово (52).

Таким образом, в 1924-1927 гг. была проведена большая работа по организации музея и развитию различных направлений его деятельности. При этом надо отдать должное не только специалистам музейного отдела, контролировавшим деятельность музея, но и заведующему С.С. Кропоткину. К сожалению, 16 ноября 1927 г. он был уволен с должности заведующего монастырем-музеем по причинам, неизвестным даже для него. На его место с 1 декабря 1927 г. был назначен Александр Бернгардович Струве (53).

За период руководства музеем А.Б. Струве никаких видимых изменений не произошло. Так, в 1928- 1929 гг. музей занимал площадь 1273,06 кв.м в Гостиничном корпусе, соборе Рождества Богородицы, трапезной 1837 г., Ирининском приделе собора, церкви Всех Святых, трапезной палате 1511 г., ризнице, архиве, церкви свт.Митрофана. В помещении архива, должно быть, хранились архив и библиотека монастыря (2375 томов) и библиотека Н.П.Глухарева (около 500 томов).

Экспозиция, как и раньше, располагалась в трапезной 1511 г. и Гостиничном корпусе. В первом здании размещался, очевидно

Стр.22.

историко-художественный отдел (423 ед.хр.), где продолжали выставляться ткани, шитье, иконы, деревянная скульптура, резьба, изделия из металла и драгоценных камней. Наибольшую ценность представляли Евангелие 1533 г., покров с изображением преп.Пафнутия 1530 г. и пелена XVI в.

Во втором здании располагался краеведческий отдел (250 гл.хр.). Здесь были выставлены экспонаты по археологии края, естественной истории, а также бытовые предметы, продукция кустарного, фабричного производства, много случайных археологических находок. Из общего числа только 25% экспонатов оставались в неудовлетворительном состоянии. Оборудование оставалось прежним (54).

Во время руководства музеем Максимова (инициалы неизвестны) фонды были пополнены за счет приобретения образцов изделий местных текстильных фабрик, но наряду с этим в неизвестном направлении (как сообщал Максимов, в Калугу или Москву) была вывезена большая часть экспонатов. Видимо, этим и объясняется резкое сокращение числа экспонатов в обоих отделах по данным на 1 октября 1929 г. (55).

Научно-исследовательская работа в этот период не велась: только экскурсионная. Хозяйственная деятельность оставалась на прежнем уровне - велся ремонт, на который ГИМом на 1929 г. было выделено 1959 руб. 44 коп., приводилась в порядок территория монастыря. Однако все это было выполнено на 50 % (56).

Большие изменения произошли во взаимоотношениях с детским домом: в 1929 г. (должно быть, с 1 января, как полагалось по договору) его выселили с территории монастыря, а 6 апреля опечатали помещения. После этого трехэтажный Архимандричий корпус сдали в аренду на три года Московскому УЗП под пионерский лагерь (57).

Значительные изменения произошли в руководящем составе музея. За короткий период (с 1927 г. по сентябрь 1929 г.) сменилось пять заведующих: А.Б.Струве, Максимов, Огурцов, Монастырев, Асафов. Все они являлись сотрудниками ГИМа, филиалом которого Боровский музей стал с 1 октября 1928 г. 22 июня и 5 сентября 1929 г. музей был передан в ведение Калужского областного музея (КОМ), а с 3 сентября 1929 г. переведен на местный бюджет. Заведующим

Стр.23.

музеем с 10 сентября был назначен сотрудник КОМ Александр Михайлович Покровский, принявший дела от Асафова. Помимо него, музей имел двух сторожей: Постникова и Романова (58). Известны расходы музея в это время: фонд зарплаты составил 2480 руб. 85

коп., административно-хозяйственные расходы исчислялись 1220 руб., на капитальный ремонт ушло 4600 руб., на научную работу - 1450 руб. (59).

Развернувшаяся была работа КОМ по организации деятельности Боровского музея в мае 1930 г. прервалась из-за передачи его Московскому ОНО. 7 мая представителями МОНО и Калужского Госмузея был подписан договор сроком на 10 лет (до мая 1940 г.), согласно которому на территории монастыря должна была разместиться детская колония. В ведение детколонии и МОНО переходили имущество, права и обслуживающий персонал музея. МОНО брал на себя обязательства отремонтировать помещения зданий монастыря и приспособить их под нужды колонии: электрифицировать, провести водопровод и канализацию. Кроме того, он обязался содержать двух музейных сотрудников, сохранить все ценности монастыря, развернуть работу музея в помещении собора и церкви Всех Святых, утеплив эти здания. В связи с передачей ему Боровского музея, МОНО обязался также ежегодно выплачивать Калужскому Госмузею 4600 руб. в фонд спецсредств в качестве компенсации утраченных доходов. Все капитальные работы и изменения в архитектурном ансамбле монастыря МОНО должен был производить с санкции Калужского Госмузея, за которым вместе с Калужским ОкрОНО оставалось право контроля за выполнением обязательств. Представители МОНО В.С. Горохов и Н.П. Потоцкий брали на себя обязательства по выполнению условий договора в течение 1930-1931 гг. 6 мая МОНО были переданы огороды, сенокосные земли, здания монастыря (часть их на разные сроки сдавалась в аренду боровским организациям). Перечисленные выше условия 15 мая 1930 г. были закреплены постановлением Президиума Калужского Окружного ИКа, после чего на территории монастыря разместилась детколония - Индустриально-ремесленная школа (ИРШ) (60).

Музей был вытеснен из всех ранее занимаемых помещений, экспонаты "свалены в кучу" в Ирнинском приделе собора

Стр.24.

Рождества Богородицы и на паперти трапезной 1511 г. Так Государственный историко-художественный и краеведческий музей прекратил свое существование. В помещениях, где он ранее находился, устроили клуб и жилье для сотрудников школы. Зерно из церкви Всех Святых, где можно было бы разместить экспозицию, не вывозилось. Научную работу в таких условиях проводить было невозможно ни Н.П. Ильину, назначенному на должность научного сотрудника с 1 августа, ни занимавшему в сентябре эту должность А.М. Покровскому. Заведующий ИРШ В.С. Горохов обязал его выполнять работу по оборудованию клубной сцены декорациями и преподавать в школе. Отрывали музейных работников от своих обязанностей постоянно, начиная с мая 1930 г. Причину такого отношения к сотрудникам музея А.М. Покровский усматривал в неточных формулировках взаимоотношений музея и ИРШ. Кроме того, с переходом имущества и угодий монастыря школе началась незаконная вырубка парка, разборка сводов в бывшем лазарете (больничных палатах), снятие полов в Сторожевой башне и нижнем этаже одного из братских корпусов; хотели также пробить своды для сушилки в помещении с росписью (61). С июня стали поступать тревожные сигналы о кражах воспитанниками ИРШ музейного имущества, о безобразиях с их стороны (взлом замков и битые стекла в музейных помещениях). Часть украденных ими вещей так и не была найдена. Помимо этого, В.С. Горохов самовольно распорядился отправить из музея в Москву "металлические вещи". Прибывший 25 октября 1930 г. в музей директор Калужского музея И.Н. Чалов подтвердил происшедшее и предложил выход из сложившейся ситуации: музей считать самостоятельным учреждением, а школу - арендатором зданий музея; директора ИРШ обязать выполнять все условия договора, а для музея добиться от РИКа ещё одной штатной единицы - сторожа. Что касается собственно музейной работы, то он предложил на 1930-1931 гг., в первую очередь, предусмотреть создание вводного отдела, отделов промышленности, колхозного строительства, антирелигиозного и

историко-культурного. Заведующим музеем И.Н. Чалов назначил Николая Павловича Ильина, в прошлом видного деятеля Малоярославецкого отделения губернского общества истории и древностей, краеведа (62)

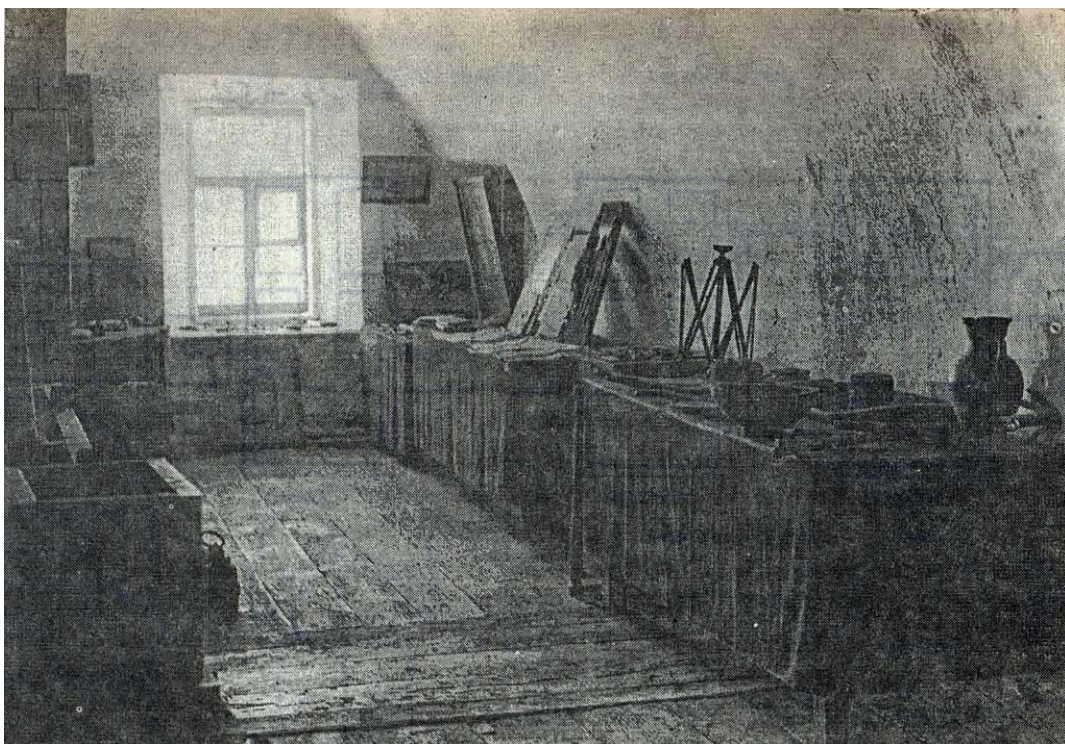
Стр.25.

Однако принятые директором Калужского Госмузея меры "повисли в воздухе", так как 2 ноября 1930 г. Боровский музей был передан под методическое руководство Московского областного музея. Ему давалось право самостоятельного районного музея, а заведующим назначили В.С. Горохова. Таким образом, все осталось по-прежнему (63).

Находясь в полной зависимости от МОНО, Боровский музей располагал в 1932 г. 1215 экспонатами на площади всего лишь 500 кв.м, сотрудниками музея проводилась научно-исследовательская работа по изучению полезных ископаемых края, истории и состоянию колхозов, создавались выставки по кролиководству, полезным ископаемым района и Октябрьской революции 1917 г. в уезде. Посетили музей 9166 человек, бюджет составил 5182 руб. Вся работа выполнялась двумя научными и двумя техническими сотрудниками (64). В 1933 г. Боровский музей перешел в ведение Калужского краевого базового музея. Экспонатов в 1933-1934 гг. насчитывалось только 841 ед.хр., а посетило музей лишь 3117 человек. В это время он назывался "Государственным музеем Боровского района" (66). Можно предположить, что это название было дано ему после передачи под методическое руководство Московского областного музея с правом самостоятельного районного музея, то есть в ноябре 1930 г. Один из отделов музея (историко-культурный, площадью не более 25 кв.м) имел старое оборудование: вдоль стен стояли грубой работы столы. На них, на подоконнике и на полу были расставлены предметы быта, фотографии, инструменты. Чтобы создать такую экспозицию, не требовалось больших сил и знаний, и сотрудники музея больше внимания уделяли краеведческой работе в районе.

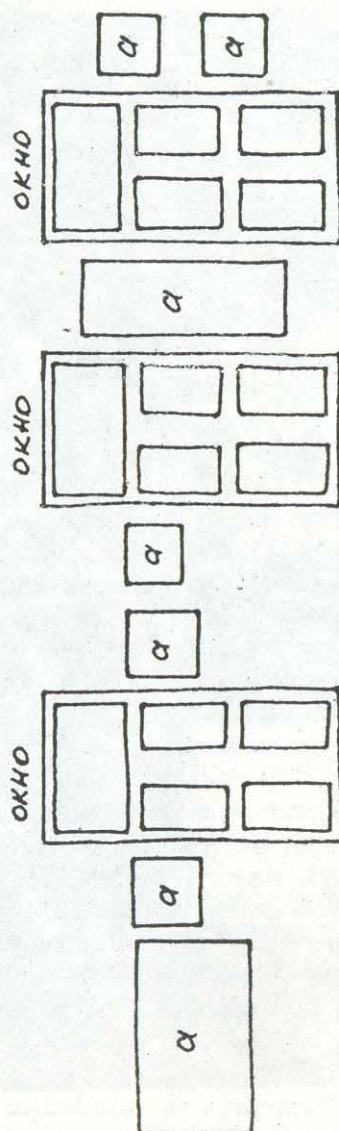
Сведений о дальнейшем состоянии музея пока не обнаружено, но известно, что в самом начале Великой Отечественной войны музей располагался в Пятницкой церкви г.Боровска. В 1935 г. в монастыре обосновался техникум аэрофотосъемки и картографии им. Калинина, а ИРШ была переведена в другое место. В октябре-декабре 1941 г., во время немецкой оккупации, церковь, в которой находился музей, была превращена в тюрьму для русских, насильственно выселенных из г. Нарофоминска. После изгнания оккупантов помещения музея оказались разрушенными:

Стр.26.



Экспозиции историко-культурного отдела государственного музея Боровского района на территории Пафнутьева монастыря. 1930-е гг.

Южная
стена



ОПЦ ГИМ. Там же. Л. 21.

а - вышка 16-17 вв.

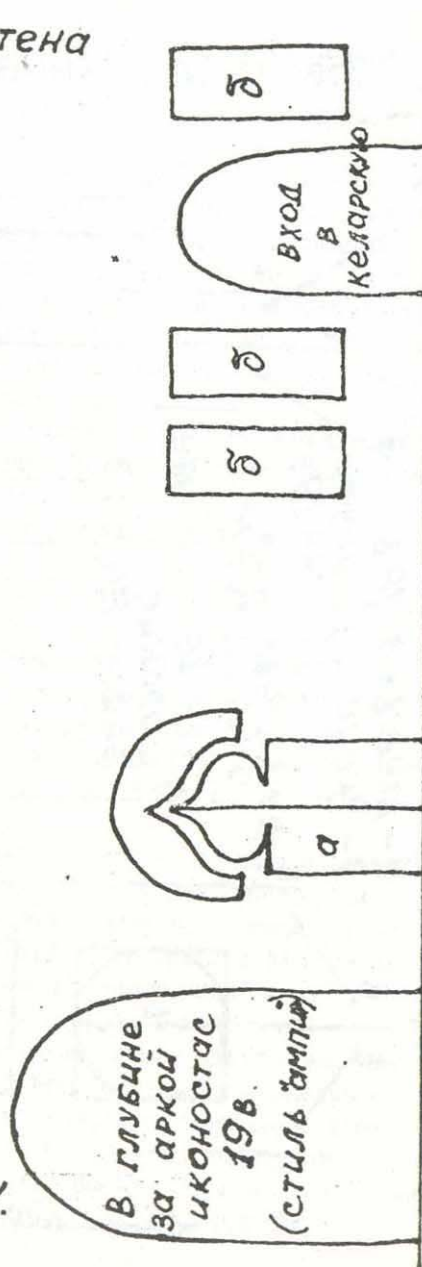
Пояснительные чертежи экспозиции
в трапезной палате.

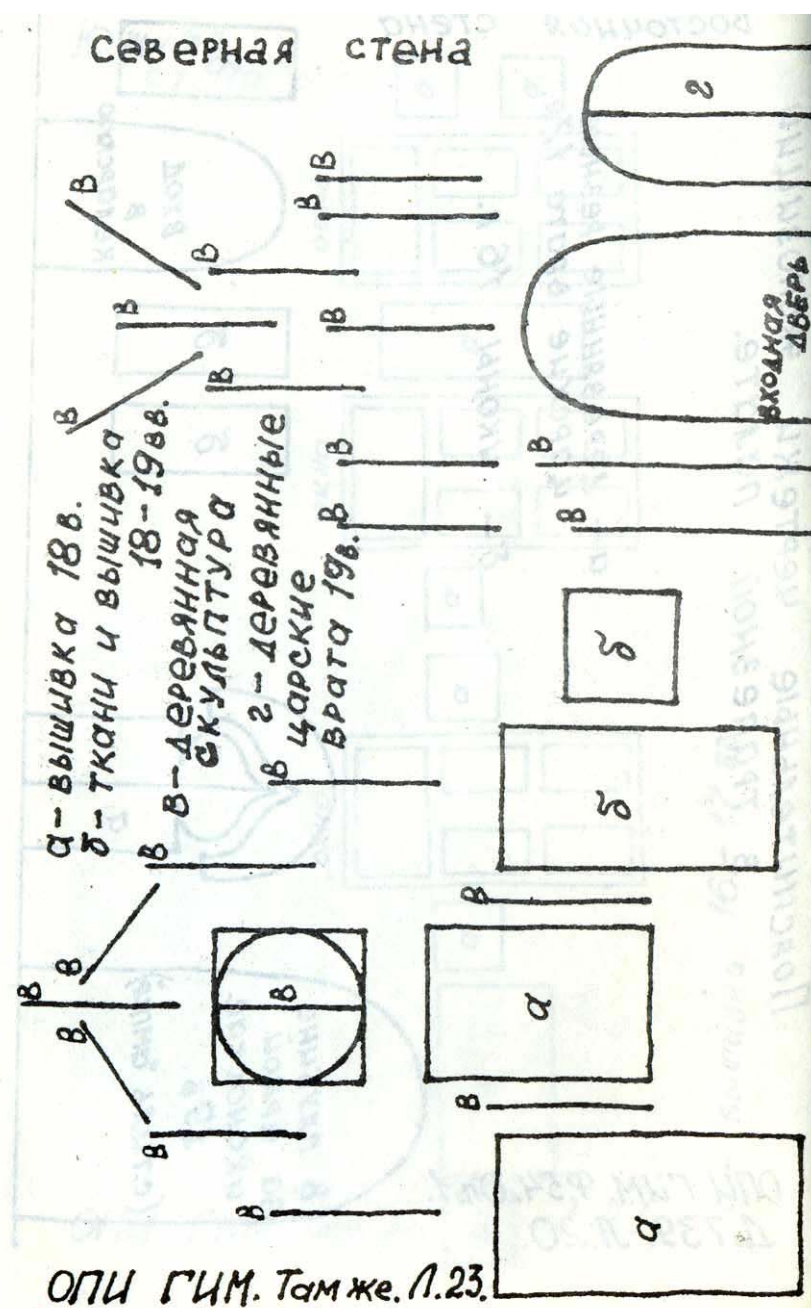
ОПЧ ГИМ. Ф.54. Оп.1.
Д.739. Л.20.

Восточная стена

а - деревянные резные
царские врата 17 в.

б - иконы 16 в.





были выломаны рамы, двери, разрушены печи, сняты перегородки, потолок и пол, уничтожены драгоценные вещи, библиотека, церковные книги, экспонаты, хозяйственный инвентарь. Общая сумма ущерба исчислялась в 935150 руб.

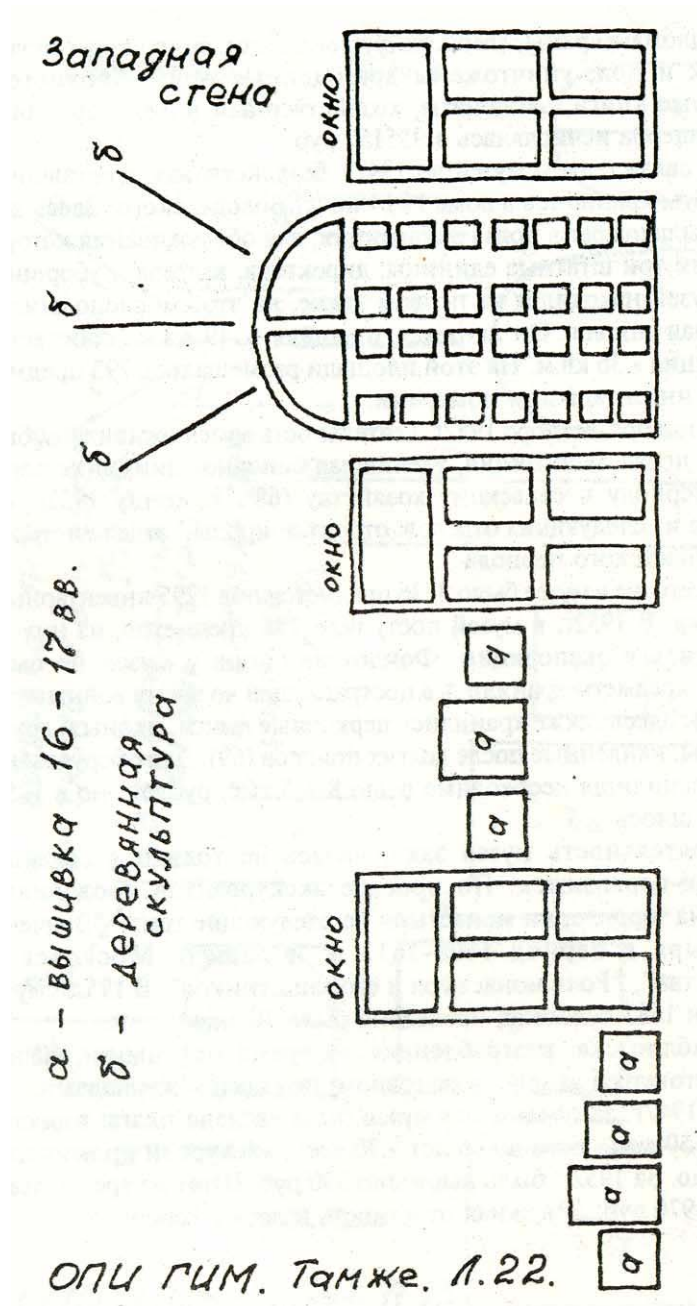
В связи с этим музей до 1947 г. бездействовал, а оставшиеся экспонаты хранились в доме № 14 по ул. Володарского. Здесь же в 1947 г. была открыта новая экспозиция, для обслуживания которой выделили три штатные единицы: директора, вахтера и уборщицы (67). Музей находился на первом этаже, на втором располагалась начальная школа. Он занимал площадь в 49 кв.м, собственно экспозиция - 36 кв.м. На этой площади размещалось 793 предмета под 332 инвентарными номерами.

В ноябре-декабре 1952 г. деятельность музея оживилась: была сделана новая экспозиция, уделившая основное внимание советскому периоду и сельскому хозяйству (68). К концу 1952 г. она стояла из следующих отделов: отдела природы, отдела истории, отдела советского периода. Всего же в музее было 3736 предметов под 1295 инвентарными номерами. В 1952 г. в музей поступило 728 предметов, из них 197 находились в экспозиции. Фондохранилища у музея не было, поэтому предметы хранились в пострадавшей во время войны кухне (12 кв.м). Здесь также хранились церковные книги, иконы и другие предметы, найденные после долгих поисков (69). Для

оборудования фондохранилища необходимо было 8-8,5 тыс. рублей, но в 1952 г. их не нашлось.

Деятельность музея заключалась не только в создании выставок-передвижек. По просьбе экскурсантов проводились беседы на территории монастыря на следующие темы: "Значение монастыря в период 1608-1612 гг. в защите Московского государства", "Роль монастыря и его защитников". В 1952 г. музей посетили 1683 человека, проведено было 70 экскурсий. Библиотека, разграбленная во время оккупации, начала комплектоваться заново, в основном, газетами и журналами. В 1947 г. за посещение музея была введена плата: взрослые платили 50 коп., дети до 16 лет - 20 коп., экскурсии проводились бесплатно. За 1952 г. было выручено 390 руб. Штат из трех человек получал 970 руб. Денежная отчетность велась в горсовете.

Стр.31.



Всю музейную работу вел директор Ян Мартынович Цинис, который был экскурсоводом, и научным сотрудником, и завхозом. Этому больному человеку было 64 года. Он предлагал назначить на свое место нового директора, добавить еще одну

штатную единицу - экскурсовода, требовал расширения экспозиционных и фондовых площадей, оказания помощи со стороны специалистов для приведения в порядок экспонатов.

Сетования болевшего душой за музей человека не были услышаны. Мало того, штат был сокращен до двух единиц с фондом зарплаты 660 руб. в месяц (70).

5 августа 1953 г. на посту директора его сменила Анна Ивановна Сафонова. По вступлении в должность она активно занялась ремонтом помещений и приобретением экспонатов. Средства для этого брались из музейной кассы, пополнявшейся за счет входной платы. Дохода музей не имел и полностью содержался за счет райфо. Большую помощь в ремонте музея оказали РСУ и РК КПСС, в частности, его первый секретарь Бутурлин.

Старания по налаживанию работы Боровского районного краеведческого музея, по его ремонту оказались напрасными. Согласно постановлению СМ РСФСР от 11 января 1954 г., приказу по Министерству культуры РСФСР №163 от 16 февраля 1954 г. и приложению № 1 Боровский музей был упразднен. Произошло это 17 марта 1954 г. (71). Фонды его были переданы в Калужский областной краеведческий музей.

Так завершился второй период деятельности Боровского музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Дешин Н.Г. Первый краевед Боровского края//Боровский краевед. Вып.2. Боровск,1990. С.81-85.

2 «Боровская жизнь». Боровск, 1917. 7 мая.

3 Там же; ГАРФ. Ф.А2307. Оп.3. Д. 136. Л.50.

4 ГАКО. Ф.Р.32. Оп.1. Д.14. Л.155; ГАРФ. Ф.А.2307. Оп.3. Д.309 Л.27.

5 ГАРФ. Ф.А 2307. Оп.3. Д.309. Л.49.

6 ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.739. Л.41.

Стр.33.

7 ГАРФ. Ф.А 2306. Оп.28. Д.121. 199об.

8 ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.465. Л.85-85об.

9 ГАРФ. Ф.А 2306. Оп.28. Д.124. 136об.

10 ГАКО. Ф.Р.32. Оп.1. Д.7. Лл.2,37,47.

11 Там же. Лл.4,37,47; Д. 14. Л. 155.

12 ГАРФ. Ф.А 2307. Оп.3. Д.308. Л. 16.

13 ГАКО. Ф.Р.32. Оп.1. Д.14. Л.125.

14 ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.3. Д.130. Лл.227-227об.

15 Архив Боровского филиала Калужского областной краеведческого музея. Папка №6. Л.26.

16 ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.3. Д.130. Лл.227-227об.; оп.9. Д. 124. Л.46.; оп.8. Д.211. Лл.10-10об.; О Г.Н.Дешине см.: Осипов В.И. Письма В.И.Малышева к боровским краеведам Г.Н. и Н.Г.Дешиным // Боровский краевед. Вып.3. Боровск, 1991. С.44.

17 ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.8. Д.88. Лл.16.30-30об.

18 Там же. Оп.3. Д.309. Лл.35-35об.

19 Там же. Оп.3. Д. 19. Л. 131об.

20 Там же. Д.88. Лл.8-10об.

21 Там же. Лл.54-54об.

22 Там же. Оп.3. Д.305. Л. 1,3.

23 Там же. Оп.22. Д.320. Л.2; оп.3. Д.309. Лл.41-43.

24 ГАКО. Ф. Р.26. Оп.1. Д.203. Л.28,31,38об.; Кончин Е. Клады старца Пафнутия // Хранить постоянно...Тула, 1982. С.45.

25 ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 88. Лл. 48-50; ГАКО. Ф.Р.26. Оп.1. Д.203. Лл.31-38об.

26 Там же. Д. 198. Л.27; ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.8. Д.88. Л.56,59,61,62,65,66.67; Оп.3. Д.309. Лл.10-11об.

- 27 ГАКО. Ф.Р.375. Оп.1. Д.2. Лл.34-35; ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.3. Д.309. Л.9об.; Д.131. Лл. 181-182.
28 ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.3. Д.309. Л. 1.20.
29 Там же. Оп.8. Д.23. Л.84об.; Оп.3. Д.90. Л.1об.; Д. 163. Л.151,152; ГАКО. Ф.Р.395. Оп.1. Д.128. Л.287; ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.644. Л.26.
12. ГАРФ. Ф.А-2306. Оп.28. Д. 103. Л.89; Ф.А-2307. Оп.8. Д.88. Л.80,91,92; Оп. 22. Д. 725. Лл. 2, 3; ГАКО. Ф.Р.375. Оп.1. Д.2. Л.35,133.
13. ГА РФ. Ф. А-2307. Оп.8. Д.211. Л.15,16,22; Оп.9. Д.124

Стр.34.

Лл.60-61,89,110,111; Кончин Е. Указ.соч. С.48; Антипов А. Монастырские клады // Боровские известия. 1991. №136.

17. Там же. Оп. 8. Д. 211. Лл. 19-22; Оп.2. Д.725. Л.4; Д.174. Лл.214, 215; Д.87. Л.92,102.
18. Там же. Оп.9. Д.124. Лл.46-46об.,88.
19. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.643. Л.5,13,136; ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.9. Д.124. Л.48,64; Оп.23. Д.65. Лл.42,46,47,48, 64; Архив БФ КОКМ. Папка №6. Л.41.
20. ГАКО. Ф.Р.375. Оп.1. Д.10. Л.178; Ф.Р.395. Оп.1. Д.128. Лл. 288-288об.,299, 286.
21. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.644. Лл.10-11об.; ГАКО. Ф.Р.395. Оп.1. Д.128. Л.322; ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.10. Д.207. Лл.35-35об.
22. ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.9. Д.124. Л.111-112,157; Оп.23. Д.65. Л. 51.54-56; Оп. 22. Д. 540. Лл. 2-4; ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.739. Л. 15-23.
23. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.739. Л. 16-18, 44-44об.
24. ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.10. Д.207. Лл.8, 14, 23, 25, 43, 45, 125, 126, 169, 171; Д.33. Л.28, 29.
25. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.739. Лл.15-23;
26. ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.9. Д.124. Л.164,169; Оп. 10. Д.206. Л.44; Д.207. Лл.89-89об., 104-106об., 227-229; ГАКО. Ф.Р.395. Оп.1. Д.141. Л.241.
27. ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.9. Д.61. Л.174; Оп.10. Д.207. Л.29, 172.
28. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.739. Лл.15об,17об.
29. ГАРФ. Ф.А-2307. Оп.3. Д.83. Л.70,72об; Оп.10. Д.144. Л.137; Д.207. Л.1,15.
30. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.613. Л.2; Д.614. Лл.44-47; Д.644. Лл. 37-37об.; Д.615. Лл.67-67об; ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.1. Д.51. Лл.22-24об.
31. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.614. Лл.44-47; Д.644. Лл.9,12-14.26,29,31.
32. Там же. Д.615. Лл.67-67об.; Д.645. Л.2.
33. Там же. Д. 615. Лл. 67-67об.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же. Д. 646. Л. 115 об.

Стр.35.

37. Там же. Д.645. Лл.55-57об., 29-29об.
38. Там же. Л. 1-4.
39. ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.1. Д.51. Лл.22-24об.
40. Архив КОКМ. Ф. Р. 2878. Оп.3. Д.36. Л.59.
41. ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.1. Д.51. Лл.22-24об.
42. ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.3. Д.60. Л.23; Оп.1. Д.51. Лл.22-24об.
43. ОПИ ГИМ. Ф.54. Оп.1. Д.645. Л.1; ГАКО. Ф.Р.2878. Оп. Д.51. Лл.22-24об.; ГА РФ. Ф.А-2307. Оп.14. Д.21. Л.7,20.
44. ГА РФ. Ф.А-2307. Оп.14. Д.21. Л.71; ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.1. Д.52. Л.31,170,208,252,264,377.
45. Там же. Оп. 3. Д. 60. Лл.1,8-8об.,19-21об.

46. Там же. Лл. 30-38.
47. Там же. Л. 26, 35-36, 38, 43-43об.; Бауэр А.А. Летописцы Малоярославецкого края // Малоярославец: очерки по истории города. Малоярославец, 1992. С.134-135.
48. ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.3. Д.60. Л.44.
49. ГА РФ. Ф.А-2307. Оп.17. Д.49. Л.6.
50. ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.2. Д.8. Лл.5об-6; ГАРФ. Ф.А-2306. Оп 70. Д. 1059. Л.91; Архив БФ КОКМ. Осн.ф. №1498/1-2.
51. ГАКО. Ф.Р.2151. Оп.1. Д. 116. Л. 169; Ф.Р.2878. Оп.3. Д.60. Лл.8-8об.
52. Там же. Ф.Р.2151. Оп.1. Д.116. Лл.169-170об.; Ф.Р.2878. Оп.3. Д.160. Л.1.
53. ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.3. Д.160. Лл.1-4; Воспоминания А.И.Сафоновой / Персональная карточка. БФ КОКМ.
54. Воспоминания А.И.Сафоновой / Персональная карточка. БФ КОКМ.; ГАКО. Ф.Р.2878. Оп.3. Д.160. Лл.1-4.
70. ГАКО. Ф.Р.3467. Оп.1. Д.63. Л.45; Воспоминания А.И.Сафоновой / Персональная карточка. БФ КОКМ; Архив КОКМ. Ф.Р.2878. Оп.3. Д.176. Л.16.
71. Архив КОКМ. Ф.Р.2878. Оп.3. Д.153. Л.171,174; ГАКО. Ф.Р.3467. Оп.1. Д.63. Л.40.

Стр.36.

В.И. Осипов (г. Боровск)

ИЗ ИСТОРИИ БОРОВСКОГО ФИЛИАЛА КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1987-1997гг.)

В июле 1997 г. исполнилось десять лет Боровскому музею — филиалу Калужского областного краеведческого музея.

Боровский филиал КОКМ был образован 1 июля 1987 г. на базе трех музеев на общественных началах: музея Боевой Славы в Боровске (руководитель М.Ф. Жданова), краеведческого музея (руководитель А.А. Антипов) и музея народного творчества (руководители Л.Г. Киселева, С.И. Гарбузова и А.К. Бойко), расположенных на территории Пафнутьев-Боровского монастыря (1). Помещения в монастыре, в которых располагались выставки, были мало приспособлены для экспозиций. В большей степени экспозиция была оборудована в музее Боевой Славы. Однако во всех музеях практически отсутствовали фондовые помещения и не велась работа по описанию, хранению и реставрации музейных предметов. Не было и научно-краеведческой библиотеки. Сотрудники, работавшие на общественных началах, занимались, в основном, лекционно-экскурсионной работой и хранением переданных музеям от местных жителей музейных предметов.

После объединения всех фондов в один насчитывалось 5045 ед. хр. (музей Боевой Славы - 1900 ед.хр., музей народного творчества - 120 ед.хр., краеведческий музей в Пафнутьевом монастыре - 3043 ед.хр.).

С первых дней существования музея работа была поставлена на научную основу: налаживалась система учета и хранения фондов, комплектования научно-исторической и краеведческой библиотеки началась работа над созданием новых выставок и экспозиций, написанием научных статей, исторических справок и т.д.

В настоящее время (на 1 апреля 1997г.) в фондах музея насчитывается 8395 ед.хр., а в библиотеке музея - 4381 ед.хр. научно-справочной и краеведческой литературы. За эти годы сотрудниками

Осипов Виктор Иванович - заведующий Боровским филиалом Калужского областного краеведческого музея.

Стр.37.

музея было проведено 7363 экскурсий, прочитано 876 лекций, в музее побывали более 369 тыс. посетителей. Научно-исследовательская работа выразилась в создании 23 выставок написании 93 научных и научно-популярных статей. Было проведено 11 конференций (8 историко-краеведческих и 3 тематические - "Старообрядчество: история, культура и современность"- декабрь 1990г., "Монастыри в жизни России"- апрель 1994 г "Д.Н.Сенявин" - июль 1996 г.). По материалам конференций издано 7 выпусков сборника "Боровский краевед" (1988- 1997 гг.), "Монастыри в жизни России. Сборник материалов" (1997 г.); документы "Боровский уезд в XVII в. (Материалы дозора 1613 г.) (1992 г.), альбом-брошюра "Боровск на старых открытках" (1994 г.), листовка "Схема-путеводитель по Пафнутьев-Боровскому монастырю".

Конечно же, никакая деятельность музея была бы немыслима без людей, в нем работающих; без друзей и помощников она была бы затруднена, а в иных случаях и невозможна. Упомянуть всех нельзя, поэтому попытаюсь сказать хотя бы о некоторых.

Согласно приказу № 5 от 3 июня 1987 г. Калужского управления культуры, Боровский музей стал считаться официально открытым с 1 июля 1987 г. Но история его создания началась несколькими десятилетиями раньше.

Первым официально зарегистрированным музеем в Боровске (1976 г.) был музей Боевой Славы, расположенный на центральной площади у Вечного огня. Его бессменным руководителем являлась Мария Филипповна Жданова. После объединения музеев в один М.Ф. Жданова продолжила в нем работу научным сотрудником. Участница Великой Отечественной войны, после демобилизации М.Ф. Жданова стала преподавать в Боровском сельскохозяйственном техникуме. В 1950- 1960 гг. она работала РК КПСС. В 1964 г. Мария Филипповна вновь вернулась к педагогической деятельности: была директором, преподавателем истории и обществоведения в Боровской школе № 2. При поддержке и деятельном участии был создан прекрасный школьный музей Боевой Славы, начали работать поисковые и краеведческие кружки. В 1976 г. Мария Филипповна вышла на пенсию. Однако она продолжала активную деятельность: в 1976 г. она возглавила

Стр.38.

общественный Совет музея Боевой Славы в г.Боровске. В течение продолжительного времени она работала одна, совмещая обязанности экскурсовода, лектора, исследователя, даже завхоза. Ведя постоянную переписку, она установила тесные контакты с бывшими защитниками и освободителями Боровского района, сотрудниками военных архивов, с ветеранами Великой Отечественной войны, живущими в Боровском районе. За время работы и музее (а затем - отделе) Боевой Славы (1977-1991 гг.) Мария Филипповна собрала обширный материал, который лег в основу выставок Боровского музея по Великой Отечественной войне.

Нам, сотрудникам Боровского музея, Мария Филипповна запомнилась как очень скромный человек, не любивший обременять окружающих своими проблемами. В то же время с ней было очень легко работать: она знала очень много и многих, помогая новым сотрудникам осваивать незнакомые темы. В общении с людьми подкупала ее естественность, всегда дружелюбный тон, демократичность. Умерла Мария Филипповна в 1996 г.

Второй частью во вновь организованный музей вошел краеведческий музей на общественных началах, созданный в 1968 г. коллективом преподавателей и учащихся Боровского сельскохозяйственного техникума на территории Пафнутьева монастыря и официально зарегистрированный в 1981 г. На протяжении почти двух десятков лет музей

возглавлял Алексей Алексеевич Антипов. Им была передана богатая коллекция музейных предметов, давшая прочное основание для дальнейшей музейной работы.

Следует отметить, что главная роль в появлении Боровского музея - филиала Калужского областного краеведческого музея - принадлежит клубу "Жар-птица", чей музей народного искусства был зарегистрирован 31 марта 1983 г. Без энтузиастов - членов клуба – вряд ли бы удалось доказать необходимость и возможность существования в Боровске государственного музея. Задолго до официального открытия музея в Боровске сложился творческий коллектив народных умельцев, поэтов, художников (Л.Г. Киселева, С.И. Гарбузова, Л.А. Ускова, А.К. Бойко, Н.С. Милов, В. Черников, Б.А. Борисов, К.Я. Новик, Д.Б. Зенкина, В.И. Клопова. Л.А. Коновалова, А.М. Полежаев, В. Прокошин). Председателем

Стр.39.

совета музея стал А.К. Бойко, а его заместителем - Л.Г. Киселева. Они развернули активную работу по пропаганде самодеятельного творчества боровчан. Л.Г. Киселева была связующим звеном между всеми членами музея. Ее воля и настойчивость в сочетании с неутомимостью А.К. Бойко делали невозможное. В течение короткого времени в Пафнютевом монастыре были отреставрированы кельи в Восточном братском корпусе и открыта выставка произведений народных умельцев и художников.

Музей и клуб "Жар-птица", бессменным председателем которого является С.И. Гарбузова, а секретарем - Л.А. Ускова, объединили вокруг себя и поэтов, краеведов, творческую интеллигенцию района. С неутомимой энергией они пропагандировали историю, культурное наследие Боровского края не только в своем районе, но и в Москве, Калуге, Обнинске. Конечно же, не обходилось без трудностей. Перед руководителями музея стояла нелегкая задача: постоянно поддерживать созданный музей, находить для этого средства, налаживать дежурство в музее и т.д. Постепенно осознавалась необходимость создания государственного музея в районе. И когда, наконец, было принято решение о его создании, все изделия народных мастеров полностью вошли в состав нового объединения.

В первые два года существования Боровского филиала КОКМ сотрудники музея учились абсолютно всему: и составлению экскурсий, их проведению, работе с фондами, созданию новых выставок. Времени на учебу было мало, приходилось осваивать все сразу. И я благодарен судьбе, что в новом коллективе оказались люди, любящие свое дело.

После моего назначения заведующим филиалом необходимо было подобрать научных сотрудников. Музейная работа была мне практически незнакома. С 1979 г. я работал в Сатинском СПТУ-8 (32), затем - в Ермолинском СПТУ-14. Преподавал в них историю, общественные дисциплины. В Сатинском училище собирал материал по его истории. В Ермолинском училище находился краеведческий музей, созданный П.А. Подшиваловым, М.С. Жилинским и другими. В нем было собрано много музейных предметов по истории поселка Ермолино с древнейших времен, но основная часть материала была посвящена истории

Стр.40

Ермолинского хлопчатобумажного комбината с конца XIX в. Большой интерес в экспозиции представляли макеты Боровской крепости, Ермолинской фабрики и т.д. После смерти П.А. Подшивалова музейный совет практически прекратил свою работу. Поэтому мне пришлось в течение полутора лет оказывать помощь этому музею в его реконструкции и реэкспозиции. Для меня это была большая практика.

Мне повезло, что с первых дней в музее стал работать научным сотрудником Станислав Евгеньевич Компанец. С ним вместе мы учились в Калужском государственном педагогическом институте им. К.Э. Циолковского. Очень хорошо знали друг друга, наша дружба продолжилась и после окончания института, когда он служил в армии и работал в школах. Я знал, что этот человек очень быстро осваивает новую для

него работу и делает ее профессионально. Кроме того, он не чуждался никакой работы. Сначала не было даже комнаты, где могли бы разместиться сотрудники: все принадлежало Боровскому заочному сельскохозяйственному техникуму. Прораб реставрационного участка Анна Леонидовна Денисова подсказала, что в Западном братском корпусе есть пустующие помещения. После уговоров директор техникума согласился их отдать. Мы неделю чистили их, затем проводили отопление. В течение месяца необходимо было освоить экскурсию по истории Пафнутьев-Боровского монастыря. С этой задачей наши сотрудники справились успешно, и уже через месяц они стали обслуживать экскурсионные группы из Обнинска, Москвы, Калуги и других городов.

Спустя месяц к нам пришла работать В.А. Бойко. Ей предстояло собрать материал о боровских народных умельцах, а также участниках клуба "Жар-птица". Вера Алексеевна была прекрасным экскурсоводом. Она постоянно совершенствовалась в своей работе. Ее с увлечением слушали люди всех возрастов. Когда ей пришлось уйти из музея, я сомневался, сможет ли кто-нибудь заменить ее в экскурсионной работе. Но нам повезло. В 1991 г. к нам пришла работать Елена Владимировна Цветкова. Она быстро освоила незнакомый ей историко-краеведческий материал, так что через два месяца экскурсанты подолгу не отпускали её от себя, задавая вопросы. В настоящее время Е.В. Цветковой

Стр.41.

обрабатывается поистине необъятный материал по Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Не раз ее знания помогали в поиске мест захоронений погибших участников войны.

С первых лет существования у музея сложились дружественные отношения с археологами Москвы, Калуги, Обнинска - В.С. Нестеровым, О.Л. Прошкиным, А.С. Фроловым, В.А. Тарасовым и другими. В результате археологических обследований Боровского района был собран материал, который расширил наши представления о древней Боровской земле. Археологи привили любовь к своей работе боровскому юноше Виталию Бубликову, который отслужив в армии, стал работать в музее.

В ноябре 1987 г. сразу после окончания школы пришла работать в музей Нелли Лошкарева. По мере становления росли знания и навыки у молодой сотрудницы. В июне 1993 г. она закончила РГГУ по специальности историк-музеевед. Н.П. Лошкарева - незаменимый собиратель архивного материала и библиографии по истории Боровского края. Ей интересно все: и 1812 год, и история Боровских музеев, и история Пафнутьев-Боровского монастыря. Работает она увлеченно и добросовестно, ею были написаны тематико-экспозиционные планы к выставкам "Чудеса из лозы и бересты", "История некрополя Пафнутьева монастыря", подготовлена выставка "Чудеса из лозы и бересты", составлены библиографические указатели по газете «За коммунизм» ("Боровские известия") за 1960-1979 гг. и 1980-1996 гг. Она принимает активное участие в традиционных Малоярославецких конференциях, посвященных событиям 1812 г., а также является одним из организаторов Боровских историко-краеведческих конференций.

В первые годы существования музея большую помощь ему оказывала Анна Леонидовна Денисова, возглавляющая Боровский реставрационный участок, архитекторы-реставраторы В.Н. Меркелова, Н.В. Чурканова, художник-реставратор Л.С. Муравьев-Моисеенко. В трудные минуты, когда необходим был срочный ремонт, А.Л. Денисова со своей бригадой приходила на помощь. Ее рассказы открыли много интересного в истории долголетней реставрации монастыря.

Многие годы нашими активными друзьями и помощниками были В.М. Завитаев, Р.А. Узяков, Н.Г. Дешин.

Стр.42.

Вячеслав Михайлович Завитаев, участник Великой Отечественной войны, двадцать шесть лет проработал в Ермолинской школе. Сейчас он на пенсии. Вот уже в течение

десяти лет принимает активное участие в историко-краеведческих конференциях, которые проводит Боровский музей. Считая, что молодежь надо воспитывать на подвигах земляков, он стал одним из организаторов музея Боевой славы в Ермолинской школе. Заниматься любимым делом Вячеславу Михайловичу помогают стихи. Поэзия - неотъемлемая часть его жизни. Поэтические сборники (рукописные и опубликованные), свои воспоминания о Великой Отечественной войне он передал музею.

Трудно в музейной работе охватить всю краеведческую проблематику. В настоящее время поселок Балабаново стал городом. Его история еще не написана, и краоведам предстоит в этом отношении большая работа. История города Балабаново – это одна из тем, над которой работает Ракиб Абубакирович Узяков. Краеведческие интересы Ракиба Абубакировича разносторонни. Значительное место в них занимает Великая Отечественная война, ее участники-ветераны. Его усилиями фонды музея пополняются ценными материалами, не известными ранее сведениями.

Практически неразработанной краеведческой темой является история народного образования Боровского района. В этом направлении успешно работает потомственный педагог Николай Григорьевич Дешин. Интерес к истории родного края он унаследовал от отца. Талантливый учитель, он одновременно не переставал быть и неутомимым краеведом. Сейчас он на пенсии, но продолжает оказывать музею содействие в сборе материалов (о Н.П. Глухарева, по народному образованию района), активно участвует в музейных конференциях.

Большую помощь в изучении военной истории края оказывают музею И.М. Нагаев и М.М. Колышкин. И.М. Нагаев - архивист ЦГАСА, человек, увлеченный военной историей. Более десяти лет связывают И.М. Нагаева с музеем. За эти годы им было проведено много встреч военных архивистов с учащимися боровских школ, несколько совместных поисковых сезонов, совместные передвижные выставки. Игорь Михайлович передал в Боровский музей много ксерокопий документов по военной истории.

Стр.43.

М.М. Колышкин — военный моряк. Одной из своих целей Михаил Михайлович считает пропаганду исторических знаний наших земляках-флотоводцах, тех, которые с берегов реки Протвы вышли на морские просторы России и с честью выполняли свой долг. Михаил Михайлович является одним из инициаторов увековечения памяти славных земляков в названиях улиц города, в мемориальных знаках. Он - неперенный участник краеведческих конференций. Его выступления всегда вызывают оживлений интерес присутствующих.

Хочется поблагодарить от чистого сердца всех друзей Боровского музея и пожелать им дальнейшего сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Осипов В.И. Боровский музей в 1987-1991гг. // Боровский краевед. Вып.5. Боровск, 1993. С.130-132.

Стр.44

М. Ф. Жданова (г. Боровск)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ БОРОВСКОГО РАЙОНА

Боровский музей Боевой Славы был открыт 22 февраля 1976 г., ко Дню Советской Армии. Открытию музея предшествовала большая подготовительная работа. Был создан

организационный совет, распределены обязанности, составлена тематика экспозиций музея, согласованная затем с Калужским областным краеведческим музеем.

На заседании Совета была уточнена тематика, после чего Совет приступил к сбору материалов и экспонатов.

Промышленные предприятия готовили витрины, макеты, школьники - макет пушки, партизанской землянки, учащиеся ГПТУ-14 - макет братской могилы в Боровске, умельцы завода «Вега» изготовили макет ордена Отечественной войны (1:10), войсковая часть - панораму боя за Боровск.

Последним этапом подготовительной работы, которая заняла целый год, было художественное оформление экспозиций. Оно велось одновременно с поступлением материалов.

Активное участие в подготовке музея к открытию приняли местные краеведы В.В. Благовещенский - преподаватель истории, пенсионер, автор книги "Боровск", А.А. Антипов - директор Рошинского музея, Н.Г. Дешин - преподаватель сельскохозяйственного техникума, А.В. Исаев - председатель Совета, директор Боровской школы №2, Л.Н. Яковлев - завуч Боровской школы №1, Добринская школа, Боровская школа №2 (преподаватель истории Т.В. Чугасова), Ермолинская школа.

Материальную помощь оказала фабрика "Красный Октябрь", Балабановская экспериментальная спичечная фабрика, трикотажная фабрика, фабрика "Заря" и др.

Инициаторами создания музея являются М.Ф. Жданова - бывший секретарь РК КПСС, участница войны, В.В. Прошин -

Жданова Мария Филипповна - руководитель общественного музея Боевой и Трудовой Славы Боровского района с 1977 г. по 1987 г. Статья написана ею в 1982 г.

Стр.45.

бывший заведующий отделом пропаганды и агитации, участник войны, В.Г. Павлов - заведующий отделом пропаганды и агитации РК КПСС.

Музей находится в бывшем здании Дома пионеров, которое в военное время, до оккупации, служило призывным пунктом. В нем имеется три зала, занятых под экспозицию, и две служебные комнаты. В настоящее время экспозиция размещена в одном зале, так как вторую его половину с октября 1978 г. занимает библиотека. Ремонт аварийного здания библиотеки намечается на 1983 г., после чего экспозиция музея будет размещена по-прежнему, и музей приступит к оформлению нового раздела "Боровск с древнейших времен".

Музей ведет собирательскую работу в следующих направлениях:

- по отделу Боевой Славы;
- жизнь и деятельность К.Э.Циолковского;
- Боровский район сегодня;
- Боровск с древнейших времен.

С этой целью музей использует такие формы работы, как проведение бесед и экскурсий в музее, выступление с докладами и лекциями перед школьниками, трудящимися, военнослужащими. Музей ведет индивидуальную работу и переписку, выступает в печати.

В фондах музея насчитывается более трех тысяч единиц хранения (как подлинников, так и копий). Учет фондовых материалов ведется по форме, рекомендованной КОКМ.

В экспозиции музея три отдела: "Боевой Славы", "Жизнь и деятельность К.Э.Циолковского", "Боровский район сегодня".

В отделе "Боевой Славы" рассказывается о наступлении немецко-фашистских войск на Москву осенью 1941 г. и разгром вражеских полчищ на землях Подмосковья, о высоком боевом духе советских людей, в том числе и боровчан, их ратных подвигах.

Отдел "Жизнь и деятельность К.Э. Циолковского" раскрывает боровский период жизни, педагогической и научной деятельности ученого, коротко освещается калужский период его жизни.

Отдел "Боровский район сегодня" в настоящее время представлен только продукцией промышленных предприятий района, так как зал, в котором он размещался прежде, занят библиотекой.

Стр.46

Залы музея хорошо освещены, экспонаты лежат в витринах и на стеллажах. В оформлении экспозиции принимали участие художник фабрики "Красный Октябрь" В.Е. Кузнецов, художник районного Дома культуры Н.И. Вячеславов.

В музее читаются лекции на темы: «Советский народ – победитель», "Великая Отечественная", «Великая битва под Москвой», "Боровчане - юные герои войны", "Боровчане – герои Советского Союза" и др. Экскурсии проводит руководитель музея, привлекаются и экскурсоводы-общественники из числа преподавателей, работников библиотек, участников войны.

В традицию музея вошло проведение приема октябрят в пионеры, вручение комсомольских билетов, проведение "Уроков мужества" и встреч с ветеранами войны школьников, туристских линеек у Братской могилы и других мероприятий.

За 6 лет 10 месяцев в музее побывало 28284 человек. Проведено 639 экскурсий (1331 чел.), 449 бесед, на которых присутствовало 3051 человек.

Музей Боевой Славы района посещают не только боровчане, но и гости из многих городов РСФСР, Латвии, Литвы, Украины. Много приезжает москвичей, калужан, обнинцев.

Музей работает в тесном контакте с общественными организациями района, учреждениями культуры, РК ВЛКСМ, школами района, обществом "Знание", обществом охраны памятников истории и культуры. Руководитель музея оказывает методическую помощь школам района, проводит консультации по отделам экспозиции музея, обеспечивает краеведческим материалом актив школ с целью создания там уголков Боевой

Стр. 47

А.А. Антипов (с. Роца)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ В с. РОЦА ПРИ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

После отделения церкви от государства и официально закрытия Пафнутьев-Боровского монастыря в его стенах действовали различного рода учебные заведения. Сначала здесь была колония для беспризорных и малолетних преступников (Боровская индустриально-ремесленная школа), затем школа механизации сельского хозяйства, сельское профтехучилище, институт усовершенствования руководящих кадров училищ механизации, затем - сельскохозяйственный техникум.

Но с годами в умах и сердцах многих сотрудников этих учебных заведений созревала мысль, что монастырь является не только помещением для учебных целей, но и памятником истории, культуры и архитектуры XVI-XIX вв. и древней крепостью.

Я был в числе тех, кто давал такую оценку этой обители. А стал я работать в этих стенах с 1942 г. после освобождения Боровска от немецкой оккупации. На моих глазах здания, которые использовали не по назначению, стали разрушаться. Произошли три события, ускорившие решение вопроса о дальнейшей судьбе монастыря. Первое произошло в 1954 г., когда рухнул центральный купол собора. Накануне этого дня я вместе с директором учебного заведения выехал в Москву в Министерство сельского хозяйства с докладом об опасной угрозе растущих трещин в соборе. На следующий день нам был назначен прием в ЦК КПСС по этому вопросу. Утром в Министерство позвонили

из Боровска и сообщили, что купол собора рухнул. Различные комиссии и специалисты стали решать спорный вопрос: взорвать храм или реставрировать. Победил все-таки здравый смысл. Пять лет велись подготовительные работы: сбор исторических сведений, фотофиксация, исследование состояния зданий, составление смет. С 1960 г.

Стр.48.

приступили к реставрации монастырских зданий. В процессе работы реставраторами были обнаружены белокаменные саркофаги, много изразцов, монет, строительных блоков из белого камня. Я был в курсе работ реставраторов, знакомился с архивными сведениями, да и сам стал выписывать в библиотеках историческую литературу. Интерес к монастырю возрос.

Второе событие связано с ремонтными работами. В 1956 г. ремонтировали полы в Красном уголке - это помещение возле трапезной. Там когда-то была келарская, затем церковь прп. Онуфрия, а затем ризница. Сняв деревянные полы, под частично разобранным сводом рабочие обнаружили завернутую в старые ризы церковную утварь XVI-XIX вв. (около трех пудов). Это событие потрясло район. Поток любопытных устремился посмотреть клад. В коридоре учебного корпуса были выставлены застекленные шкафы, в которых расположили все ценности. Получился настоящий музей. Я был в составе Комиссии по составлению акта найденных вещей. Клад затем был передан в Боровскую милицию, а оттуда перевезен в Калужский областной краеведческий музей. Какой след истории!

Третье событие относится к 1957 г. Я попросил учащихся сделать лавочки против цветочных клумб между учебным и юго-восточным келейным корпусами. Копая ямки для столбов, ребята наткнулись на клад серебряных монет. Поскольку мы не могли определить историческую ценность найденного, то весь клад был отправлен в Калужский областной краеведческий музей. Из музея прислали обстоятельное письмо, где сообщалось, что это серебряные копейки - "чешуйки" времен Ивана Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича и др. Вот они - свидетели истории Русского государства!

Я был не только свидетелем этих событий, но и непосредственным участником. Как тут не стать краеведом.

В начале 1970-х гг. секретарь комсомольской организации техникума В.Пчелкин добился у директора техникума разрешения использовать полуподвальные помещения под колокольной и трапезной для комсомольской работы (раньше там было овощехранилище). Помещения привели в порядок, побелили, но решили разместить музей, так как здесь находилась "палатка", где был

Стр.49.

заточен протопоп Аввакум. Стали сюда носить найденные реставраторами белокаменные саркофаги, строительные блоки и др. Принял участие в этом деле преподаватель Дешин Н.Г., а затем я. Пчелкин Вячеслав вскоре отошел от этой затеи, так как был избран секретарем райкома комсомола, а затем уехал на учебу. Инициатива в дальнейшем оформлении будущего музея перешла ко мне. Как-то заехал в учебное заведение В.Пчелкин. Заходит в "подвальчик" - будущий музей. Экспонатов было уже много. Он предложил завести инвентарную книгу для записи поступающих экспонатов. Я сделал первую запись - экспонатом № 1 стали три серебряные копейки из найденного клада. Это было 12 августа 1968 года. День этот мы и стали считать началом создания музея.

Все чаще и чаще стали приезжать и приходить в монастырь посетители. Начала их проводить преподаватель Н.П. Медведева, затем я и Н.Г. Дешин. Большими помощниками в оформлении музея, в пополнении его экспонатами были рощинские и боровские школьники. Витрины, щиты, рамки, столы я делал сам, используя списанную мебель учебного заведения. В приобретении фанеры, тканей, клея, плексигласа и прочего помогали руководители Ермолинской фабрики, Балабановского предприятия ВНИИДрев,

воинской части. Комсомольская организация Обнинского завода "Сигнал" помогала написать этикетки, оборудовать Аввакумовскую палатку.

В 1970 г. в монастыре начали работать художники-реставраторы фресковой живописи. Я провел им экскурсию, показал в музее следы фресковой росписи. Ведущий художник-реставратор И.М. Гудков очень высоко оценил едва различимую роспись, которая была частично забелена. Один из реставраторов, Кузнецов, вызвался ее расчистить. Вечерами и в выходные дни он занимался ею, пока не выявился Спас Нерукотворный, фреска конца XVI - начала XVII вв. Еще в 1919 г., в акте осмотра монастыря московская комиссия высоко оценила роспись, отнеся ее к "ферапонтовским временам", так как нашли общее с росписями Дионисия в Ферапонтовском монастыре. Роспись стала ценным экспонатом музея; хотя и не вписалась в инвентарную книгу.

Большой интерес к музею проявляли учащиеся I и II курсов

Стр.50.

техникума. Из желающих я создал краеведческий кружок. В каждой группе были организованы отряды краеведов и назначены командиры. Кружковая работа заключалась не только в дежурстве в музее, но и помощи в оформлении, приобретении экспонатов, уборке помещений. Особенно активной была работа в 1970-71 гг. Когда техникум перестал вести очную подготовку, а стал только заочным, учащихся труднее стало привлекать к работе в музее. Тогда я обратился к рощинским школьникам и местным мальчикам и девочкам. Среди них была ученица Лена Цыганова (ныне Елена Владимировна Цветкова - научный сотрудник Боровского филиала).

Был такой случай. Дежурила в музее школьница из Рощи Ольга Ярославова. Она уже готовилась проводить экскурсии по музею. Пришла небольшая группа взрослых. Ольга стала рассказывать об экспонатах музея, о содержании стенда «Вехи славной истории Боровска». Я прислушивался к ее рассказу. Все было правильно. Но среди этой небольшой группы экскурсантов был известный книголюб и историк Петрянов-Соколов. Поинтересовавшись, кто вел экскурсию, он поблагодарил Ольгу Ярославову и подарил ей свою визитную карточку.

В составе помощников в музейном деле были молодые краеведы: Володя и Андрей Найдины, Сергей Стрельцов, Сергей и Ольга Ярославовы, Ваня и Тоня Подшиваловы, Андрей Поляков, Женя Слисков, Лена Анискина и Лена Цыганова, Саша и Сергей Курносовы и др.

Большое внимание и помощь музею оказывали преподаватели и профессора МГУ, которые очень часто привозили на экскурсию своих студентов. Они помогли организовать экскурсию в МГУ нашим кружковцам-краеведам. Показали музей Землеведения, который размещался на пяти верхних этажах высотного здания. Профессор Обручева передала в музей большую коллекцию окаменелостей и таблиц к ним. Преподаватель И.В. Чагина организовала реставрацию географической рукописной карты - большой музейной ценности. Преподаватель В.С. Кусов передал несколько ксерокопий карт Боровской земли из ЦГАДА.

В подготовке музея и маршрута для предстоящей экскурсии мне помогала жена Вера Михайловна. Она и экскурсии проводила.

Стр.51.

Большие группы мы делили пополам. Территория монастыря, особенно по маршруту экскурсий (лестницы в крепостных стенах и галереи). была замусорена, засыпана стеклом от битых бутылок. Приходилось самим расчищать образовавшиеся завалы. Экскурсанты, видя это, ходили к директору и упрекали его в этом, жаловались в райком партии. Отсюда у меня возникали конфликт с директором, который ругал меня за то, что я вожу экскурсантов по помойкам.

В 1982 и 1983 гг. я дважды лежал в больнице по три месяца. Тогда на помощь пришли Анна Васильевна Лабик и Татьяна Ивановна Мирошина. Вместе с Верой

Михайловной они успешно справлялись с экскурсионной работой тоже на общественных началах, переняв мой опыт.

Всего с 1969-1989 гг. было проведено 3358 экскурсий (78 389 человек). Из них: мною - 2553 экскурсии (64152 человека), Антиповой В.М. - 455 (8047), Лабик А.В. - 233 (4288), Мирошина Т.И. - 120 (1848), Дешиным Н.Г. - 8 экскурсий, Медведевой Н.П. - 5 и Пчелкиным В.А. - 3 экскурсии.

Побывавшие здесь экскурсанты, приезжавшие из разных уголков нашей страны и зарубежья, полюбили Боровск и его жемчужину - Пафнутьев-Боровский монастырь. Тысячи благодарностей записаны экскурсантами в 7 книгах отзывов. В официальный музей мною передано около, а может быть, больше четырех тысяч предметов.

Сколько же лет Боровскому музею? 10 или целых 30?

В первой части своего сообщения я рассказал, как создавался, причем на общественных началах, историко-архитектурный музей в бывшем Пафнутьев-Боровском монастыре. Но не все шло гладко и без серьезных конфликтов с должностными лицами. Об этом и хочу рассказать во второй части своего повествования.

Экскурсии, сбор музейных экспонатов, оборудование музея я проводил в свободное от работы время. Субботы, воскресные и предпраздничные дни для меня стали рабочими. Но приезжали люди не только в эти дни. Идут ко мне с просьбой провести экскурсию. Я отказываю. Я на работе. Настойчивые идут к

Стр.52.

директору и его просят разрешить мне отлучиться ненадолго. Иногда звонят из райкома партии, из прокуратуры, из райисполкома или другой какой организации и просят его, или даже требуют принять группу, приехавшую в Боровск по служебным делам и пожелавшую познакомиться с монастырем и его историей. И опять не обходится без меня. Директор вынужден не портить отношения с этими организациями. Но я стал замечать, что директору не нравится, что просят провести экскурсии не его – историка, директора и председателя районного ВООПИК, а Антипова.

Следующее обстоятельство еще больше осложнило дело. Территория монастыря, особенно с началом реставрационных работ, была очень захламлена. За каждым углом - мусорная куча, на стенах галереи битые бутылки. Студенты прямо из общежития, через окна бросали бутылки (это стало иметь место после каждого экзамена). Иногда доходило до такого состояния, что я отказывался от проведения экскурсии. Со стороны посетителей появились жалобы на антисанитарное состояние территории. Жаловались не только директору, но и в райком партии и райисполком.

С предложением навести порядок на территории я выступал на педсоветах, на партсобраниях, но в ответ получал только обвинения за то, что специально вожу группы по помойкам. Однажды директор вызывает меня и Н.Г.Дешина и предлагает прекратить проводить экскурсии: «Здесь учебное заведение. Никаких экскурсий». Предложил убрать в музей книгу отзывов и предложений. Это он был "вынужден" сделать потому, что прочитал ряд отзывов и наткнулся на упреки в адрес дирекции техникума. Была и такая запись: "Жалко и стыдно за кровоточащие раны увиденного". Встречает как-то меня после этого разговора завхоз и говорит, что директор приказал взять у меня ключи от трапезной, колокольни и музея. Я сказал, что не отдам. Вскоре повстречался мне сам директор и строго приказал то же самое. От колокольни и трапезной я ключи отдал, а от музея нет. Было это все в 1972 г. Экскурсии я проводить продолжал, но только по субботам и воскресеньям. Через некоторое время приезжает группа из Московского городского экскурсбюро. Знакомый экскурсовод, который регулярно привозил группы, мне говорит: "Экскурсбюро

Стр.53.

получило письмо из Калужского областного управления культуры с требованием прекратить поездки в Боровск, так как экскурсанты мешают учебному процессу и реставрации". Вот так! Конечно, это было сделано по велению директора техникума.

Я сделал на фанерном листе фотовитрину под заголовком "Идет учебный процесс и реставрация, а поток экскурсий всё увеличивается". Фотографии подтверждали это.

Однажды, а точнее 12 декабря 1972 г., вызывает меня из дома дежурный техникума. Оказывается, секретарь Боровского РК КПСС М.Ф. Жданова привезла сюда гостей Боровска (кого, я так и не узнал), и просит меня провести экскурсию по территории и показать музей. Присутствовал при этом и директор техникума. По ходу экскурсии я М.Ф. Ждановой говорю: "Мария Филипповна, а мне запретили проводить экскурсии". Похлопав меня по плечу, она сказала: "Нужным делом занимаетесь, продолжайте и дальше". Директор это слышал, но промолчал. Гости выразили мне большую благодарность, предложили М.Ф. Ждановой поддерживать мою работу. Тогда директор произнес: "Да! Потешил!"

Приезжает как-то из Калуги заместитель начальника Областного управления культуры Н.В. Потороченков и говорит мне: "Покажи мне свой музей, что-то о нем шума много". Я показал, кое-что рассказал. Познакомился он с книгой отзывов и предложений, остановившись на записи группы из Московской консерватории, сказал: "Вот разъездились по монастырям. Лучше бы приехали колхозу помочь". А мне сказал, что, с одной стороны, меня надо наградить, а с другой - наказать за самовольство. "Кто знает, о чем Вы здесь говорите!" Я отвечаю, что Боровский райком партии мне доверяет. Предложил он мне все "хозяйство" передать в организуемый в Боровске музей Боевой Славы. Я отвечаю "Монастырь же мы в Боровск не перенесем, а едут сюда монастырь посмотреть". Он же в ответ: "Мы экскурсии будем в Боровск направлять". Никакого наказания, правда, как и награждения, после визита высокого начальства не последовало. Я больше ожидал первого.

Приведу еще один пример отношения к местному музею в монастыре. Я узнал, что в Калужском краеведческом музее во дворе лежит плита с могилы боярыни Морозовой. Будучи в Калуге,

Стр.54.

зашёл в музей и действительно увидел, что во дворе у стены здания под водосточной трубой лежит эта плита. Повидавшись с директором музея Д.П. Дундуковой, я стал просить передать плиту в наш музей. Она сказала, что передаст с удовольствием, но нужно письменное разрешение Областного управления культуры. А убрать плиту на другое место она обещала, так как нижний слой плиты потрескался и начал расслаиваться. Приехав домой, я немедленно написал письмо в Калужское областное управление культуры с просьбой передать плиту в наш музей. Вскоре получаю ответ, в котором говорится, что такого музея у них не числится, есть музей в Ермолино, есть музей Боевой Славы в Боровске, они зарегистрированы, туда могут передать эту плиту. Письмо было подписано заместителем начальника Калужского областного управления культуры Потороченковым! Вот такой парадокс. Было это в августе 1980г.

8 и 9 мая 1980 г. один за другим приходят ко мне посыльные: из Боровского отделения милиции, из райисполкома, из районного отдела культуры. Все просят меня 10 мая никуда не выезжать, быть готовым провести экскурсию, кто-то приедет из Москвы. Как всегда в таком случае, вечером мы с Верой Михайловной прошли по маршруту экскурсии, привели в порядок дорожки, убрались в музей. Утром к 11 часам, как было назначено, прихожу в монастырь. Там уже ждут председатель райисполкома А.И. Апполонов, заместитель председателя Бугорков, начальник милиции Анисимов и заведующий отделом культуры района Ореховский. Вскоре прибыли и гости из Москвы. Главным из них оказался первый заместитель министра внутренних дел СССР Б.Г. Шумилин. Товарищ А.И. Апполонов представил ему меня. Экскурсия проходила с очень большим интересом и вниманием со стороны гостей. К экскурсии присоединялись и

другие посетители. Б.Г. Шумилин, узнав, что я занимаюсь музейным и экскурсионным делом на общественных началах, хотя по специальности инженер, а не историк, крепко поругал Апполонова за то, что местные власти не поддерживают такое доброе дело. Поблагодарили меня и предложили сфотографироваться на память. И мне тут же дали цветную фотографию, чему я очень удивился. (Сфотографировали и внучку). Мне объяснили, что фотографировали американским фотоаппаратом.

Стр.55.

Шумилин предложил председателю райисполкома Апполонову подготовить документы на предмет правительственной награды, а начальнику милиции Анисимову передать документы ему. Вскоре что-то произошло в МВД, наш знакомый заместитель покинул работу, и дело с наградой замолкло. Но здесь, в районе, кое-что изменилось.

На второй день после приезда гостей приходит к нам домой заведующий отделом культуры Ореховский и говорит, что районные власти рассмотрели вопрос о моем положении с работой в музее и решили дать мне должность заведующего сельским клубом с окладом в месяц 100 руб. Но так как я такую оплату труда не имею права получать, то устанавливают полставки - 50 руб. в месяц. Спасибо и за это. Но когда дошло дело до оплаты в Рощинском сельсовете, то оказалось, что я имею право на получение зарплаты только в 18 руб. за месяц. Пенсия у меня была 132 руб., а "потолок" с моего заработка по закону не должен превышать 150 руб.! Вот так, до 1987г., пока музей не был передан государству, я получал 18 руб. в месяц. Но зато отдел культуры дал мне денег приобрести фотоаппарат и магнитофон для "служебного пользования". Я и этому был рад. (Передав музейные накопления штатному коллективу государственного музея, фотоаппарат и магнитофон я передал в Рощинский сельсовет).

22 января 1981 г. состоялось решение Боровского райисполкома о том, чтобы считать музей, созданный Антиповым законно действующим. Отделу культуры было предложено оказывать всяческую помощь. Но почему-то ни Областное управление культуры, ни Областной краеведческий музей на это никак не отреагировали. Зато я теперь стал считать себя "законнорожденным".

Осенью 1981 г. сложились новые обстоятельства, усилившие конфликт с директором техникума. Обвалилась стена в моем подвале, где мы хранили овощи. Пришлось просить помощи у директора техникума, хотя ни я, ни Вера Михайловна в техникуме уже не работали. В это время рабочие-реставраторы занимались ремонтом учебного корпуса, используя раствор и кирпич. На мою просьбу директор ответил: "Нет, не дам! Надо учебный корпус отремонтировать". (Хотя двоим мастерам там работы было на пару

Стр.56.

часов). "Тогда, пожалуйста, дайте 50 штук кирпича и ведро раствора. Я буду сам делать". "Нет, ни кирпичей, ни раствора, пока здесь все не сделают». А кирпича, между тем, груды лежали на месте разобранной сельской школы, что была напротив монастыря. Вот так, не поднимая головы, развалившись в кресле и перебрасывая на столе бумажки, разговаривал со мной "пан" директор. Я собрался уходить, но вдруг директор заговорил: "Меркелова (главный архитектор реставрации монастыря) запретила на территории мастерских строить новый корпус. Это ваша работа?! Запретила строительство техникума за Рябушками. Это ваша активная работа! В Боровске запретили строить гостиницу. Город потерял целый этаж в этом доме. Это тоже ваша работа?! " (построили уже 4 этажа, а 5-й запретили).

Что можно было сказать на такое обвинение? Я смог ответить только то, что всё это происходит не по моей вине, а по его. "Есть закон об охране памятников архитектуры. Есть план охранной зоны монастыря. Вы являетесь председателем районного общества охраны памятников, районного отделения ВООПИК. И вместо охраны вы нарушили все. Если вы считаете, что я виноват во всех срывах нарушения закона, я буду рад, что в охране памятников архитектуры есть и моя заслуга". (Хотя, главным образом, по моим отчетам о музейной работе, проведенных лекциях и кинолекциях по району от ВООПИК

техникум получил два диплома и две медали, причем получил диплом и медаль сам директор, как председатель ВООПИК). Больше я с ним разговаривать не стал. Через несколько дней ходила к директору Вера Михайловна. Убедительно просила помочь в ремонте погребка. Вроде обещал. Но проходят дни, недели... Никто не приходит, а в это время в подвале обвалился и потолок. Принялся за ремонт подвала я сам. Поработав день я почувствовал острую боль в животе. Пошел в больницу. Желчнокаменная болезнь обострилась. Рентген показал камни в желчном пузыре. Срочно нужна операция... Три месяца я пролежал в Москве в больнице. На следующий год я снова на три месяца попал в Рентгено-радиологический институт на лечение нового заболевания. Но экскурсионная и музейная работа не прекращались. В проведении экскурсий и в поддержании порядка в музее помогали Вера Михайловна, Анна Васильевна Лабик и Татьяна Ивановна Мирошина.

Стр.57.

В 1987 г. в соответствии с решением Областного управления культуры все музейные предметы мною были переданы заведующему Боровским филиалом Калужского областного краеведческого музея В.И. Осипову. Начался новый отсчет работы музея. В старом моем музее был на видном месте такой транспарант со словами художника П. Корина, скульптора Коненкова, писателя Л. Леонова: "Пусть же каждое новое поколение, оглядев родную землю, поймет, что народилось оно не в чистом поле, а там, где отданы труд и талант миллионов сынов наших". Сейчас этого транспаранта не видно. А жаль!

Стр.58.

А.М. Жилинская (г. Ермолино)

(Жилинская Алла Михайловна — учитель Ермолинской средней школы)

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЕВ ЕРМОЛИНСКОЙ ШКОЛЫ

I. Вспоминая былое

В послевоенные годы в Ермолинской средней школе работал увлеченный, влюбленный в свою профессию коллектив учителей. Горелов Виктор Алексеевич бредил физикой, организовал в школе кружок киномехаников. Соловов Илья Тимофеевич, уроженец Боровского района, историк по образованию, собирал и накопил огромный материал по истории нашей фабрики "Крестьянка". К сожалению, болезнь не дала ему воспользоваться плодами своего труда — весь собранный материал он передал П.А. Подшивалову. Латынов Николай Алексеевич совместно с Поповым Виктором Евгеньевичем создали отряд байдарочников. Жилинский Михаил Степанович, географ по образованию, создал метеостанцию, и в течение 10 лет учащиеся 7-9 классов вели под его руководством метеонаблюдения. С приходом в школу второго географа М.С. Жилинский передал ему работу на станции, а сам создал туристический отряд с целью изучения родного края. Был собран огромный материал по истории партизанского движения в Боровском районе, по истории возникновения и развития поселка, по изучению достопримечательностей населенных пунктов.

К 1963 г. был накоплен значительный материал, который разместили в большом классе школы. Этот год и был началом работы музея Боевой и Трудовой Славы. На экскурсию учащиеся приходили после уроков (занимались здесь только старшеклассники, они же следили за сохранностью стендов, витрин). Сбором материала занимались теперь созданные в каждом классе туристические отряды. А всей работой в музее руководил М.С. Жилинский. Тогда же появились его первые публикации в районной газете и в газете "Текстильщик".

Но время неумолимо. В 1966г. М.С. Жилинского отправляют

стр.59.

на заслуженный отдых. Актом от 14 сентября 1966 г. М.С. Жилинский передал Е.И. Румякину весь накопленный им в процессе работы материал. К счастью, документальный материал, переписку он не оставил в музее. Через несколько месяцев при ремонте почти весь материал из музея был выброшен на помойку.

Я, как дочь, подтверждаю, что мы подобрали часть материала: спасли журналы десятилетних наблюдений за погодой, диаграммы, схемы, характеристики юных натуралистов, участников ВДНХ, журналы "Наш край" под №№1,2,3. Что касается монолитов и образцов почв, коллекции минералов и горных пород (30 экспонатов), гербария (30 штук), образцов пород деревьев и кустарников, то все это было уничтожено. Е.И. Румякин был халатный человек, а с директором школы А.И. Коробейниковой отношения у отца не сложились. Можно сказать, что музей Боевой Славы окончил свою работу, хотя беседы по сохранившимся стендам иногда и проводились.

Жилинский М.С. туристической работы не оставлял. На эти годы падает большая часть публикаций его исследований (без работы отец не представлял жизни). К счастью, фабрика выделила помещение при ДК "Полет", где был открыт музей истории родного края. Энтузиасты П.И. Попов, М.С. Жилинский и П.А. Подшивалов, не получая ни копейки, понимая, что изучением истории родного края интересуются как взрослые, так и дети, в течение ряда лет работали в музее. Чтобы лучше представить их работу, рекомендую прочитать публикации М.С.Жилинского "От стенда к стенду" в газете "Текстильщик" (1968. NN65-70). К сожалению, после смерти М.С. Жилинского, П.И. Попова и П.А. Подшивалова не нашлось человека, который бы душой болел за то, что собрано людьми за десятки лет. Экспонаты в заброшенном состоянии находятся в ДК г. Ермолино.

Те материалы по метеостанции, которые нам удалось спасти, находятся в музее истории школы в Ермолинской средней школе и служат прекрасным пособием для учащихся 6-х классов при прохождении темы "Атмосфера". Списки же погибших ермолинцев, собранные туристическим отрядом в далекие 1960-1963 гг., включены в книгу "Памяти" (Калуга, 1994. Т.2). Следует отдать должное руководителю школьного музея Боевой Славы

Стр.60.

А.И. Коробейниковой, так как за 1993-1994 гг. списки были значительно пополнены в результате работы туристического отряда.

II. Музей истории Ермолинской школы

Дата рождения Ермолинской средней школы — 1890 г. Документально подтверждено, что уже в 1893 г. ее включили в смету, а в 1894 г. состоялся первый выпуск, состоявший из 26 человек. В связи с таким давним прошлым школы решено было создать музей её истории. Открытие его состоялось 17 марта 1990 г., в день столетнего юбилея школы.

В основу экспозиции лег материал по истории школы, собранный краеведом Михаилом Степановичем Жилинским в комнате Боевой Славы более 35 лет назад (еще в старом здании школы). В течение пяти месяцев все учащиеся школы (5-11 классы) занимались сбором новых материалов, их обработкой. Оформлением занималась комиссия из педагогов, вожатых и организатора внеклассной работы. Все стенды к юбилею были помещены в музей. Праздник не был только единовременным (мероприятием: гости оставили свои воспоминания, на основе которых были сделаны альбомы "Расскажи нам о себе" и "Говорят выпускники школы". После юбилея в музей стали приходить письма-воспоминания об учителях и одноклассниках, сообщались

новые адреса. Благодаря этому появился альбом "Наша переписка". Всё это является частью фондового материала музея.

Был создан Совет музея, которым до сих пор руководит Алла Михайловна Жилинская. Члены Совета возглавляют следующие секторы: переписки, фондовый, учетный и лекционно-экскурсионный. В последнее время разграничение по секторам не проводится: каждый выполняет ту работу, которая в данный момент наиболее необходима.

Через несколько месяцев после юбилея школы в "Комсомольской правде" промелькнула идея создать выпускников 1941 г. Совет музея дал каждому классу задание отыскать одного из выпускников и собрать о нем сведения. Из 29 выпускников (семеро погибли на войне) приехали на встречу 12 человек, но и это было огромным событием для школы. Фотография выпускников 1941 г., сделанная 23 марта 1991 г., является одной из самых дорогих реликвий музея.

Стр.61.

В это время спонсор школы, ЕПХБО, выделил средства и появилась возможность оплатить работу профессиональных художников-декораторов, и весь собранный материал музея был вновь оформлен по разделам.

В раздел "Первые будни" вошли следующие подразделы: "Начало пути", "Первые выпуски", "20-е годы" и "Выпускники 1941 г." Второй раздел - "Росли и мужали" — включил подразделы "И грянула война", "Трудные годы", "Участники ВДНХ" и "60-годы". Третий раздел назвали "Директора школы", четвертый "Учительские династии", включив в него подраздел "Три сестры». Разделы с пятого по девятый: "Наши традиции", "Школа живёт и развивается", "Учителя — выпускники школы", "Труд учителя равен подвигу солдата" и "Достижения школы". Последний имеет подраздел "Медалисты школы". И, наконец, десятый раздел, "Школа сегодняшнего дня" состоит из подразделов "20 лет» и "Столетний юбилей".

По инициативе Совета музея была проведена встреча медалистов школы, воспитанников детского дома, бывших учеников Ермолинской средней школы. Наш музей помог людям найти друг друга, а фонды музея за счет подлинных предметов, фотографий, воспоминаний о давно прошедших школьных годах был расширен. Среди подлинных экспонатов имеются, например, свидетельства об окончании начальной и семилетней школы 1939, 1941, 1945 и 1946 гг., платежные ведомости Ермолинской средней школы, Русиновской начальной школы, Ермолинского детского сада за 1933 г., педагогический журнал "Церковно-приходская школа" за 1903 г., альбом-летопись школы за 1972-1982 гг., материалы метеорологических наблюдений Ермолинской средней школы за 1950-1959гг., сборник научных трудов МГИМО с дарственной надписью профессора этого института Матвея Георгиевича Закаменского (директора школы довоенного времени), автореферат М.Г.Закаменского с дарственной надписью, письмо Николая Евгеньевича Силаева, учителя школы, своей жене из боровского агитпункта 19 июля 1941г. Всего зарегистрировано 363 экспоната (хотя в запасниках есть еще много незарегистрированных).

Стр.62.

Большая работа проводилась музеем к 20-летнему юбилею нового здания школы: это и выставка поделок и рисунков, конкурс стихов и сочинений на школьную тематику, сбор материалов-воспоминаний о школьных годах, встречи с бывшими выпускниками и т.д. Этот юбилей тоже позволил расширить фонды музея.

Не остался музей школы в стороне, когда отмечался 300-летний юбилей Российского флота. Был составлен и уточнен список выпускников, связавших так или иначе свою судьбу с флотом, собраны сведения о судьбе моряков, проведен конкурс рисунков и поделок кораблей, проведена встреча в стенах школы с членами Совета музея,

оформлены собранные материалы, прочитаны лекции учащимся двенадцати классов (лекции читаются по мере поступления заявок и в 1997г.).

Членами Совета музея ведется летопись школьных событий в виде бюллетеней. Разработаны лекции на темы: "История Ермолинской средней школы", "Выпускники 1941 года", "История возникновения Ермолинского детского дома", "Школьная метеостанция", "Ученики Ермолинской средней школы — участники Великой Отечественной войны", "Педагогический коллектив школы" и "Ученики Ермолинской средней школы, связавшие свою судьбу с Российским флотом". За время существования музея прочитано 74 лекции по перечисленной выше тематике. Ежегодно в музее для учащихся шестых классов проходят лекции по теме "История метеостанции школы", а для учащихся пятых классов уроки-лекции "История школы за 100 лет».

Все семинары районного или областного масштаба начинаются с посещения музея. Здесь были заведующий ОНО Калужской области, директора школ г.Калуги, директора школ Дзержинского района, педколлектив Боровской школы №1, директора школ Калужской области и Жуковского района, социальные педагоги Боровского района и американского университета Висконсин. В музее есть Книга отзывов. Все записи её — свидетельства благодарности и понимания значимости музея для связи поколений. За время существования музея в нем побывало организовано 1745 человек, не считая индивидуальных посещений.

Стр.63.

Здесь проводились вечера встреч выпускников разных лет обучения.

Третий год состав Совета музея не меняется. Члены Совета не только выполняют текущую работу в музее, но и участвуют в конференциях по краеведению областного и районного масштаба. Так, в декабре 1994г. Минина Татьяна участвовала в областной краеведческой конференции. Ее доклад "Музей Ермолинской средней школы" занял третье место (в декабре 1996 г. с этим докладом она выступила на районной турконференции, заняв также третье место). Тогда же музею истории школы было присвоено звание «школьного музея» за № 6913 от 21 декабря 1994 г. В декабре 1995 г. член Совета музея Дмитрий Клещевников участвовал в краеведческой туристической конференции школ Боровского, Жиздринского и Дзержинского районов. Его доклад "Учащиеся Ермолинской средней школы — участники Великой Отечественной войны" занял третье место.

Работа в музее включает в себя не только повседневны кропотливый труд по оформлению экспозиций, составлению лекций, работе с детьми и взрослыми, но и умение разговаривать слушателей, заставить их вспомнить и осознать, кому и чем они обязаны в жизни.

Стр.64.

В.М. Завитаев (г. Ермолино)

(Завитаев Вячеслав Михайлович – краевед)

ОРГАНИЗАЦИЯ ЕРМОЛИНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ

Созданию краеведческого музея в поселке Ермолино, а ныне городе предшествовала работа двух групп энтузиастов. Одна из таких групп состояла из школьников, руководил ею преподаватель Ермолинской средней школы Михаил Степанович Жилинский (1). Для лучшего изучения своего предмета (географии) он организовал кружки: метеорологический, охраны природы, краеведческий, "зелёный патруль". Кружковцы ходили в походы по родному краю, встречались со старожилами и интересными людьми,

делали записи, собирали образцы полезных ископаемых. Выпускали рукописный журнал "Наш край", брошюры-малютки "Боровск", "Роща", "Балабаново", "Киселево", "Белкино", "Обнинск". Ребята вели наблюдения на метеостанции и записывали их в журнал; изготавливали макеты, оформляли стенды.

Инициативная группа ветеранов Великой Отечественной войны и труда, возглавлявшаяся П.А. Подшиваловым (2), поставила целью собрать материал и экспонаты для организации краеведческого музея в Ермолино. Нашлось много энтузиастов из фронтовиков, жителей поселка и школьников, которые добровольно оказывали помощь. Среди них были: краевед, преподаватель истории Илья Тимофеевич Соловов (3), художники Н.Ф.Тельнов и Фаломеев, преподаватель истории и фотограф Николай Алексеевич Латынов (4), а также Павел Иванович Попов. П.И. Попов — настоящий "левша", мастер на все руки, изготовил в миниатюре действующий ткацкий станок, жилище ткачей, макет корпусов фабрики "Крестьянка" и многое другое. Председателем организационного комитета музея был избран фронтовик Петр Андреевич Подшивалов. Руководство фабрики положительно отнеслось к доброму начинанию и откликалось на все просьбы. По ходатайству председателя Совета музея руководство фабрики

Стр.65.

попросило директора школы выделить комнату. Но вскоре её отобрали из-за нехватки помещений в здании школы и превратили в учебный класс. В 1965г. в ДК выделили комнату для размещения музея. М.С.Жилинский незамедлительно присоединился к орггруппе и передал в фонд музея свои наработки, экспонаты и записи. Музей работал на общественных началах два раза в неделю. В данный момент музей действует.

В 1974г. закончилось строительство новой средней школы в пос. Ермолино. Я в разное время накопил много материалов о земляках - участниках Великой Отечественной войны. Стремясь увековечить память своих одноклассников и земляков, я загорелся желанием организовать при Ермолинской средней школе комнату Боевой Славы. Поделился своими планами с директором школы Анной Ивановной Коробейниковой. Она поддержала мои намерения и обещала выделить комнату. На своих уроках и беседах я обратился к ребятам с просьбой оказать мне помощь в сборе экспонатов и материалов для комнаты Боевой Славы. Они с великим удовольствием стали приносить в школу патроны, гильзы и корпуса от снарядов разного калибра, а также другие атрибуты войны, вещи советских и немецких солдат. А однажды принесли ствол зенитной пушки, деревянное колесо от зарядного ящика. Мы с ребятами на уроках труда изготавливали полки, витрины подставки. 29 ноября 1974 г. комната Боевой Славы была открыта. Ее посещали школьники, гости и ветераны Великой Отечественной войны и труда. Вскоре нашей комнате было присвоено звание "музея Боевой Славы" с выдачей диплома. Я один из первых в районе, а может быть, и в области, оформил стенд о Маршале Советского Союза, четырежды Герое Советского Союза Жукове Георгии Константиновиче. В 1974-1982 гг. я был бессменным директором и лектором музея.

С целью обмена экспонатами и опытом работы наш Совет музея вел переписку с Калужским областным краеведческим музеем, музеем истории народного образования Калужского края, Козельским, Боровским, Ворсинским, Жуковским, музеем средней школы с. Каменское Нарофоминского района, музеем Валерия Харламова в городе Чебаркуль и музеем ФЗУ № 5 г. Магнитогорск

В 1982 г. я в связи с перенесенной операцией вынужден был

Стр.66.

оставить школьный музей. С этого времени его возглавила Анна Ивановна Коробейникова. Основное внимание она уделяла работе с учащимися, подбирала тематический материал, готовила лекции и доклады. Ребята выступали в классах своей школы, на конференциях в Боровске, Обнинске и Калуге. При региональном музее

Боевой Славы России в 1996 г. проходил смотр школьных музеев аналогичного профиля. Музей Боевой Славы Ермолинской школы был признан лауреатом, а директору школы вручен диплом. С началом учебного 1996-1997 гг. музей возглавляет и ведет в нем активную патриотическую работу преподаватель истории Алла Михайловна Крючкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жилинский Михаил Степанович. Родился в Белоруссии, Минской губернии, Червенского уезда, дер. Малая Ганута, 5 октября 1905 г. В 1912-1916 гг. учился в Богушевской начальной школе. В 1925-1927 гг. служил в РККА. При демобилизации был направлен в Смоленскую облсовпартшколу 2-й ступени, после окончания которой работал учителем начальной школы в Смоленской области (1932-1934 гг.). В 1934-35 гг. был заведующим Хисливицким и Мглинским РОНО. В 1936 г. поступил в Смоленский государственный пединститут им. Карла Маркса на географический факультет. Закончил его в 1941 г. Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. После войны оказался в Калужской области, где был директором Медынской средней школы (1945г.). В 1948-1966 гг. преподавал географию в Ермолинской средней школе. Вел активную кружковую работу. Был награжден (в том числе и 16 учащихся школы) медалями ВДНХ. Вел активную краеведческую работу и участвовал в создании поселкового музея, состоял экскурсоводом и лектором на общественных началах. Его краеведческий материал печатался в газетах "Текстильщик" и "За коммунизм", в сборнике географического общества г. Обнинска. Был награжден орденом Красной Звезды, медалями "За победу над Германией", "За отвагу", "За оборону Сталинграда", "За взятие Берлина", "За освобождение Праги" и юбилейными медалями.

Стр.67.

2. Подшивалов Петр Андреевич. Родился в 1912г. в Псковской губернии. Когда ему было 2 года, родители переехали в Боровский уезд, с. Роща. В Боровске окончил церковно-приходскую школу и школу ФЗУ по специальности слесарь-механик. До войны работал слесарем на Ермолинской фабрике "Крестьянка". С 1941 г. участвовал в Великой Отечественной в составе 62-й армии. Принимал участие в окружении и разгроме немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом. В 1947 г. был инициатором и организатором восстановления на общественных началах фабрики "Крестьянка". Организовал в поселке Ермолине музей на общественных началах, был его бессменным директором, а также лектором. Написал книгу "Ермолино". Награжден орденом Октябрьской революции и Отечественной войны II-й степени, медалями "За победу над Германией", "За оборону Москвы", "Оборону Сталинграда" и многими другими трудовыми и юбилейными наградами.

3. Соловов Илья Тимофеевич. Родился в 1904г. в д.Климкино Боровского уезда. В 1932-34 гг. учился на рабфаке Московского государственного университета им. Покровского. В 1940 г. окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова. В 1940-41 гг. был директором Ермолинской средней школы. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды, медалями "За победу над Германией", "За отвагу". (Вышел в запас старшим лейтенантом). Умер в 1965г.

4. Латынов Николай Алексеевич. Родился в 1930 г. в Бабынинском районе Калужской области, в д. Катаргино. После окончания средней школы поступил в мореходное училище города Таллинна. Закончил исторический факультет МГПИ им. В.И.Ленина и заочный факультет фотокинолюбителя. Активный участник создания и оформления музея в поселке Ермолино. Участвовал в создании музея "Ленинская комната" и затем руководил им. Много раз его фотографии экспонировались в ДК "Полет" п. Ермолино, Боровском ДК и в г. Балабаново. Снимки из фотоархива Н.А. Латынова использовались Мосфильмом при создании документального фильма "Семейный портрет Дешиных разных лет". Периодически его снимки печатали в местной газете и других изданиях. Принимал участие в фотовыставке "150 лет фотографии".

5. Завитаев Вячеслав Михайлович. Родился в 1922г. в г.Мичуринске Тамбовской губернии. С 1933 г. проживает в п. Ермолине Боровского района. В 1938 г. окончил Ермолинскую среднюю школу, а в 1940 г. - Малоярославецкую школу ФЗУ. В 1940-1941 гг. работал токарем по металлу в депо Воржба Сумской области. 8 июня 1941 г. был призван в ряды РККА по спецнабору. Служил в составе 181-й Латышской СД. Участвовал в Великой Отечественной войне. Демобилизовался в 1947 г. С 1956 г. работал в Ермолинской средней школе преподавателем трудового обучения. В 1965 г. заочно окончил Минский индустриально-педагогический техникум. Краеведением занимается с 1958 г. Печатался в газетах "Знамя", "Вперед", "Дружные ребята" (Казахстан), «Магнитострой», "Единство" (Латвия), в боровской районной газете "За коммунизм" (сейчас "Боровские известия"). Принимал участие в создании следующих музеев: краеведческого в поселке Ермолине, Боевой Славы при Ермолинской средней школе, Областного музея народного образования. Занесен в Книгу Почета (4 июня 1988г.). Выступал с докладами в воинских частях, школах, два года был председателем Совета ветеранов. Имеет благодарственное письмо, 55 грамот. Награжден орденом Отечественной войны II-й степени, медалями "За оборону Ленинграда", "За победу над Германией" и юбилейными, Почётным Знаком от Всесоюзного Совета ветеранов войны и труда за № 2954 от 6 марта 1991 г.

Я.И. Грибачева (с. Ворсино)

(Грибачева Ярослава Иосифовна — учитель истории, заведующая музеем Боевой Славы при Ворсинской средней школе.

**МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ ВОРСИНСКОЙ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**

Давно восстановлены из руин и пепла разрушенные врагом города и окрестные села. Распаханы и засеяны исковерканные окопами и снарядами поля великих сражений. Но не все события войны описаны, не все героические подвиги известны. Мы не вправе предавать забвению беспримерный героизм народа в суровые годы Великой Отечественной войны.

В 1956 г. из разрозненных братских могил был перенесен прах погибших воинов 113-й и 110-й стрелковых дивизий, освобождавших нашу местность, в одну братскую могилу на окраине д. Добрино, где был воздвигнут обелиск. К празднованию 20-летия победы над фашистской Германией на этом месте был поставлен новый памятник. Это событие способствовало созданию в ворсинской школе клуба "красных следопытов", основной задачей которого должно было стать изучение героической истории края. В течение ряда лет клубом были собраны письма ветеранов, воспоминания и биографии. Весь материал был зарегистрирован и оформлен. Так как пионерская дружина школы носила имя Героя Советского Союза К.И.Фролова, члены клуба собрали о нем биографический материал и оформили его затем для музея. Поисковая группа имела тесную связь с родными героя, передавшими часть ценных документов в музей Боевой Славы. Группой "Поиск" была установлена тесная связь с учащимися Виноградный сад Николаевской области, где был захоронен К.И.Фролов. Оттуда прислали фотографии и газету военных лет, в которой описывался подвиг героя. С нашими школьниками

проводились классные часы, посвященные уроженцу этих мест К.И.Фролову, совершались походы на его родину под названием "День памяти героя".

В школе делается все для того, чтобы светлые имена юных

Стр.70.

героев не остались забытыми. Это Ваня Андрианов, Алеша Новоселов, Коля Арбузов и др. Очень интересный материал был собран о Герое Советского Союза Анне Морозовой. Проводились конференции, викторины "Наш край в годы Отечественной войны". С помощью группы "Поиск" были разработаны задания классам для сбора сведений о неизвестных героях, похороненных в Добринской братской могиле. Долгие поиски увенчались успехом. Были найдены 20 родственников погибших. Родные пишут письма благодарности.

Благодаря упорному поиску в школе собран разнообразный материал, свидетельствующий о героической борьбе нашего народа. На его основе был образован музей военно-исторического профиля (это видно по ныне существующей экспозиции). Помощь в его создании оказали ветераны 113-й, 110-й и 338-й СД, написавшие историю своих дивизий. Большую материальную помощь оказывает музею почетный гражданин г.Обнинска, возглавляющий Совет ветеранов этого города, Майстриж Роман Васильевич.

5 мая 1981 г. музей Боевой Славы Ворсинской средней школы был открыт. При музее был создан Совет, который ведет большую переписку с ветеранами 113-й, 110-й и 338-й СД, организует поиск родственников солдат, павших в нашей местности и захороненных в братской могиле у д. Добрино.

В музее выставлен материал о боевом пути 113-й, 110-й и 338-й СД, освобождавших наш край, оформлены стенды о Героях Советского Союза Боровского района, в том числе об уроженце наших мест К.И. Фролове. В музее есть стенды: "Учителя школ — участники Великой Отечественной войны", "Они погибли, защищая Родину" (о погибших на войне 202 солдатах — уроженцах деревень Климкино, Пекино, Ворсино, Старо-Михайловское, Коряково и Добрино). Оборудован стенд "Труженицы тыла". В музее можно увидеть фотографии и документы освободителей района и наших земляков — участников войны (И.И. Королева, В.Н. Кузьмина, Ю.В. Аксенова, А.Д. Жарикова, И.С. Роженко и др). В музее хранятся письма военных лет, документы, фотографии, воспоминания участников войны - всего около 800 единиц хранения. Есть в музее раздел, в котором хранятся военные трофеи, простреленные каски советских солдат (130 ед. хр.).

Стр. 71.

Музейная работа в школе идет по плану, который позволяет охватить следующие направления: история создания музея, методическая работа - это сбор материалов, экспозиционная работа, разработка тематической структуры, отбор музейных предметов для экспозиции, поисковая работа, оформление фондовой книги, проведение лекций и экскурсий и выполнение музейных заданий. Одной из наиболее значимых является экспозиционная работа.

Перед музеем стоят задачи дальнейшего собраний обеспечения сохранности материалов, реликвий Великой Отечественной войны, охраны и пропаганды памятников, в том числе и военных, проведения учебно-воспитательной работы среди учащихся и населения. В связи с этим необходимо сказать о проведенных лекциях и экскурсиях. В журнале регистрации их значится более 100. Здесь побывали во время весенних туристических походов школьники почти всех школ района, учащиеся из Москвы, Обнинска, ветераны этих городов, а также иностранцы.

В настоящее время члены Совета музея расширяют деятельность. В частности, ими собирается материал по истории села Ворсина и совхоза, по истории Ворсинской школы.

В.В. Морзянова (с.Ворсино)

(Морзянова Валентина Васильевна – заведующая Ворсинской библиотекой, ответственная за музей Трудовой Славы)

ВОРСИНСКИЙ МУЗЕЙ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ

Ворсинский музей Трудовой Славы был открыт в 1984 г. Специально для этого было построено двухэтажное кирпичное здание.

На первом этаже в хорошо оборудованном зале экспонаты рассказывали об истории совхоза "Ворсино", была представлена галерея передовиков производства, а также были выставлены предметы быта дореволюционной России. Были оформлены альбомы "Детский сад "Сказка", "Лагерь труда и отдыха школьников", "Ворсинская средняя школа", Книга Памяти, а также собраны фотографии развития хозяйства в период работы директора совхоза Н.Ф. Лыскина.

Особое место было отведено Героям Социалистического труда, а их в совхозе трое: Н.Ф. Лыскин (ныне покойный), А.В. Розмахова и А.В. Михайлова. Вначале их многочисленные награды были выставлены в специально оборудованных витринах, но позднее в целях сохранности было решено все это вернуть хозяевам, оставив только удостоверения (музей не охраняется).

Другая часть первого этажа была вначале отдана под зал заседаний, а позднее - под библиотеку. На втором этаже музея располагался кабинет заведующей музеем А.В.Розмаховой, работавшей в музее после выхода на пенсию. Здесь же был зал бракосочетаний и комната с материалами, рассказывающими о комсомоле. С началом перестройки Комнату реорганизовали. В настоящее время второй этаж музея занимает Добринская администрация.

В результате всех перестановок музей занимает всего один зал на первом этаже. Он нуждается в ремонте и новом оформлении экспозиции.

О.Г.Суханова (д. Коростелево)

(Суханова Ольга Георгиевна - учитель Борисовской средней школы)

**МУЗЕЙ МЕСТНОГО КРАЯ В БОРИСОВСКОЙ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ**

Экскурсия в комнате-музее, которая расположилась в кабинете истории Борисовской средней школы, начинается со стенда о "вещем Баяне". Нежно тронул он струны и начался рассказ о "делах давно минувших дней", и повеяло Русью, глубокой древностью, когда денно и ночно летели с вражьих сторон на нашу Родину "стрелы каленые", и уводили в полон жестокие кочевники с раскосыми глазами "жен русских".

Это школьный музей... Его, может быть, и музеем-то пока называть рано. Но экспонаты, собранные здесь, заслуживают особого уважения.

Много лет назад председатель колхоза "Заветы Ленина" Иван Дмитриевич Суханов, патриот и ценитель истории, задумал построить в д.Борисово исторический музей. Он обратился к школьникам ближайших школ - Коростелевской и Борисовской (тогда начальной) - и, конечно же, к старожилам с призывом собирать экспонаты для будущего музея. Со всех сторон микрорайона стали приносить в кабинет председателя все, что заслуживало внимания. И без провололочек в центре деревни, близ дороги, началось строительство. Наконец, в комплексе центральной усадьбы появилось довольно солидное, прочное здание, несколько непривычной, точнее, забытой, архитектуры: с

ломаной крышей с балкончиками, со слуховым окошком на крыше, а на князьках - конские головы. Предполагалось одну часть здания отдать по библиотеку, вторую - под музей. Но заболел председатель, и дело не было доведено до конца. Началась перестройка, и жить стали скуднее как материально, так и духовно.

Новое руководство колхоза не могло себе позволить роскошь отдать под "безделье", как решили некоторые члены правления колхоза, такое большое здание. И вот, вместо музея здесь теперь расположились сельсовет и библиотека.

Стр.74.

Вначале про музей забыли, а когда вспомнили, выяснилось, что экспонатов значительно поубавилось. Остатки, пока не растащили, решили передать в только что построенную Борисовскую среднюю школу. Приехавший из Тюменской области директор школы - историк по образованию, ему, как говорится, и карты (историко-географические) в руки. Он и возглавил краеведческую работу, и положил начало музею на базе школы.

У стен на стеллажах под стеклом расположились боеприпасы и каски времён Великой Отечественной войны. Вот артиллерийский снаряд, подобранный в окрестностях д.Борисово.

Целая стена посвящена спискам и фотографиям колхозников – участников войны. Вокруг многих фамилий - черные рамки. Значит, эти люди, недавно общавшиеся с нами, заражавшие нас энергией, выбыли из строя. Хочется добрым словом вспомнить многих из них. Это, в первую очередь, председатель колхоза И.Д.Суханов. Он родился в 1927г. На фронт не попал, но был в составе команды, ловившей немецких летчиков-диверсантов в районе аэродрома д.Тишнево. А было тогда юноше шестнадцать лет. Вот и выдали ему знак участника войны.

Многу сделали для нашего края такие люди, как учитель начальных классов из д. Дылдино Григорий Романович Коротков, директор Коростелевской школы Николай Васильевич Воробьев, колхозники Владимир Алексеевич Семенов, Сергей Ильич Булычев, Степан Григорьевич Мягков, Иван Иванович Белов и многие другие.

Двадцать ветеранов войны и сейчас в строю. Они помогают по силам соседям, колхозу. Это Ф.Ф. Киркин, М.В. Грачева, Л.В. , П.А. Горячев, А.А. Воронков.

Есть в музее стенд, посвященный взятию Берлина, стенд о Г.К. Жукове, нашем земляке. Особо выделяются материалы по истории российского флага и других штандартов. Недалеко от школы мемориал Славы, где горел Вечный Огонь (сейчас только в праздники) в честь погибших односельчан.

Школьники шефствуют над мемориалом, поддерживают должный порядок. Это - продолжение школьного музея.

Стр.75.

Недавно директор школы А.П. Рябухин поручил юным историкам начать сбор интересных сведений по истории края. Так ребята уже выяснили, что Герой Советского Союза летчик Г.И.Безобразов родился у нас, в д. Федорино.

А ученик 5 класса Володя Сикора узнал легенду происхождения деревни Коростелево. Оказывается, барин местный (это было лет 200 назад, еще до отмены крепостного права) Коростелев выиграл в карты у карижского (под Малоярославцем) помещика 200 душ крестьян и привез их в заболоченное (тогда здесь был лес) место, дал топоры и велел строить деревню. Так появилось Коростелево. Место неудобное, питьевой воды нет. Копали пруды, колодцы, строили дома. А сколько труда вложили, сколько барского самодурства испытали на своих спинах барские крепостные. Следы истории остались в названиях: "барский сад" (в Серединском), "барский" колодец, "барский пруд".

Таким образом, начало Борисовскому музею положено. То ли еще будет...

Стр.76.

Раздел II. АРХЕОЛОГИЯ БОРОВСКОГО КРАЯ

О.Л. Прошкин (г. Калуга)

(Прошкин Олег Леонидович — заведующий отделом археологии Калужского областного краеведческого музея)

АРХЕОЛОГИЯ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙШЕГО ПРОШЛОГО БОРОВСКОГО КРАЯ

Изучение древней истории Боровского края, как и любой территории, связано с привлечением археологических источников — предметов материальной культуры. Письменные памятники не всегда достаточно полно и объективно отражали стороны жизни людей. Когда и как здесь появились первые люди, когда были основаны первые поселения и каков был их облик, какие древние культуры здесь могли развиваться, какова была духовная культура населения в разные эпохи — вот неполный круг вопросов, стоящий перед современными исследователями-археологами.

В результате многолетних археологических исследований на территории Боровского района открыто около 80 различных археологических памятников и местонахождений. В их числе: 1) стоянки (Рябушки, Сатино, Совьяки и др.); 2) селища (Боровск, "Петрова Гора", Боровск 1-3, Беницы и др.); 3) городища (Боровск, Высокое, Отяково и др.); 4) культурный слой г.Боровска; 5) остатки архитектурных сооружений Пафнутьев-Боровского монастыря; 6) курганные могильники (Рыжково, Ермолино 1, 2, Беницы и др.); 7) грунтовые могильники с надгробными камнями и плитами (б.с.Николо-Лужецкое, Пафнутьев-Боровский монастырь, Боровск и др.); 8) клады монет (Боровск, Пафнутьев-Боровский монастырь и др.); 9) случайные отдельные находки (Роща, Боровск и район).

Подавляющее большинство известных памятников находится на берегах водоемов: главной водной артерии края, р. Протвы, и ее притоков Лужи, Оборенки, Межовки и др. Именно на берегах рек и находятся самые древние стоянки и поселения. Известны и случаи, когда с ними связаны расположенные поблизости курганные могильники. Например, близ селища 3 у д. Кривское расположен ряд курганных могильников и одиночных курганов.

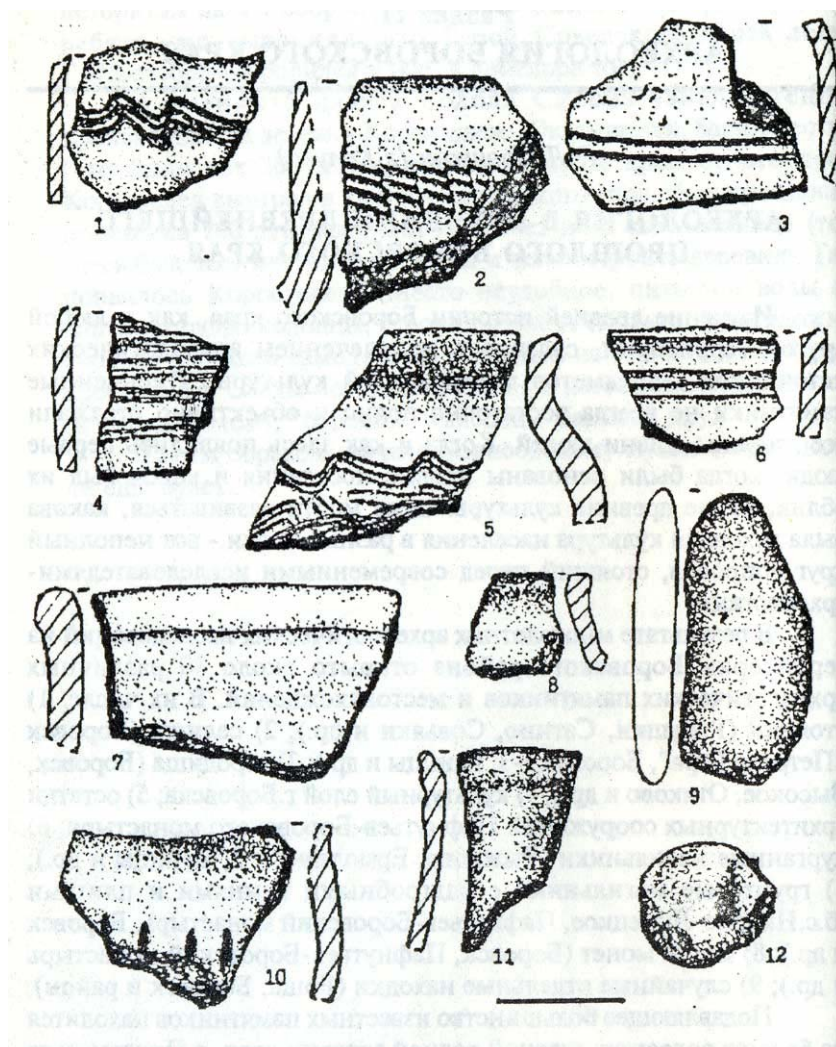


Рис.1. Боровск, городище. 1-8, 10, 11 – фрагменты гончарной посуды XII-XVII вв., 9 – точильный камень, 12 – часть глиняной ложки.

исследования, проводившиеся на поселении, выявили целый ряд находок древнерусской эпохи (1; 2). К этому же времени относится курганный могильник Кривское 2, в результате раскопок которого К.Я.Виноградовым было открыто вятическое погребение с набором украшений XII-XIII вв. (3. С.67). Многие известные поселения располагались на мысах - участках берега, ограниченных с 2-3-х сторон оврагами, руслами ручьев, устьями рек, что зависело от хозяйственного уклада населения, стратегических соображений и других причин. Так, селище X-XVII вв. в с. Беницы находится на высоком коренном берегу р. Протвы при впадении в нее р.Межовки. Древнерусское городище близ с. Отяково занимает мыс, образованный слиянием рр. Сушки и Бобровки, и имеет высокие крутые склоны. С напольной стороны площадку защищает высокий (до 3-х м) земляной вал и глубокий (до 3,5 м) ров.

Изучение позднесредневековых поселений Боровского края невозможно без привлечения и анализа различных документальных источников - грамот, писцовых книг, карт. На одной из боровских карт конца XVII в., хранящейся в РГАДА (фонд 192, оп.1, ед.хр. 1, л.1), обозначена "земля и деревня Федора Челищева", расположенная недалеко от г.Боровска на левом берегу р.Протвы, близ устья р.Оборенки, на ее левом берегу. Все названия, отмеченные на карте (Протва, Оборенка и Боровск), сохранились и поныне. В результате обследования этого места здесь было обнаружено селище (Боровск, селище 2) площадью около 4300 кв.м с культурным слоем (мощность до 30 см), содержащим фрагменты гончарной чернолощеной посуды XVI-XVII вв., обломок железного гвоздя, мелкие кусочки обожженной глиняной обмазки (печины) и кости животных (4). Таким

образом, это поселение можно отождествить с "землёй и деревней Федора Челищева" на карте конца XVII в.

Важным вопросом в исследовании остается вопрос датировки археологических памятников и их культурной принадлежности. По хронологии все памятники района можно распределить по 6 группам:

- 1) стоянки и случайные находки эпохи мезолита (местонахождения);
- 2) стоянки и местонахождения эпохи неолита;
- 3) местонахождения эпохи бронзы;

Стр.79.

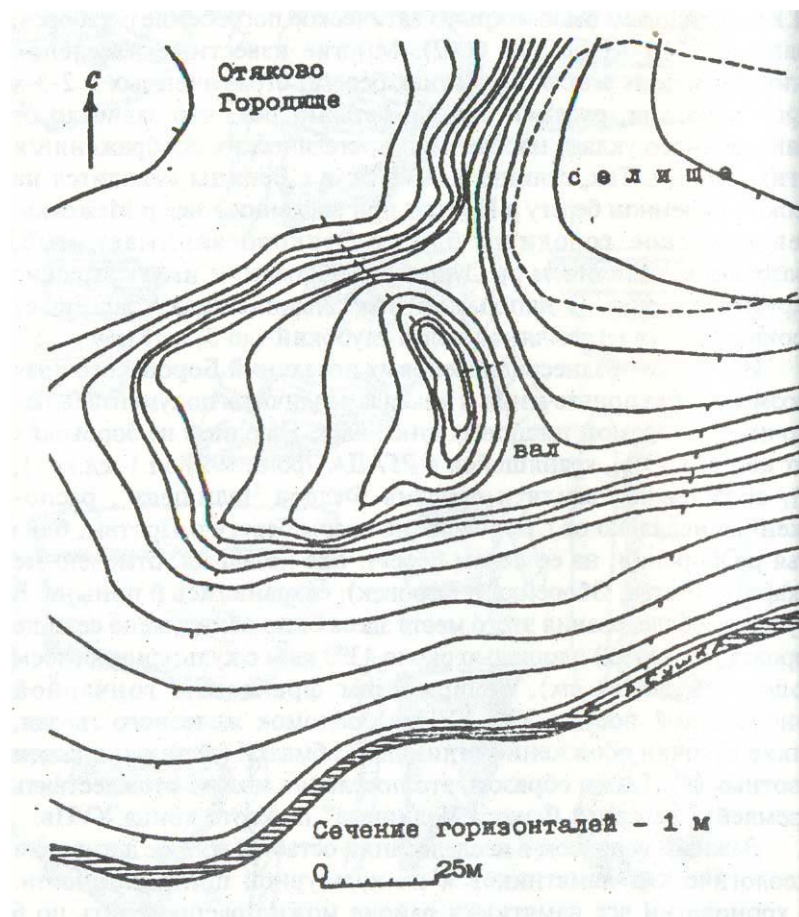


Рис.2. Боровский район, древнерусское городище близ с Отяково, топографический план.

- 4) городища, селища, местонахождения эпохи раннего железного века;
- 5) городища, селища, курганные могильники и местонахождения конца I тыс. н.э. - эпохи Древней Руси;
- 6) городища, селища, городские и монастырские культурные напластования, грунтовые могильники, клады и местонахождения позднего средневековья.

Центр Восточно-Европейской равнины, где находится и изучаемая территория, была заселена людьми в эпоху позднего палеолита, то есть около 25-30 тыс. лет назад. Наиболее близкими памятниками этого периода являются стоянки Заозерье и Зарайск в Подмоскowie, местонахождения Городок и Пучково близ Калуги, Таруса и др. Возможно наличие таковых и в бассейне р. Протвы. Для их поисков необходимо детальное и тщательное исследование местности. Главную помощь здесь могут оказать случайные находки остатков мамонтовой фауны.

Наиболее древние стоянки в бассейне р. Протвы датируются эпохой мезолита и относятся ко времени не ранее 7-6 тыс. до н.э. Одна из них – в с. Рябушки на р. Протве, другие расположены близ д. Маламахово по берегам р. Исьмы. В числе основных находок – кремневые нуклеусы, заготовки рубящих орудий, ножевидные пластины, скобели, острия, отщепы (1;5). Культурная принадлежность их, ввиду малочисленности находок, окончательно не установлена.

К эпохе неолита - 5-3 тыс. до н.э. - относятся находки кремневых орудий и фрагментов лепных сосудов с ромбо-ямочным орнаментом у сс. Сатино и Совьяки на р. Протве (1; 4). На одной из стоянок, находящейся на берегу р. Оборенки (Боровск - Совьяки, стоянка у п/л "Зеленый бор"), зафиксирован горизонт находок толщиной 10-12 см в виде слоя серо-коричневого суглинка с мелкой галькой, где были найдены кремневые

отщепы, сколы, обломки пластин с ретушью, скобель (4). Отдельные находки кремня и неолитической керамики известны из Обнинска, Боровска, д. Кривское и других мест. Все они могут относиться, вероятно, к кругу древностей льяловской культуры.

Стр.81.

Эпоха бронзового века, начавшаяся во 2-й пол. 3 тыс. до н.э., относится к числу наиболее слабо изученных периодов истории края. Специальных археологических работ в этом направлении не проводилось. Зафиксировано чуть более десятка случайных находок, представленных каменными сверлеными боевыми топорами, каменной сверленной крестовидной булавой, кремневыми наконечниками копий и дротиков (Боровск, Обнинск, Бердовка, Маламахово и др. пункты). Малочисленность известных находок не позволяет нам дать целостную картину той далекой эпохи. Известно, что территория Калужской области, в том числе и бассейна р. Протвы, находилась на пограничье трех культур эпохи бронзы: фатьяновской на севере, балановской на востоке и среднеднепровской на юге и юго-западе.

Следующая эпоха - ранний железный век - изучена нами лучше предыдущей. Ее появление на нашей территории относится к началу 1 тыс. до н.э. Поселения того далекого времени можно разделить на два типа - селища и городища. Первые численно преобладают. И те и другие, как правило, располагались в труднодоступных местах - на мысах высоких берегов рек и ручьёв. С напольной стороны укреплялись оборонительными сооружениями - валами и рвами. На городище 1 у д. Маламахово обнаружены укрепления, состоящие из системы трех валов и двух рвов. Известны случаи, когда к городищу примыкает селище (Маламахово, городище 2 - селище 3 и др.). К основным поселениям этого периода в Боровском районе следует отнести городища Боровск, Высокое, Маламахово 1 и 2, селища Кривское 1-3, Обнинск 1 и др. Население, оставившее эти памятники, относится к кругу дьяковской культуры. Характерные для неё находки - сетчатая керамика, "грузики дьякова типа" - найдены на ряде известных поселений (7; 8). В результате раскопок, проводившихся на городище 1 у д. Маламахово, получены материалы, дающие некоторое представление о занятиях её жителей в 1-ой пол. 1 тыс. н.э. О содержании мелкого домашнего скота свидетельствуют находки костей свиньи, о рыбной ловле - позвоночные кости крупных рыб, об охоте - кабаньи клыки. Железный нож серповидной формы, фрагмент которого здесь найден, мог использоваться и в земледелии, и в разных промыслах. Такие находки, как фрагменты посуды, пряслица, часть литейной формочки, свидетельствуют о наличии домашнего ремесла.

Стр.82.

В какой-то степени уникальной является находка фрагментов зелёностеклянной с белыми разводами бусины, ведущей свое происхождение из античных областей Причерноморья, что еще раз говорит о широких связях у позднедьяковского населения в тот период. Наличие нескольких (не менее трех) отдельных, синхронных по времени, жилищ с остатками очагов, а, возможно, и хозяйственной постройки, расположенных на едином дворе и защищённых единой оборонительной системой, наводит на мысль о том, что это маленькое поселение могло быть патриархальной семьёй.

Первые "следы" проникновения славянского населения в бассейн р. Протвы археологически фиксируются лишь с конца 1 тыс. н.э. Об этом свидетельствуют раскопанный курган у п. Ермолино с трупосожжением, содержащим лепные горшки того времени (9), и находки фрагментов посуды роменско-боршевского типа на селищах Беницы, Кривское 3 и др. (1; 10). В эпоху Древней Руси на этой территории жили вятичи, о чем свидетельствуют раскопки кургана в курганном могильнике Кривское 2 (К.Я. Виноградов, 1940г.), где было обнаружено женское погребение по обряду трупоположения с характерным набором вятических украшений: 7-лопастное височное кольцо, витые проволочные браслеты и т.п. (3). Можно также предполагать и присутствие здесь представителей другого восточнославянского союза-объединения - кривичей.

Косвенным свидетельством этому является уже упоминавшийся длинный курган с обрядом сожжения и погребальным инвентарем у п. Ермолино.

В отличие от более ранних периодов, период Древней Руси на территории современного Боровского района отражен более полно на археологическом материале поселений. В XI-XIII вв., как и ранее, основным типом поселений остаются селища. Однако в это время увеличивается их число и расширяются их границы. Одним из крупных поселений было селище в с. Беницы. Площадь распространения культурного слоя с древнерусским материалом там достигает чуть более 2 га (10). В 1960-1962 гг. на поселении проводились раскопки экспедицией ГИМ под руководством А.В.Успенской. Исследованная раскопками площадь составила 1200 кв.м. при толщине культурного слоя до 1 м. Были обнаружены

Стр.83.

остатки наземных срубных жилищ и производственных сооружений - гончарного и сыродутного горнов. Множество найденных предметов являются свидетельством интенсивной хозяйственной (ножи, топоры, сошники и др.) и торговой (шиферные пряслица, глазчатые бусы и т.д.) деятельности населения поселка (11).

Другой тип древнерусских поселений, известный территории края - городища. Различные по площади (от 450 кв.м. в Маламахово 1 до 1,8 га в Боровске), укрепленные валами и рвами, они занимают очень удобное ландшафтное местоположение - высокие мысы при слиянии рек, ручьев, между оврагами. Ярким примером может служить городище Отяково, расположенное на мысу правого берега р.Сушки, близ ее впадения в р. Бобровку. Жилая площадка городища находится на высоте до 10 м над уровнем воды в реке. Площадь ее составляет 2850 кв.м. Хорошо сохранился вал и ров. Найденные здесь шиферное пряслице и фрагмент гончарной посуды датирует его XII-XIII вв. (12).

К сожалению, мы не можем пока окончательно назвать древнерусским летописный "Боровескъ". Вероятно, что упоминание о нем в письменных источниках относится лишь к 1358г. (13. С. 15). Однако найденная на городище в Боровске гончарная керамика XI-XIII вв. свидетельствует о существовании здесь поселения задолго до его первого упоминания (14). Но было ли это поселение тогда городским? Это один из вопросов, на который можно будет ответить только в будущем, после раскопок как на самом городище, так и на примыкающей к нему территории.

С XIV в. центром экономической и политической жизни становится Москва. Начинается процесс формирования крупного централизованного Русского государства. В XIV-XV вв. развиваются многие населенные пункты, появляется ряд новых. Археологические разведки и раскопки в Боровске и его окрестностях выявили культурные напластования XV-XVII вв. самом городе и на многих сельских поселениях. Часть их продолжает функционировать и по сей день (Боровск, Роща, Рябушки и др.) (4; 8; 10).

Стр.84.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фролов А.С. (Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1985г. // Архив ИА, Р-1, 10761.
2. Массалитина Г.А. Раскопки селища Кривское 3 Боровского района Калужской области в 1993 г. // Архив ИА, Р-1.
3. Кузин Н.П. Краеведческий материал в преподавании истории в средней школе. // Преподавание истории в школе. №3, 1946.
4. Прошкин О.Л. Отчет о работе Калужской областной археологической экспедиции в Боровском районе Калужской области. 1986 г. // Архив ИА, Р-1, 11558.
5. Прошкин О.Л. Отчет об археологических раскопках и разведках в Калужской области в 1991 г. // Архив ИА, Р-1.

6. Прошкин О.Л., Фролов А.С. О находке каменного боевого топора у деревни Маламахово. // Боровский краевед. Вып.5. Боровск, 1993.
7. Прошкин О.Л. Отчет о раскопках городища в д.Маламахово Боровского района Калужской области в 1988 г. //Архив ИА, Р-1, 12689.
8. Прошкин О.Л. Отчет о раскопках в г.Боровске и городища близ д.Маламахово Боровского района Калужской области в 1989г. // Архив ИА, Р-1, 14533, 14534.
9. Массалитина Г.А. Раскопки длинного кургана у с.Ермолино. // Боровский краевед. Вып. 4. Боровск, 1992.
10. Прошкин О.Л. Археологические разведки в Калужской области. 1993 г. Отчет. // Архив ИА, Р-1, ...
11. Успенская А.В. Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник ГИМ. 1962. М., 1964.
12. Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках в Малоярославецком и Боровском районах Калужской области в 1987 г. // Архив ИА, Р-1, 12001.
13. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей 14-16 вв. М.-Л., 1960.
14. Прошкин О.Л. Отчет о работе Калужской археологической экспедиции в Калужской области. 1985 г. // Архив ИА, Р-1, 11063

Стр.85.

Г.А. Массалитина (г. Калуга)

(Массалитина Галина Александровна - кандидат исторических наук, археолог)

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СЕЛИЩА КРИВСКОЕ 3

С 1993 г. производятся археологические работы на одном из памятников в окрестностях г. Обнинска - селище Кривское 3. Оно расположено в 1,2 км от Дома Науки, на берегу р.Протвы. Основная площадь памятника уничтожена в результате строительстве двух стрелковых тиров; приречная часть поселения занята огородами и также разрушается. Исследованию, таким образом, доступно только незначительные по площади, сохранившиеся нетронутыми участки на опушке леса.

Культурный слой селища - рыхлая супесь, интенсивно окрашенная почти до черного цвета, равномерно по всей толщине. Стратиграфически он никак не расчленяется, поэтому основные этапы жизни на поселении определяются по характеру находок.

Среди керамического материала выделяются фрагменты посуды железного века, роменского и древнерусского периодов, а также эпохи средневековья.

В настоящей работе будет рассмотрена лепная керамика начального этапа функционирования поселения. Ее коллекция, полученная за все годы работ, составляет более 3 тысяч фрагментов. По своим технологическим и морфологическим особенностям, а также функциональному назначению лепная посуда селища Кривское 3 чрезвычайно разнообразна. По характеру обработки поверхности она делится на груболепную и лощеную; груболепная в свою очередь - на сетчатую и гладкостенную.

Сетчатая керамика составляет около 1,5% от общего числа лепной посуды. В основном, это небольшие фрагменты стенок. Немногочисленные венчики принадлежали сосудам баночных форм; у некоторых в той или иной степени обозначена шейка. Толщина стенок варьирует в пределах 0,4-1,2 см, в тесте - примесь дресвы, иногда очень крупной. Выделяются два вида сетчатых отпечатков: а) в виде параллельных отпечатков шнура – тонких

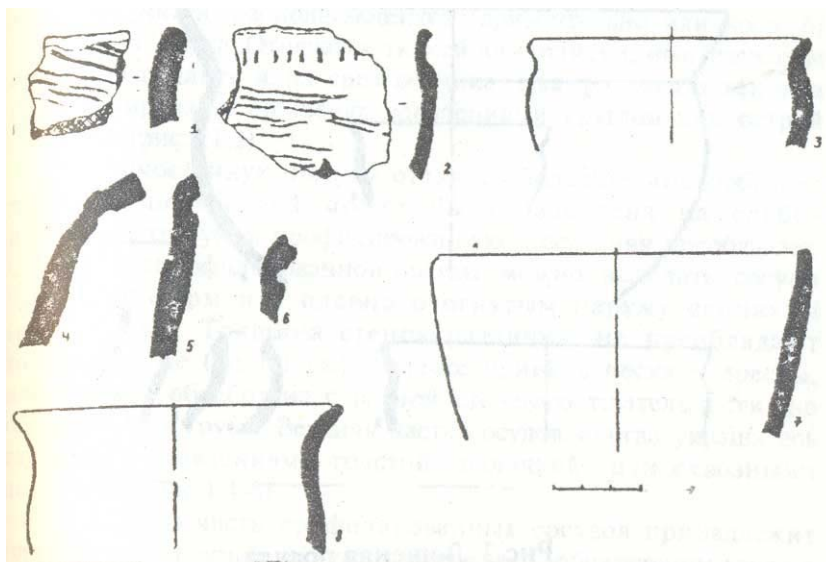


Рис.1 Груболепная посуда

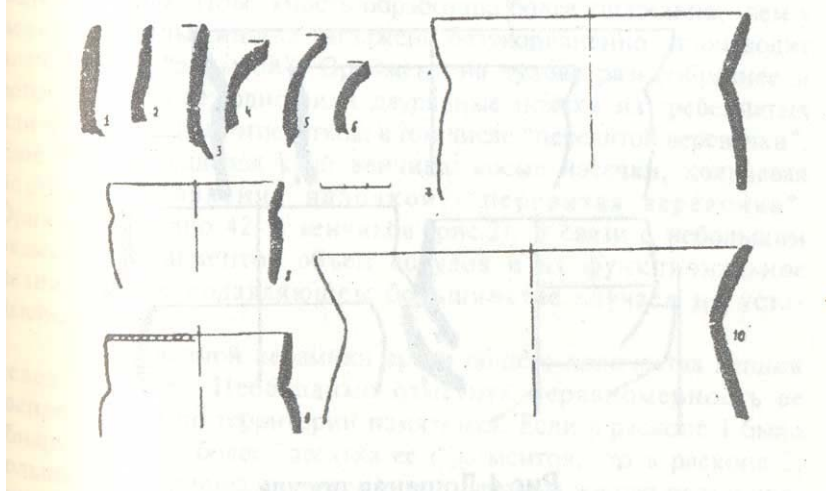


Рис.2.Груболепная посуда.

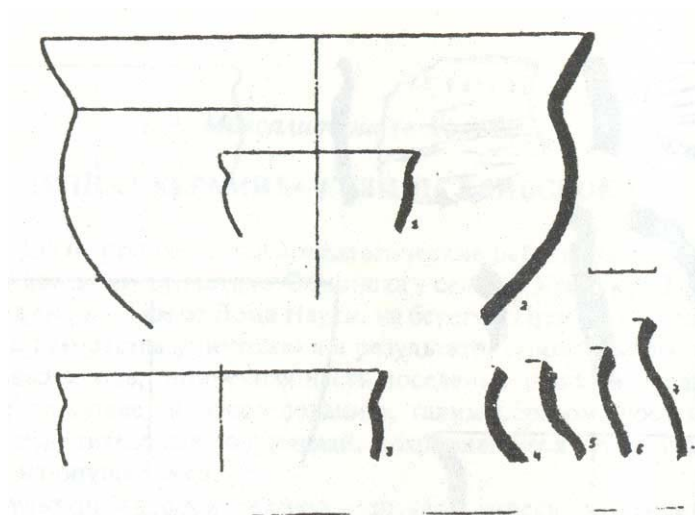


Рис.3 Лощеная посуда

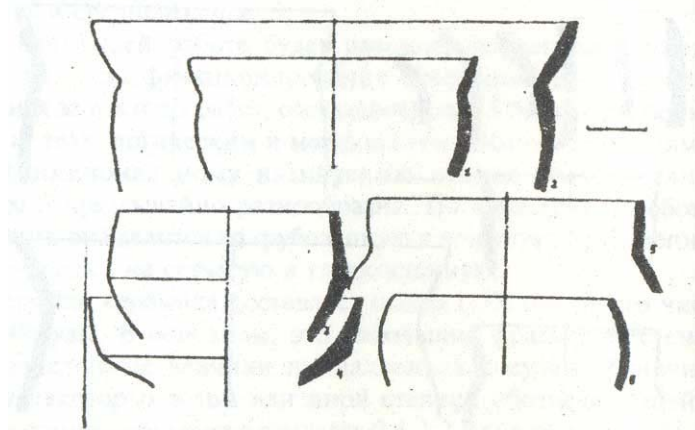


Рис.4 Лощеная посуда

Стр.88.

крученных нитей, располагающихся горизонтально или косо; б) "крапчатая" сетка. Отпечатки тканей или оттиски, имитирующие сетку, наносились и на срез венчика. Два фрагмента венчика орнаментированы по шейке вдавлениями круглой или острой палочкой (рис 1:1,2).

Гладкостенную посуду отличает большое многообразие форм. В целом она может быть разделена на слабопрофилированную и профилированную; последняя преобладает. Среди слабопрофилированной посуды можно выделить сосуды баночных форм и с плавно отогнутым наружу венчиком (рис.1:3,7.8.). Толщина стенок различна, но преобладают толстостенные (до 1,1 см). В тесте примесь песка и дресвы, поверхность обработана с разной степенью тщательности, но обычно очень грубо. Верхняя часть сосудов иногда украшалась глубокими вдавлениями толстой палочкой или сквозными дырочками (рис. 1:4-6).

Большая часть профилированных сосудов принадлежит горшкам с отогнутым под углом венчиком, образующим горло в виде раструба. Среди этой группы преобладают тонкостенные сосуды (0,4-0,6см). В тесте песок и дресва, как правило, мелкоотолченная. Поверхность обработана более тщательно, чем у первой группы, иногда заглажена

безукоризненно, производит впечатление "замытой". Орнамент на тулове разнообразнее и встречается чаще: одно- или двурядные пояски из гребенчатых или штампованных отпечатков, в том числе "перевитой веревочки". Ещё чаще украшался край венчика: косые насечки, кольцевая бороздка, вдавления палочкой, "перевитая веревочка". Орнаментировано 42 % венчиков (рис.2). В связи с небольшим размером фрагментов объем сосудов и их функциональное назначение в подавляющем большинстве случаев не устанавливаются.

Доля лощеной керамики среди общего количества лепной невелика - 8%. Необходимо отметить неравномерность ее распределения по территории памятника. Если в раскопе 1 было обнаружено не более десятка ее фрагментов, то в раскопе 2, большая часть площади которого пришлась на жилую постройку, она составила свыше 15%.

Стр.89.

Лощеная посуда преимущественно тонкостенная (0,25-0,5 см), лощение разного качества, цвет поверхности – жёлтый, серый, кремовый, чёрный. Орнамент отсутствует. В тесте примесь песка и очень мелкой дресвы. Представлена горшками и мисками. Немногочисленные фрагменты венчиков позволяют выделить два основных типа горшков. Тип 1: хорошо профилированные, округлобокие, венчик резко отогнут, образуя тупой или почти прямой угол с линией тулова. Тип 1 сильно варьирует в пропорциях и размерах (рис.3:3; 4:1,2,5). Тип 2: слабопрофилированные, с плавным профилем, суженной горловиной, едва отогнутым наружу венчиком, край которого косо срезан (рис.3:4-7).

Среди мисок выделяются три типа. Тип I аналогичен горшкам типа 1 (рис.3:1,2). Тип 2: ребристые, с цилиндрическим или слегка сужающимся на конус верхом (рис.4:3,4). Тип 3 - округлобокие, закрытой формы (рис.4:6).

Рассмотренная выше лепная керамика селища Кривское 3 представляет собой набор форм, типичный для посуды других поселений дьяковской культуры, расположенных в ближайших окрестностях города Обнинска. Дьяковская культура – весьма растянутое во времени явление. Среди вещевого инвентаря нижнего слоя отсутствуют изделия, определяющие время его отложения. Зато это возможно сделать на основе анализа особенностей, присущих керамическому комплексу этого слоя. Незначительное количество сетчатой посуды и сам характер сетчатых отпечатков, наличие лощеных сосудов, преобладание профилированных форм среди груболепных горшков и отсутствие сковород позволяют ограничить хронологические рамки отложения нижнего слоя II - V(VI) вв.

Стр.90.

И.В. Болдин (г. Калуга)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ (1993—1994 гг.)

В 1993-1994 гг. на территории Пафнутьев-Боровского монастыря Отделом археологии Калужского областного краеведческого музея проводились археологические раскопки, цель которых – продолжение изучения культурных напластований и сбора археологического материала (1961 г. - М.Х. Алешковский, 1969-79гг. – Е.Л.Хворостова, 1989 г. - Ю.Ю. Васильев, 1991 г. - А.А.Зайцев). Было заложено три раскопа, общей площадью 110 кв. м.

Первый раскоп (1993г.) расположен между зданием Западных братских келий и крепостной стеной. В бытность монастыря здесь находился хозяйственный двор (1), что способствовало сохранению культурных напластований, отложившихся на ранних этапах

существования обители. В ходе раскопок обнаружен слой плотного черного суглинка, насыщенный угольками, ошлакованной керамикой, спекшимися гвоздями. Этот слой был перекрыт мощным пластом материковой глины, вероятно, выброшенной при строительстве здания братских келий (середина XVII века) (2). Чёрный слой - след пожара - возможно связать с разорением монастыря войсками Лжедмитрия II в 1610г. Из индивидуальных находок, собранных в этом слое, наибольший интерес представляют: печной изразец из красной глины (конец XVI - начало XVII вв.) (3), фрагмент зеленого муравленого изразца (XVII в.) (4), плетёная из кожи пуговица, покрытая позолоченной медью (по определению В.Г.Пуцко - XVI-XVII вв.). Под черным слоем находился серый суглинок, содержащий фрагменты гончарной керамики конца XV-начала XVI вв. Версия о строительстве братского корпуса на фундаменте крепостной стены не нашла подтверждения в археологическом материале. Напротив, здесь в начальный период существования обители протекала интенсивная хозяйственная жизнь: обнаружены остатки древнего погребя, оградки.

Стр.91.

В западном углу раскопа раскрыт фрагмент фундамента монастырского сооружения. Фундамент, сложенный из крупного необработанного известняка и валунов, сохранился на глубине около полуметра от современной поверхности. На начальной стадии строительства в материковую глину под будущий фундамент здания были вбиты дубовые сваи длиной до полутора метров. Всего в зоне раскопа попало десять свай, вбитых попарно. Судя по мощности фундамента, найденным фрагментам кирпича среди бутового камня, которые могли попасть сюда только в момент строительства здания, и по сохранившимся аналогичным строениям, фундамент принадлежал пристройке к братскому корпусу, выполнявшей санитарные функции.

Второй раскоп (1993г.) был разбит в центре монастыря с южной стороны трапезной 1511г. Под балластным слоем, содержащим современный материал, оказались остатки каменной вымостки, сложенной из грубо обработанного известняка и двух больших фрагментов надгробных плит начала XVI века, положенных орнаментом вниз. (При проведении планировочных работ в монастыре в октябре этого года были также обнаружены фрагменты белокаменной вымостки, содержащей надгробные плиты XVI-XVIII вв.). Вполне вероятно, вымостка появилась сразу после возведения проломных ворот, так как здесь прошла дорога к центру монастыря (храму Рождества Богородицы).

Под вымосткой залегал слой, насыщенный углем, под которым открылся мощный пласт глины (результат строительства трапезной 1511г.), перекрывавший весь раскоп. Под этой глиной оказался древнейший слой, где были найдены фрагменты гончарной керамики рубежа XV-XVI вв. и лепной посуды первой половины I тысячелетия н.э. Древнейший слой прорезан могильными ямами первой половины XVI в. Всего вскрыто восемь захоронений. Все погребения безинвентарные, лишь в одной могиле под голову положена деревянная "подушка". Возможно, в ходе раскопок исследованы захоронения первых монахов обители.

Раскоп 1994г. заложен в непосредственной близости от раскопа 2 (1993г.), у западной стены трапезной палаты (1511г.). К сожалению, он практически полностью попал на ложбину (глубина

Стр.92.

около 2 м), которую на протяжении XVI-XVIII вв. многократно засыпали. На самом дне среди других находок обнаружены два рыболовных грузила.

При прокладке теплотрассы в 1994г. по территории монастыря в южной части трапезной 1837г. был вырыт колодец площадью 220х200 см. На глубине 78 см от поверхности пола (бетонная стяжка) зафиксирован фрагмент основания постройки из

грубо обтёсанных известняковых блоков. Основание перекрывали слои строительства и разрушений.

Под основанием оказались два склепа из красного кирпича размером 30х17х6 см. Кирпич сложен сводом над погребением. Костяк, вытянутый по линии запад-восток, головой ориентирован на запад, лежал на спине на кирпичной кладке. Большая часть костяка уходила в северо-западную стенку. Недостаток площади (возможность обвала из-за сыпучего грунта) не позволил произвести расчистку костяка.

Второй склеп был разрушен еще при строительстве трапезной в 1837 г. В этом склепе обнаружено четыре черепа и несколько человеческих костей, лежащих в беспорядке. Один из черепов испачкан известковым раствором. Здесь же был найден фрагмент надгробной плиты с орнаментом (вторая половина XVII-нач. XVIII вв.).

Археологические исследования 1993-94гг. выявили ряд интересных моментов истории Пафнутьев-Боровского монастыря, собрана уникальная коллекция позднесредневековых находок, могильных плит.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Меркелова В.М. Пафнутьев-Боровский монастырь (краткий обзор исследований и реставрации 1955-1975гг.)//Реставрация и исследование памятников культуры. М.,1982. Вып.2. С.193.
2. Меркелова В.М. Указ. соч. С. 194.
3. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв.//САИ. М.,1968. С.58.
4. Рабинович М.Г. Московская керамика. //МИА. М-Л.,1949. Т.2. С.83-95.

Стр.93.

Раздел III.

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

В.Г. Пуцко (г. Калуга)

(Пуцко Василий Григорьевич - заместитель директора по научной работе Калужского областного художественного музея)

ВИЗАНТИЙСКАЯ КАМЕЯ ИЗ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Среди сокровищ Пафнутьев-Боровской монастырской ризницы, изобиловавшей княжескими и боярскими вкладами, особое место занимала золотая иконка, обычно не значащаяся в перечне предметов церковной старины, заслуживающих внимания(1). Не стала она предметом научного анализа и после того как в 1929г. вместе с иными ювелирными изделиями была передана в Государственный Исторический музей в Москве.

Пишущий эти строки впервые ознакомился с этим памятником, равно как и с иными византийскими камнями музейного собрания, в сентябре 1967г. Когда же пять лет спустя попытался заказать их фотоснимки, то заявка оказалась украшенной следующими резолюциями: 1)"П Археологический отдел категорически возражает против издания перечисленных памятников где бы то ни было, кроме сотрудников Исторического Музея; тем более, что Музеем планируется издание альбома византийских памятников искусства, хранящихся в ГИМ. Н.Пятышева. 26/ХП.72"; 2)"Отдел Драгоценных Металлов возражает, т.к. ГИМ`ом предполагается издание альбома византийских памятников. Зав.Отделом М.Постникова. 26/ХП.72". Увы, за прошедшие десятилетия "планируемый" и "предполагаемый" альбом так и не появился, равно как и специальные публикации

заинтересовавших тогда меня камей. Одна из них украшает упомянутую золотую иконку (2).

Именно это произведение оказалось впервые воспроизведенным в качестве сравнительного материала как относящееся к палеологовскому времени (3). В каталоге византийской выставки 1977г. в Москве камей датирована XII в. (4), как и в каталоге выставки 1996г. (5). Но в альбоме шедевров ювелирного искусства предложена иная датировка – XIII в. (6). К сожалению, указанные даты в литературе не аргументированы, и поэтому кажутся произвольными.

Стр.94.

Упомянутая иконка, прежде хранившаяся в ризнице Пафнутьев-Боровского монастыря, представляет овальную камей из зелёной яшмы, размером 3,1х2,2 см, заключенную в золотую оправу, размером 5,6х3,8 см. Оправа гладкая, украшенная по контуру сканой веревочкой, с выступающей рамкой и четырьмя петельками, свидетельствующими об украшении образка жемчужной обнизью. Вверху на шарнире укреплено дутое граненое оглавие. Обратная сторона оправы гладкая (7). Было высказано мнение о том, что оправа более поздняя, русской работы (8). Типологически она сходна с круглым золотым образком с погрудным изображением св.Марии, в технике перегородчатой эмали, из клада 1822г. на городище Старая Рязань (9). Категорически отрицать византийское происхождение оправы рассматриваемой камей, думается, нет оснований. Вопрос же об ее одновременности по отношению к резному камню логичнее решить после установления даты последнего. Старорязанская же находка существенна уже тем, что указывает на бытование оправ отмеченного типа в первой трети XIII в. Этот тип и тогда выглядел несколько архаичным, вызывающим в памяти декоративное оформление константинопольских ювелирных изделий X-XI вв. (10). Однако его нельзя считать характерным для русских ювелирных оправ нагрудных икон XIV-XVI вв.(11).

Камей с полуфигурным изображением Христа Пантократора, выполненным в высоком рельефе. Христос представлен благословляющим правой рукой перед грудью, держа в левой, прижимая его к груди, кодекс Евангелия. Фигура узкоплечая, задрапированная почти параллельно ниспадающими широкими обобщенными складками. По сравнению с ней непомерно большой кажется выделенная и рельефом голова удлиненной овальной формы. Узкое лицо с крупными чертами обрамлено бородой и плотно прилегающими прядями длинных, разделенных на пробор, волос, концы которых откинута на правое плечо. Вокруг головы углубленной линией очерчен нимб с обычным крестовидным делением, а по сторонам фигуры, на уровне шеи, резьбой обозначены монограммы Христа, греческие литеры которых обнаруживают элементы, сближающие их с начертаниями

Стр.95.

латинских. В целом в резьбе камей есть что-то необычное, выделяющее ее из круга образцов византийской глиптики не только XII в., но и рубежа XII-XIII вв., то есть позднекомниновского периода. Можно было бы сказать, что это "готические" черты резьбы. Однако такое определение выглядит не совсем точным, поскольку по формальным признакам стиля камей вряд ли сопоставима с такими образцами готической пластики, как, скажем, скульптура собора в Шартре или собора в Реймсе. Среди довольно обширной группы византийских камей с полуфигурным образом Христа трудно отыскать второе произведение, которое во всех отношениях было бы сходным с рассматриваемым резным камнем. Вряд ли можно сомневаться в том, что каждый экземпляр следует определенному иконописному образцу, и именно этим надо объяснять те или иные иконографические детали, а тем более, общую схему. В отличие от классифицирующих памятников византийской глиптики X и отчасти XI вв., камей XII в. Выдаются несколько

элементом схематизма, иногда - тяжеловесностью фигур. Впрочем, последнее отличает чаще всего резьбу, выполненную около 1200г. (12). В XIII в. гораздо отчетливее проявляются графические качества рельефа, о чем, в частности, позволяет судить камея с полуфигурой Христа Пантократора в Белграде (13). Рассматриваемая резная яшма из Пафнутьев-Боровского монастыря особенностями стиля скорее приближается к изделиям палеологовского времени (14).

Общий типологический вариант указывает на знакомство резчика с изображениями Христа Пантократора, появляющимися в византийском искусстве в конце XIII в. и получающими распространение в следующем столетии (15). Здесь он зафиксирован еще в стадии оформления, в заметно архаизированном виде, что наиболее проявляется в несоразмерности головы, кисти благословляющей правой руки и кодекса в левой. Оригинальную форму головы отчасти можно отнести на счет индивидуальной манеры резьбы, тем более, что в целом она находит стилистические параллели в стеатитовых рельефах рубежа XIII-XIV вв. (16). Эта дата, в конечном счете, оказывается наиболее приемлемой для изучаемой камеи. Несколько известных палеологовских резных камней, сохранившихся в ризнице Троице-Сергиевой лавры, исключают

Стр.96.



**Христос Пантократор. Последняя треть XIII в.
Яшма, резьба. Оправа – золото, ковка.**

ее более позднюю датировку (17).

В изучении византийской глиптики одним из самых дискуссионных остается вопрос о западноевропейских имитациях, прежде всего, итало-византийских по происхождению (18). Каменя из Пафнутьев-Боровского монастыря, однако, вряд ли может быть отнесена именно к этой категории изделий. Даже несмотря на то, что обнаруживает отдельные элементы сходства, прежде всего, в пластическом осмыслении фигуры. Не свидетельствует ли все это в пользу изготовления ее в Константинополе вскоре после 1261г., когда из византийской столицы были изгнаны франки? К сожалению, у нас нет твердых оснований, позволяющих настаивать на правомерности такой уточненной даты. Поэтому логичнее изготовление камеи предположить в хронологических границах последней трети XIII в. Принимая этот вывод, вряд ли можно обрамляющую резной камень золотую оправу считать более поздней и тем более подвергать сомнению ее византийское происхождение. Особенно же, никак не аргументируя свои сомнения.

Единственное, что пока трудно объяснить, так это особенности формы головы Христа. Совершенно ясно, что она является следствием деформации классического образца. Судя по фигуре, резчик исходил из достаточно элитарного по своему происхождению прототипа, где Христос был представлен с удлиненной окладистой бородой. Конечно, вряд ли может речь идти о прямом обращении к моделям конца VII в. (19): более вероятным является воздействие раннепалеологовской интерпретации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Леонид (Кавелин), архим. Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря. Изд.2-е. Калуга, 1894; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М.,1908. С.267-268.

2. ГИМ. Инв. № 67508/ок 6 045.

3. Пуцко В.Г. Несколько византийских камей из древнерусских городов //Сборник радова Византолошког института. Београд, 1970. Кнь.ХII. С.123. Рис.7.

4. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М.,1977. Вып.2, С.126. №647.

Стр.98.

5. Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. М., 1996. С.84-85. №741.

6. Государственный Исторический музей, Москва. Шедевры ювелирного искусства. Л., 1985 /Сост. Постникова- Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л., Смородина Г.Г./ №12.

7. Жемчужная обнизь утрачена. Оправа помята, ее рамка, закрывающая края камеи, в нескольких местах порвана с частичной утратой металла.

8. Путь из варяг в греки и из грек... С.85.

9. Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.,1975. С. 112. Табл. 15,6. №88.

10. The Treasury of San Marco. Venice. Milan, 1984. №№ 8, 14, 16, 17.

11. См.: Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XII-XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960; Постникова-Лосева М. Русская золотая и серебряная скань М.,1981.

12. См.: Wentzel H.Datierte und datierbare byzantinische Kamee // Festschrift Fr. Winkler. Berlin, 1959. S.9-21; Putzko W. Die zweiseitige Kamee in der Waiters Art Gallery in Baltimore // Beitrage zur Kunst des Mittelalters. Festschrift fur H.Wentzel zum 60. Geburtstag. Berlin, 1974. S. 173-179.

13. Радойкович Б. Каменя са Христом Пантократором // Зборник Светозара Радойичича. Београд, 1969. С.283-286.

14. Обзор их образцов см.: Wentzel H. Kameen // *Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. Stuttgart, 1976. S.923-925.
15. Ср.: Djuric V.J. *Icones de Yougoslavie*. Belgrad, 1961. №№5, 15; *Byzantine Art in European Art*. Athens, 1964. №№ 199, Kalavrezou-Maxeiner I. *Byzantine Icons in Steatite*. Wien, 1985 (*Byzantina Vindobonensia*. Bd. XV). № 147.
16. Ibid. №№136, 174; Пуцко В.Г. Раннепалеологовский стеатит с изображением Иоанна Предтечи // *Byzantinoslavica*. 1989. T.L. C.203-214.
17. Jurgenson P. Zur Frage des Charakters der byzantinischen Plastik während der palaeologischen Zeit // *Byzantinische Zeitschrift*. 1929-1930. Bd. XXX. S.271-278; он же. О франкском влиянии в византийской пластике XIII века // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исслед.институтов обществ. наук. Институт археологии и искусствознания. М.,1928. T.IV. C.535-540. В последней статье речь идет о двух камнях из жадеита, укрепленных на золотом окладе иконы преп. Сергия Радонежского, служившей надгробной крышкой серебряной раки 1585г.
18. Подробнее см.: Wentzel H. Die byzantinischen Kameen in Kassei. Sur Problematik der Datierung byzantinischer Gemmen // *Museion. Studien aus Kunst und Geschichte für O. H. Forster*. Köln, 1960. S.88-96; Bank A. Vier byzantinisierende Kameen aus der Ermitage // *Beiträge zur Kunst des Mittelalters*. S.11-16; idem. Sur le problème de la glyptique italo-byzantine // *Rivista di studi bizantini e slavi*. Bologna, 1984. T. III. P.311-318.
19. См.: Kitzinger E. Some Reflections on Portaitaire in Byzantine Art // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1963. Кнь VIII, 190-192. Fug.5

Стр.100.

С.И. Личенко (г. Калуга)

(Личенко Светлана Ильинична - научный сотрудник Калужского областного художественного музея)

**КАРТИНА В.К. ДЕМИДОВА «ПРЕДСМЕРТНЫЙ ПОДВИГ КНЯЗЯ
М.К.ВОЛКОНСКОГО В ПАФНУТЬЕВОМ МОНАСТЫРЕ В БОРОВСКЕ В 1610г.»
И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

В первой пол. XIX столетия историческая картина занимала ведущее место в пространстве отечественного изобразительного искусства. А.Иванов, самый мощный и глубокий гений в русской живописи той поры, именно в исторической картине видел наибольшие возможности выражения общечеловеческого содержания искусства. Содержание процесса развития исторической живописи в отечественном изобразительном искусстве первой пол. XIX в. представлено разнообразными стилистическими направлениями: продолжение развития традиций академического классицизма, становление и расцвет романтизма и, одновременно, постепенное вызревание реалистических начал внутри этого направления, формирование более объективного понимания самой логики истории (1) Эволюция жанра исторической картины, естественно, во многом аналогична эволюции самого понимания истории в ту эпоху.

Романтизм в русской исторической живописи первой пол. XIX в. ощутил не только в новаторских исканиях таких крупных мастеров, как Ф.А. Бруни, А.А. Иванов, К.П. Брюллов. Его печатью отмечено творчество целой группы живописцев этого периода, значительно менее крупных, нежели названные мастера. Исторические картины П.В. Васина, позднего В.К. Шебуева, Н.П. Ломтева, А.Т. Маркова, В.К. Демидова, обладающие неодинаковым художественным достоинством, имеют общую идейную и художественную специфику. И объединяющим началом здесь является романтическая концепция, именно она определяет понимание истории и своеобразие ее художественного воплощения.

Стр.101.

При всем этом, романтизм этих художников не приносит в искусство сколько-нибудь интересных достижений. Их значение не переходит границ времени, в котором они работали, и, тем не менее, их фигуры чрезвычайно типичны для эпохи. Очень часто именно в их творчестве становятся особенно заметными слабые стороны романтизма как метода в создании исторической картины.

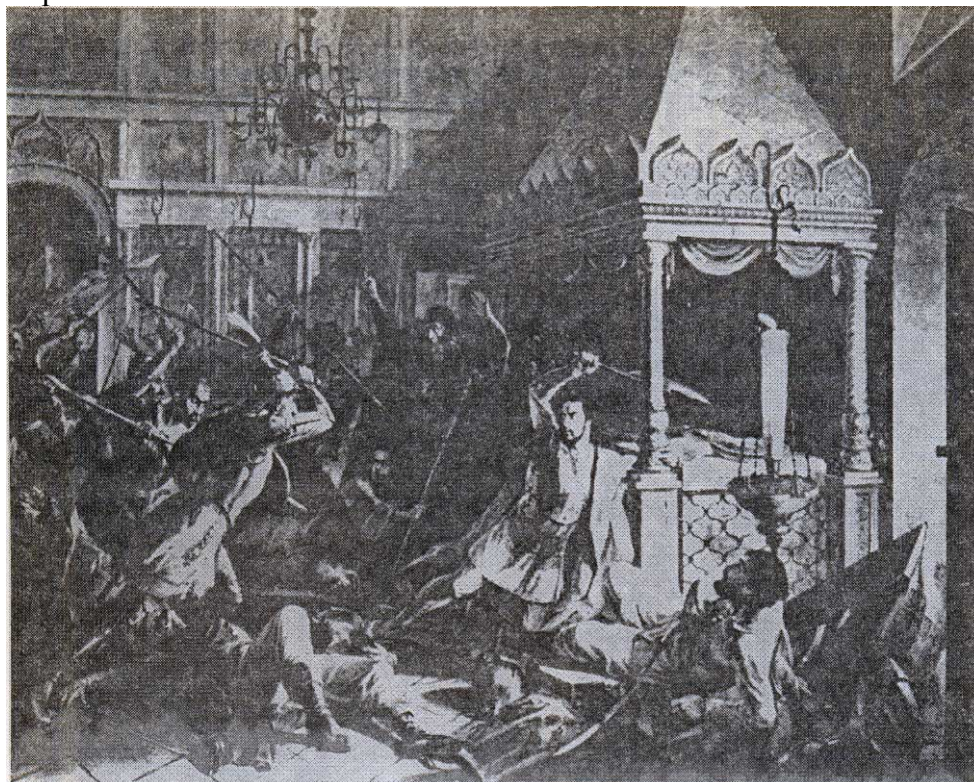
В свете вышесказанного чрезвычайно характерным представляется творчество В.К. Демидова, русского живописца первой половины XIX в. Унтер-офицер придворного конюшенного ведомства, вольноприходящий ученик Академии Художеств (с 1833 г.), ученик К.П. Брюллова (2). Художественная газета за ноябрь 1836 г. сообщает следующее: "Состоящего в Мастерской роте придворного экипажного заведения мастера унтер-офицерского звания, Василия Демидова, признанного Академией художеств по успехам в живописи достойным звания свободного художника, произвести в 14-й класс... с тем вместе поручить его профессору Брюллову для усовершенствования в живописи" (3). Исключительна приверженность художника в его творчестве к отечественной национальной истории. В 1836 г. за картину "Освобождение Москвы князем Пожарским и гражданином Мининым" он получает звание некласного художника, в 1839 г. он получает звание "назначенного" за картину "Последний бой Ермака". В своем творчестве художник обращается к эпохе Петра I, к событиям Смутного времени в истории России. В частности, на выставке Академии Художеств в 1842 г. экспонировалась картина В.К. Демидова "Предсмертный подвиг князя Волконского в Боровске в 1610 г.". Картина посвящена событиям Смутного времени на территории Калужского края. Первоначально она находилась в имении Волконских "Суханово" Московской губернии. В 1927 г. картина из Государственной закупочной комиссии поступает в фонды КОХМ. Эскиз к картине хранится в Государственной Третьяковской галерее. Подготовительная работа, предшествовавшая написанию картины, была проведена в духе современных ей требований исторической достоверности. Очевидно, художник надеялся обрести в этом некий творческий стимул, совершенно в духе Н.В. Гоголя, который в статье "О периодизации всеобщей истории" (1836 г.) выдвигает требования

Стр.102.



В.Демидов. Предсмертный подвиг князя М.К.Волконского в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610 году. Эскиз, ГТГ.

Стр.103.



В.Демидов. Предсмертный подвиг князя М.К.Волконского в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610 году. 1842, КОХМ.

безусловной исторической конкретности в изображении события минувшего времени, обращаясь к художникам: "... старина даст тебе краски и уже одной собой вдохновит тебя! Она живьем и шевелится в наших летописях"(4). Живописное полотно словно предшествует фрагменту из "Исторического описания Боровского монастыря", составленного архимандритом Леонидом (Кавелиным): "В 1610 году самозванец Тушинский опустошил сию знаменитую обитель и привел ее в крайнее положение. Все сокровища были расхищены, 12-ти тысячные войска и все монашествующие, находившиеся в монастыре, были избиты, потом все предано было огню" (5). При обороне монастыря погиб воевода князь Михаил Константинович Волконский, был убит настоятель монастыря игумен Никон.

Масляный эскиз картины, хранящийся в ГТГ, следует признать достаточно удачным. В нем есть та массовость действия, которую искали художники-романтики в полотнах 1830-40-к гг., стараясь увидеть народ или лучших его представителей участниками исторического события. В эскизе есть и то единство общего впечатления, к которому стремятся художники-романтики этого времени, используя эффекты цвета и света. Горячие киноварно-красные, коричневые и черные цвета, широкая живопись, ритмическое движение плотных масс - во всем этом есть темперамент, передающий эмоциональную напряженность ситуации. В эскизе ощущается желание передать жар сражения, мгновение удара, а не только нравственный смысл поступка. Совершенно однозначно автора можно упрекнуть лишь в недостоверности изображения интерьера соборной церкви. Однако при переносе идеи эскиза в картину достоинства его были

утрачены. Единство сменилось дробностью, эмоциональное напряжение спало. Большая определенность характеров действующих лиц обнажила слабые стороны идейного замысла картины. Более статичной и разработанной в традициях официального академизма (трехплановость) стала композиция картины. Отчетливо выявился риторический пафос группы князя Волконского у раки прп. Пафнутия Боровского, игумена Никона и служки, припавшего к ногам священника. Сложное цветовое решение сражения в эскизе распалось на акцентирование

Стр.105.

локальными пятнами отдельных фигур воинов. В целом изображение чрезвычайно статично и производит впечатление застывшего мгновения. Ощущения жаркой схватки у художника в картине не получилось. Герои словно позируют перед зрителями, застывая в красивых, выразительных позах, продуманных ракурсах. Строгие каноны академизма явно тяготеют над общим стилистическим решением произведения, что сказывается и на идейной значимости картины. Хотя художник и исходил из передовой для своего времени задачи показать народное единство в историческом событии, картина целиком укладывается в ортодоксальную теорию "православия, самодержавия, народности". Романтическая историческая концепция народа, вдохновляемого в своих действиях церковью, оборачивается внешней риторикой поступков и жестов, преувеличенным значением характерного антуража.

Определяя место картины В.К.Демидова в исторической живописи первой половины XIX в., мы несомненно должны исходить из критериев искусствоведческой науки. При всем этом следует признать ее несомненную историческую значимость, особенно в контексте исторических событий на территории Калужского края. Пафос художника состоит еще и в стремлении увидеть в свойствах памяти, в том, что было и ушло в века, источник жизнестойкости русского человека, в призыве чтить вечное, бессмертное, что завещано нашими предками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ракова М. Русская историческая живопись середины девятнадцатого века. М.,1979.
2. Кондаков С.Н. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств. Часть II. Биобиблиографический словарь. Художники народов СССР. М.,1976.
3. К.П.Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1961.
4. Гоголь Н.В. О периодизации всеобщей истории // Полное собрание сочинений. Т.8.
5. Леонид (Кавелин). Историческое описание Боровского монастыря. Под редакцией И.Ф.Токмакова. Калуга, 1894.

Стр.106.

В.И.Осипов, А.И.Осипова (г.Боровск)

(Осипов Виктор Иванович - историк-краевед, директор Боровского историко-краеведческого музея — филиала ГУК «Калужский областной краеведческий музей».

Осипова Алла Ивановна - научный сотрудник Боровского историко-краеведческого музея — филиала ГУК «Калужский областной краеведческий музей»)

БОРОВСК в XVII в.

История Боровска в первой половине XVII в. практически не изучалась. Основное внимание историков и краеведов привлекали события, происходившие в июле 1610 г., когда был взят и разграблен войсками Лжедмитрия II Пафнутьев-Боровский монастырь. В настоящее время выявлен круг документов, позволяющих проследить историю Боровска в XVII в., показать разрушения, произведенные в Смутное время (1600-1618 гг.), восстановление города, а также занятия горожан.

В этот период Боровская земля являлась ареной ожесточенных военных действий между правительственными войсками и их противниками: И. Болотниковым, Лжедмитрием II, польскими вооруженными шайками.

Самый ошутимый урон Боровску и Пафнутьеву монастырю был нанесен в июле 1610г. войсками Лжедмитрия II. До прибытия самозванца в городе за стенами деревянной крепости находился гарнизон московских стрельцов, насчитывавший 800 человек, во главе с князем Михаилом Волконским. Но князь понимал, что обороняться в Боровске опасно, так как некоторые горожане поддерживали самозванца, считая его настоящим царем. Вместе с гарнизоном и частью жителей он перешел в Пафнутьев-Боровский монастырь. Оборона монастыря была упорной, десять дней защитники мужественно оборонялись, но, тем не менее, враг прорвался, и весь гарнизон был перебит. Погиб и князь Михаил Волконский в соборе Рождества Богородицы. Монастырь был полностью сожжен и разграблен. Основным источником по осаде Пафнутьева монастыря является "Новый летописец" (первая треть XVII в.) (1). Привожу фрагменты из этого источника полностью: "Вор же (Лжедмитрий II) приде под Пафнутьев монастырь. В монастыре сидеша в осаде многие люди, а воеводы быша: кн. Михаил Волконский, да Яков Змеев, да Офонасей Челищев.

Стр.107.

Литовские ж люди монастырю приступаху великими приступы и не можаху нечего им зделати. Вложи ж враг в воевод мысль злую в Якова Змеева да Офонасея Челищева и начаша умышлять, како б им здати чюдотворцов дом. Воевода ж князь Михайло Волконский в той думе с ними не был и не ведал у них той злой думы. Внезапу те окоянные повелеша отворите острожные ворота. Литовские и русские воры внидоша во врата. Той же князь Михайло Волконский встав в дверех церковных с ними бился много и изнемог от великих ран и паде в церкви. Литовские ж люди внидоша в церковь и начаша сещи игумена и братию и того воеводу тут же убиша и побиша всяких людей в монастыре по числу 12000." По "Летописцу", монастырь был взят предательством, и в нем погибло 12 тысяч защитников. Однако есть документы, в которых приводятся иные данные. Вот как описывают очевидцы взятия Пафнутьева монастыря: "Монастырь этот был каменный и довольно укрепленный, кругом его была глубокая вода и окопы". Осажденные решили не сдаваться. Монастырь штурмовали трижды. После общего штурма монастырь был взят, "в ярости всех до одного вырезали". А вот следующее описание: Лжедмитрий II "с своими, русскими, поляками, татарами и казаками силою взял Пафнутьев монастырь, ограбил, перебил тамошних попов и монахов, также пятьсот стрельцов, посланных туда из Москвы на выручку, и сжёг монастырь". В журнале Я.П. Сапеги записано: "Нападение на монастырь св. Пафнутия. Войска убито 4909 человек. Гусарская конница, сошедши с коней, содействовала овладению монастырем, который разорен до основания" (2).

Сохранилась роспись войск Лжедмитрия II в то время, когда он вышел из Калуги в Москву. В пяти полках насчитывалось около пяти тысяч человек. Если бы потери самозванца при штурме монастыря составляли 4909 человек, он бы не смог продолжать

свой поход на Москву (3). Следовательно, количество убитых, названных Сапегой, относится к обеим сторонам.

Ущерб, нанесенный Боровску в 1610 г.

Трудно с точностью определить ущерб, причиненный Боровску войсками Лжедмитрия II в июле 1610 г. Но показать

Стр.108.

реальную картину вполне возможно. В 1621 г. Ильей Васильевичем Чемесовым и подъячим Василием Прокофьевым была составлена Дозорная книга г. Боровска (4). При описании пустующих дворовых мест, которые раньше были жилыми, они указывали причину их запустения. В основном это были брошенные дворы, хозяева которых покинули эти места, или же сожженные дворы, чьи владельцы "побиты в Пафнутаеве монастыре в 118 г."

Боровск в XVII в. состоял из укрепленного городища с административными дворами, посада и слобод. Часть слобод принадлежали Пафнутаеву монастырю, но со второй половины XVII в. были отписаны к посаду. Поэтому будем рассматривать Боровск как единое целое, включавшее посад и слободы, без владельческой их принадлежности.

В 1610 г. боровское городище было обнесено деревянной крепостью с шестью башнями (в двух башнях были прорублены ворота). Во всем городе насчитывалось 16 церквей (в том числе две каменных), из которых 6 были сожжены. Были сожжены Рождественский (храм, кельи, ограда) и Покровский Высоковский (каменный храм, кельи, ограда) монастыри. Пострадали, в основном, слободы, принадлежавшие Пафнутаеву монастырю (Мякишевская, Мельничная, Высоковская, Никольский погост), а также государственные (Ямская и Пушкарская). В монастырских слободах было сожжено 34 двора, а люди перебиты в монастыре. В Мельничной слободе сожжена мельница и разрушена плотина. Ямская слобода была уничтожена полностью (40 дворов), а "ямские охотники побиты в Пафнутаевом монастыре, а иные разбрелись безвестно". Больше эта слобода не восстанавливалась. В Пушкарской слободе сожжено было только 6 дворов. В различных местах посада было сожжено 64 двора. (Только в Рождественском приходе писцы отметили, что из сожженных 14 дворов владельцы побиты в Пафнутаевом монастыре).

Таким образом, получается, что войском Лжедмитрия II было сожжено 6 церквей и 138 дворов. Большинство владельцев погибло, пытаясь спастись за стенами монастыря. Если использовать Дозорную книгу (но не принимать во внимание указанное там количество дворов Казачьей слободы, появившейся в 1618 г.), то окажется, что в Боровске осталось всего 123 двора, то есть город был уничтожен на 53%.

Стр. 109.

Восстановление Боровска

После разорения войсками Лжедмитрия II город Боровск, Пафнутаев монастырь и весь уезд вернулись к мирной жизни. Почти 20 лет боровская земля залечивала раны, нанесенные Смутным временем.

В 1613 г. боровское посадское население приняло активное участие в избрании на царство Михаила Федоровича Романова. 5 марта 1613 г. Земский совет писал царю Михаилу Федоровичу о том, что "протопоп и весь освященный собор, и воевода Федор

Бутурлин, и дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди с Любимом Радищевым.... крест целовали и посадских и уездных всяких людей к кресту привели" (5).

В 1621 г. дозорщик Илья Васильевич Чемесов переписал посад и слободы Боровска. Он отметил, что деревянная крепость не пострадала. Из писцовой книги 1625 г. известно, что "город (крепость - В.О.) Боровеск на реке Поротве, рублен городнями; у города двои ворота - одни косые к торговищу с двумя затворы, да перед вороты зарублены тарасы, а у тарасов щит опускной, а другие ворота к реке к Паратве прямые с одним затвором; а на обеих воротех башни, да на городе 4 башни глухих, да у города ж к реке тайник, в длину города 115 саж., а поперек 50 саж."

На посаде (улицы Пятницкая, Егорьевская, Вострый конец; приходы Спасский, Успенский, Воскресенский, Рождественский, Фроловский) и на Московской дороге насчитывалось 6 церквей, 6 мест церковных, 7 дворов церковнослужителей, 10 келий, 54 двора посадских людей. Всего 61 двор. (На этой же земле насчитывалось и 60 мест дворовых, которые не были восстановлены). В слободах насчитывалось 5 церквей. В Рождественском монастыре была восстановлена церковь Рождества Христова. В Покровском монастыре вместо уничтоженной каменной церкви Покрова была поставлена деревянная церковь. В Пушкарской слободе было 10 дворов и 6 мест дворовых. В различных приходах посада имелись 24 двора служилых, духовных и светских феодалов и 15 мест дворовых. В 1618 г. появляется новая служебная слобода - Казачья. Место под

Стр.110.

нее было отведено за р.Протвой. Но часть казаков (от 1 до 5 дворов) были расселены в различных частях посада. Всего же было построено 45 дворов (атаман, есаул, десятник и 42 рядовых казака). Вторую часть города составляли слободы Пафнутьева монастыря; Мякишевская, Мельничная, Никольский погост и приписанная в 1617г. Высоковская слобода. Здесь имелось 4 двора монастырских (4 чел.), 23 двора монастырских служебников (25 чел.), 4 двора жилецких людей (6 чел.), 18 дворов бобыльских (30 чел.). Итого -49 дворов. Кроме того, на этой земле имелось 34 места под строительство дворов. Таким образом, на территории города в 1621г. находилось 11 церквей и 165 дворов, что составляло 63% от довоенного уровня. Город за десять лет залечил раны только на 10%. (Восстановление произошло, в основном, за счет создания новой Казачьей- слободы).

В 1625г. вновь проводилось описание посада города Боровска Иваном Петровичем Турским (6). В описание не попали служебная Казачья слобода и слободы Пафнутьева монастыря - Мякишевская, Мельничная, Высоковская, Никольская. Согласно этому описанию, в городе существовала деревянная крепость, в пределах которой находились две церкви - Благовещения (деревянная) и Николы (каменная), воеводский, осадный дворы, две "государевы житницы". На посаде было 8 церквей и 113 дворов. Ввиду того, что восстановление жилых домов - процесс продолжительный, можно предположить, что увеличение их количества в слободах Пафнутьева монастыря в период от 1625 к 1629-1630 гг. было незначительным.

В эти же годы проводилось описание слобод Пафнутьева монастыря Василием Колычевым (7). По его описи, в Мякишевской, Высоковской, Никольской и Мельничной слободах насчитывался 71 двор. Всего на территории Боровска в 1625-1630гг. было 14 церквей, 226 дворов. (Численность дворов в Казачьей слободе взята из дозорной 1621г. - 45 дворов).

Итак, к 1630 г. в Боровске было восстановлено 87% домов по отношению к .

Но к середине XVII в. положение изменилось. В 1646 г. Дмитрием Петровичем Волинским производилась перепись посадских людей и бобылей (8). По полученным сведениям, на

Стр.111.

посаде имелось 116 дворов (257 чел.), в том числе 80 дворов (197 чел.) посадских, 36 дворов бобылей (60 чел.). В данную перепись не включены Пушкарская, Казачья слободы и слободы Пафнутьева монастыря. По переписной книге Л.Корсакова (9), в 1649 г. в слободах Пафнутьева монастыря - Мякишевской, Мельничной. Высоковской, Никольской - числилось 150 дворов, в которых проживал 451 человек. Таким образом, в Боровске в 1646-1650 гг. насчитывалось 266 дворов с населением 798 человек.

Боровск во второй половине XVII в.

Пафнутьев монастырь не мог смириться с потерей слобод в Боровске и припиской дворов к посаду. Поэтому часть дворов он перевел из слобод в другие свои вотчины. При переписи дворов в 1677 г. Михаилом Ивановичем Еропкиным в Боровске насчитывалось 222 двора (846 человек) (10).

В 1685 г. была проведена самая тщательная перепись всей земли, дворов города Романом Иларионовичем Камыниным (11). В городе было 11 церквей (две из них находились в Рождественском женском монастыре и Высоковском монастыре) и одна часовня возле Петровой Горы, которая принадлежала драгунам. На городище располагались воеводский и осадный дворы, приказная изба, тюремный острог (внутри которого - две земляные тюрьмы). На посаде имелись таможенная и земская избы, изба для кружечного сбора, соляной амбар, школа, богадельня, винокурня. По тщательным подсчетам Р.И. Камынина, в городе было до 290 дворов, в которых проживали 1013 человек. В росписи Боровска 1680 г. при приеме-сдаче воеводой Гаврилой Богдановичем Приклонским воеводе Василию Андреевичу Сокольникову и в росписи 1695 г., составленной воеводой Евдокимом Дмитриевичем Коноплевым, дворов показано значительно меньше – 247 дв. (861 чел.) и 244 дв. (881 чел.) (12). Это можно объяснить только тем, что Р.И. Камынин включил в писцовую книгу часть дворов, владельцы которых забросили их, находились в бегах или принадлежали Пафнутьеву монастырю, который собирался их свести в другие места. Как видим, население города со второй половины XVII в. стабилизировалось.

Стр.112.

Табл.1. Социальный состав населения в последней четверти XVII в.

	1680		1695	
	дворы	человек	дворы	человек
Пушкарей	14	41	19	56
Драгун	38	86	34	102
Посадских	18	720	184	705
Разл. служебные	6	14	7	18
Итого:	24	861	244	881

Боровск. Торговля и ремесла

В средневековом городе часто торговля была неотделима от ремесла. Население Боровска занималось, в основном, производством сельскохозяйственной продукции (лук, чеснок и т.д.), рыболовством, скотоводством. Производились необходимые населению предметы обихода, одежда, инструмент. Серебряных дел мастера и иконники работали не только на Пафнутьев монастырь, но и на рынок. В основном, произведенная продукция

реализовывалась в городе, но было несколько десятков купцов, которые торговали в Пскове, Нижнем Новгороде и других городах России.

В дозорной книге 1621 г. упоминаются мастеровые и промысловые люди, жившие в Мякишевской и Высоковской слободах: 1 портной мастер, 2 кузнеца, 2 сапожника, 1 овчинник, 1 сыромятник, 1 хлебник, 1 огородник, 4 масленника, 1 рыболов, 1 мельник, 1 серебряных дел мастер. Сведений о том, чем занималось остальное население города, в дозорной книге нет.

В 1625 г. в Боровске была 61 лавка, 4 торговые скамьи, 8 мест лавочных и 8 кузниц. За все это платился оброк в казну в сумме 5 руб.15 алтын 4 деньги. Большинство торговых мест принадлежали посадскому населению (27 лавок, 3 места лавочных, 4 кузницы) и Пафнутьеву монастырю (25 лавок, 4 места лавочных, 4 кузницы).

Стр.113.

Остальные торговцы не составляли конкуренции: крестьяне боярина Ивана Никитича Романова (2 лавки, 1 место лавочное), Троице-Сергиев монастырь (2 лавки), священник церкви Воскресения (3 лавки), пушкари (1 лавка), ямщик Дорогомиловской слободы (1 лавка) и т.д. (13).

По писцовой книге Василия Колычева 1629-1630 гг. в Мякишевской слободе проживали ремесленники следующих специальностей: 2 кузнеца, 2 повара, 2 хлебника, 1 портной мастер, 3 сапожника, 3 кожевенника, 3 сыромятника, 2 рыболова, 4 плотника, 1 садовник, 1 масленник. В Мельничной слободе проживали 4 мельника, 1 портной мастер (14).

В 1649-1652 гг. происходило отписание слобод Пафнутьева монастыря (Мякишевской, Мельничной, Высоковской и Никольской) к посаду Боровска (15). По сказке 1649 г. боровского старосты Богдана Розинина, в них числилось 47 лавок и 7 кузниц. Хозяева торговали с Псковом, Новгородом, Нижним Новгородом и другими городами. Торговали сапогами - 3 чел., рухлядью - 9 чел., кожевенными изделиями - 3 чел., овчинами - 2 чел., мясом - 2 чел., солью - 3 чел., солодом - 1 чел., маслом - 1 чел., скорняжным товаром - 1 чел., калачами - 1 чел. Больше всего было торговцев рыбой (11 чел.) и медом (10 чел.). Многие торговали несколькими видами товаров. Например, Семен Крисантьев торговал рыбой, солью, медом не только в Боровске, а и в Новгороде, Нижнем Новгороде и других городах. В четырех монастырских слободах проживала большая часть торговых и ремесленных людей. В Мякишевской слободе 33 человека владели 36-ю лавками и амбарами, 16 человек торговали в наемных лавках, имели 11 лотков и амбар; 30 человек торговали, отъезжая. Из ремесленников здесь жили: 2 сапожника, 5 портных, 2 иконника, 1 колесник, 5 кузнецов (кузницы свои), 3 серебряника.

В Мельничной слободе проживали: 1 мельник (имел свою лавку), 1 пирожник (а дети торговали), 2 кузнеца; 1 ремесленник вязал неводы.

В Никольской слободе жили: 1 торговец всяким товаром, 4 сапожника (один из них торговал мясом в своей лавке).

В Высоцкой слободе жили: 5 торговцев в своих лавках, 2 торговца в наемной лавке, 1 портной, 1 сапожник, 2 серебряных дел мастера.

Стр.114.

В 1685 г. на городской площади были расположены 78 торговых лавок и 35 лавочных мест. (В Мясном ряду насчитывалось 34 лавки и 17 мест лавочных, в соляном и рыбном ряду 33 лавки и 13 мест лавочных, в москательном ряду 11 лавок и 5 мест лавочных). В основном, торговые лавки принадлежали посадским людям. Боровские торговцы (купцы) торговали не только одним-двумя товарами. Были и такие, которые объезжали деревни и скупали товар, после чего продавали его в городе. Например, Т.Я. Киркин имел две лавки, "бьет на продажу скотину, да в рыбном ряду лавка, торгует

рыбою, да он же скупает по деревням кожи и мед и всякой товар...". А. Провоторов бьет масло конопляное на продажу, "да он же скупает по деревням скотину, да бьет на продажу, да он же торгует перекупая рыбою и солью, да что припашет в огороде своем луку, да чесноку...". С.Ф. Большаков "делает крашенинное и торгует рыбою и солью и медом и воском и пенкою и скотиною и сыромятными кожами и мягким товаром и кожаные товары делает; да у него ж на оброке в соляном ряду 2 лавки, да в рухлядном ряду лавка, да в москатином ряду лавка, да на площади в хлебном ряду место амбарное... на оброке ж воскобойня...". В городе имелись "пшенишни" (их было 11), где растили солод на продажу.

В 1685 г. среди ремесленников мы встречаем портного мастера, сапожников, сыромятников. Много встречается калачников. Были мастера, которые занимались двумя-тремя видами ремесел: "плетут сито, решето, бочарное дело" или "сучит свечи, делает пряники на продажу". Встречаются 4 мастера серебряных дел. Вполне возможно, что они работали по заказу на Пафнутьев монастырь. В городе насчитывалось 3 воскобойни, 10 кузниц (8 принадлежало посадским людям, а 2 - драгунам).

В 1685 г. в Боровске насчитывалось 290 дворов (считая вдовьи и нищенские). Из них 220 домохозяев занимались следующим:

- 135 человек разводили огороды и торговали луком и чесноком;
- 46 человек были мясниками, рыбниками, калачниками и солодовниками;
- 27 человек были ремесленниками;

Стр.115.

-12 человек работали по найму.

Как видим, около 75% населения занималось огородничеством и торговлей съестными припасами.

Из вышесказанного следует (Таблица 2), что Боровск был восстановлен только к середине XVIIв., когда появилась возможность для дальнейшего воспроизводства. Население по-прежнему занималось, в основном, огородничеством и торговлей продовольствием. Местные мастера имели возможность насытить внутренний рынок своими товарами.

Табл. 2 Численность дворов и населения Боровска в XVI вв.

Год	Посад		Слободы Пафнутьева м-ря		Весь город	
	дворы	чел.	дворы	чел.	дворы	чел.
1610					261	
1621	116		49		165	
1625-1630	158		71		229*	
1646-1650	116	257	150	451	266**	708
1677					222	846
1680					247	861
1685					290	1013
1695					244	881

* Включена Казачья слобода по описанию на 1621г.

** Не включены Казачья и Пушкарская слободы. Поэтому можно предположить, что общее количество дворов в 1646-1650гг. превысило 300.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ. Т.XIV. М., 1965. С.98-99.
2. ЧОИДР. М.,1865. Кн.4. Разд.IV. С.10.
3. РИБ. Т.1. Спб.,1872. С.198; С.В.Поздняков убедительно доказывает, что Якова Змеева и Афанасия Челищева нельзя считать предателями, т.к. они не открывали ворот для войск Лжедмитрия II. - См.: Поздняков С. Обжалованию подлежит // "За коммунизм" (Боровск). №148. 1985: №2. 1986. Но ввиду недостаточного количества источников по этому вопросу как традиционная, так и новая версия имеют право на существование.
4. Дозорная книга 1621г., составленная Ильей Васильевичем Чемесовым// Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.1-6.
5. Дворцовые разряды. Т.3. (1612-1628гг.). Спб.,1850. С.1047-1050.
6. Писцовая книга 1625г., составленная Иваном Петровичем Турским// Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.6-13.
7. Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель Боровского уезда письма и меры Василия Колычева в 1629/1630гг. // РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ. К 10326, Лл. 1-905; Писцовая книга Ямской земле 1630г., составленная Василием Ивановичем Колычевым // Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.13-14.
8. Переписная книга 1646г., составленная Дмитрием Петровичем Волынским // Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.14-16; Переписная книга 1646г. // РГАДА. Ф.1209. К440. Лл.333-342.
9. Судное дело посадских людей г.Боровска с Пафнутьевым монастырем за слободы. 1649-1652гг. // РГАДА. Ф.159. Приказные дела новой разборки. Оп.1. №916. Лл.85-107,164-165; Осипов В.И. Борьба посадского населения г.Боровска с Пафнутьевым монастырем за слободы в XVIIв. // Сб.: "Социальная структура и классовая борьба в России XVI-XVIIIвв.". М.,1988. С. 115- 128; Он же. Взаимоотношения посадского населения г.Боровска с

Стр.117.

- Пафнутьевым монастырем в XVIIв. // Боровский краевед. Вып.2. Боровск,1990. С.51-66.
10. Переписная книга 1677г., составленная Михаилом Ивановичем Еропкиным // Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.18-24.
 11. Писцовая книга 1685г., писцовая книга пушкарских, воротничьих и осадных дворов 1685г., составленная Романом Иларионовичем Камыниным // Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.24-101, 101-107.
 12. Сметная роспись 1680г., составленная при приеме-передаче города воеводой Василием Андреевичем Сокольниковым от воеводы Гаврилы Богдановича Приклонского и сметная роспись 1695г., составленная воеводой Евдокимом Дмитриевичем Коноплевым // Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.108-113, 113-120.
 13. Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.,1888. С.10.
 14. РГАДА. Ф.1209. К10326. Лл.28об.-32.
 15. РГАДА. Ф.159. Оп.1. Д.916. Лл.85-90.

Стр.118.

М.А. Добычина (г.Калуга)

(Добычина Майя Александровна - главный археограф отдела использования к публикации документов Государственного архива Калужской области)

**ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
«БОРОВСКАЯ ПРИКАЗНАЯ ИЗБА»
И «БОРОВСКАЯ ВОЕВОДСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ»
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
БОРОВСКОГО КРАЯ XVIII в.**

Польская интервенция в начале XVII в., а затем крестьянская война под предводительством С. Разина и потребовали создания твердой власти на местах. По росписи городов и уездов 1625 г. видно, что в 146 городах с уездами уже были назначены воеводы.

Претендентами на место воевод были бояре, дворяне и боярские дети. Они подавали челобитную на имя царя, в которой просили назначить их на воеводство, чтобы "покормиться". Однако официально воевода за свою службу получал, помимо вотчин, поместные денежные оклады. Воевода назначался Разрядным приказом и утверждался царем и Боярской думой. Срок службы воеводы длился от одного до трех лет. В большие города назначались воеводы с товарищами. В городах поменьше был один воевода. В слободах и волостях воевода осуществлял свою власть с помощью приказчиков. Степень власти воеводы была неодинакова. Воеводы, при которых были дьяки, имели больше власти. Принимались во внимание также величина города и грамотность воеводы. Каждый воевода получал из приказа наказ, определявший круг его деятельности. В него входила охрана феодальной собственности; борьба с укрывательством беглых; набор войска; раздача денежного и хлебного жалованья; принятие мер против пожаров, заразных болезней; ведение городским и дорожным Делом; забота о нравственности. Административно-полицейский надзор воеводы простирался и на личную жизнь населения. Широки были финансовые полномочия воеводы. В писцовые книги, которые составлялись для финансовых отчетов, заносилось описание земель по количеству и качеству, доходность земель,

Стр.119.

повинности в пользу землевладельца. В городах за основу исчисления брались дворы, сведения о которых заносились в писцовые книги. После окончания польско-шведской войны для определения платежеспособности населения из центра на места посылались дозорщики, составлявшие дозорные книги. Воеводы обязаны были оказывать им всякое содействие и осуществлять финансовый контроль за лицами, собиравшими налоги и сборы.

Воевода обладал большими военно-административными функциями. Он набирал служилых людей - дворян, детей боярских, вел их списки с указанием имения, жалованья, исправности службы каждого, производил периодические смотры и отправлял их на службу. Воевода ведал и местными служилыми людьми: стрельцами, пушкарями. Он был ответственным за городские учреждения, крепостные пушки, съестные припасы.

Наказы, которые получал воевода из приказов, были неопределенны и мало конкретны: "как пригоже", "смотря по тамошнему делу", "как бог вразумит". Это усиливало власть воеводы. На протяжении XVII в. из городов, уездов и волостей в столицу поступали челобитные об их произволе.

Официально кормление было отменено еще при Иване Грозном, но фактически продолжало существовать. Правительство знало о приношениях воеводам и считало, что это в порядке вещей. Преследовались лишь явные вымогательства. Недаром воеводская

служба считалась очень выгодной. Этим была обусловлена ее краткосрочность. Воеводы назначались самое большее на три года.

Правительство осуществляло контроль за воеводами через ежегодное представление сметных и пометных списков, также изредка посылались просильные люди, на которых возлагались отдельные поручения.

В 1718-1720 гг. было произведено крупное преобразование, благодаря которому губернии были поделены на провинции, управлявшиеся воеводами. После 1727 г. возросло число воевод, так как появились воеводы пригородные, городовые и провинциальные. Вместе с губернаторами они сосредоточивали в своих руках все отрасли управления и суда.

Воевода имел приказную избу, где производились все дела по управлению городом и уездом. Приказная изба возглавлялась

Стр.120.

дьяком. Здесь хранились государевы грамоты, печать, приходные и расходные книги, росписи различных подателей и сборов, сами сборы - государева казна. В крупных городах приказные избы разделялись на столы, находящиеся в ведении подьячих. В штат приказной избы входили приставы, надельщики, рассыльщики, сторожа. Они приводили в исполнение приказания воевод. В 1723-1724 гг. вместо приказных изб были созданы городовые магистраты. В 1730 г. воевод стали назначать на два года, по истечении которых они должны были являться в Сенат с росписными и счетными книгами. С 1760 г. воевод стали менять через пять лет. "Учреждением о губерниях" 1775 г. звание воевод было упразднено.

В Госархиве Калужской области имеется фонд "Боровская приказная изба" (ф-105). В нем содержится 17 единиц хранения за период с 1716 по 1717 гг. Все дела имеют отметку "особо ценные". К сожалению, документы не отражают полной картины деятельности приказной избы, а лишь показывают одну незначительную сторону. Это всевозможные челобитные по различным вопросам: о грабежах и разбоях, избиении, кражах и оскорблениях. Дело об ограблении крестьянами дворянок Головиной и Яковлевой в 1716г. (Д.1); о разорении двора комиссара Ф.О.Синявина крестьянами князя Щербатова (Д.2). Два дела по челобитной архимандрита Боровского Пафнутьева монастыря Арсения об увозе с монастырской земли крестьянами хлеба, а также об ограблении и избиении его и послушников крестьянами. Пострадавшие были не только сильно избиты, но у них украли деньги и лошадей с упряжью (Д.3,4). Есть дела о драках между односельчанами (Д.5), об избиениях и оскорблениях (Д. 15,16), о краже денег у рассыльщика Филина (Д.7), об убийстве отца пономаря Покровской церкви Боровского уезда С.К.Григорьева (Д.12), о потраве хлебов (Д.10), дело о допросе беглого крестьянина помещика Дурново и об удержании бежавшей крепостной девушки дворянами Бурцевым и Болотниковым (Д.8,9).

Характеризуя документы фонда, необходимо отметить, что они написаны чернилами на гербовой бумаге скорописью XVIII в. Они могут послужить источниками по изучению некоторых страниц Истории Боровского края. В них отражена бытовая жизнь, нравственность, социально-экономическое положение, отношения

Стр.121.

помещиков и крестьян. Документы этого небольшого фонда могут стать иллюстрацией к более глубокому исследованию этих тем.

Точная дата учреждения Боровской воеводской канцелярии неизвестна. Самые ранние документы фонда относятся к 1716 г., самые поздние - к 1777 г. Ликвидирована канцелярия в 1775 г. В фонде содержатся 1216 дел. Документы были переданы в архив в феврале 1924 г.

Фонд "Боровская воеводская канцелярия" (в дальнейшем будем называть БВК) дает возможность изучить жизнь крестьянского населения Боровского уезда середины XVIII в. Довольно многочисленной оказалась группа документов о беглых крестьянах. Законно избавиться от крепостной зависимости можно было лишь по воле помещика. Бегство крепостных было единственным и самым распространенным способом спасения от крепостной кабалы. Дел, посвященных этому, более 300. Есть дела о вернувшихся беглых, а есть о задержанных крепостных. Причем документы касаются не только местных крестьян, но и пришедших из других мест и пойманных в Боровском уезде.

Изучение причин бегства крестьян от своих помещиков может стать темой для исследования, так как здесь возникает ряд интересных моментов. Во-первых, почему во многих случаях беглые крепостные возвращались сами? Во-вторых, есть возможность проанализировать социально-экономический уровень жизни крепостных у разных владельцев, особенности их быта. В-третьих, зачастую случалось так, что от одного помещика крепостные бежали, но попадались другому. А вот возвращать их своему соседу тот далеко не всегда собирался. Ему было выгоднее скрыть этот факт. В компетенцию воеводы входила разборка дел такого характера (Д.380,481). Здесь же надо отметить и дело по укрывательству беглых помещиками Загряжскими (Д.438).

Некоторые документы фонда могут стать иллюстрацией к вопросам по истории освободительного движения крестьян. Это дела о неподчинении дворовых людей и крестьян помещикам (Д.209,210,311,661,741) и даже об угрозах поджечь помещичий дом (Д.358).

Есть документы и о закреплении крестьян: купчие крепости, дела о занесении в подушный оклад (Д.271, 556, 600, 726, 803, 804, 847, 885, 917, 972, 1042, 1043, 1126-1129, 1131, 1132, 1194), о наказании крестьян за непослушание (Д.450,678,848).

Стр.122.

Отношения помещика и крестьянина отражают и другие документы. Например, о спорных землях (Д.31, 53, 54, 68, 93, 106, 107, 127, 128, 153, 164, 248, 319, 373, 374, 381, 442, 463, 487, 650-653, 666, 669, 722-724, 757-760, 797-799, 802, 833, 881-883, 974, 1045, 1048-1049, 1090, 1118, 1197, 1198, 2000, 2001); о порубке леса (Д.48, 49 152, 154-156, 225, 249, 288-290, 320, 345, 370-372, 440, 460, 480-482, 517, 518, 551, 624, 641, 642, 756, 800, 801, 876-878, 962-964, 1115); о самовольном посеве хлеба (Д.95, 665, 834); о потраве хлеба помещика (Д. 129, 183, 185, 378, 461, 483, 484, 552, 607, 663, 1116); о самовольном покосе сена (Д. 130, 226, 250, 292, 293, 310, 321, 375-377, 485, 486, 625-627, 664, 693, 761, 826, 879, 880, 1117); о краже и падеже скота (Д.69, 579, 889, 1122).

Большое отражение в документах фонда получили вопросы уголовного характера. Это дела о кражах денег, лошадей, вещей, стройматериалов, сена, домашней и церковной утвари, скота и т.д. Вот некоторые из дел: о краже лошадей у недоросля Ф.С.Синявина (Д.142), о краже священником церковной утвари (Д.436) и краже денежной казны на Боровском кружечном заводе (Д.453), о вымогательстве денег старостой у крестьян (Д.961).

Сюда же надо отнести дела об ограблениях и избиениях. Воеводам приходилось разбирать не только недоразумения между крестьянами, но и дела об избиении помещиком полкового обозного или князем Урусовым с крестьянами священника (Д.1178). Довольно много дел об убийствах крестьян, священников, обнаружении и обследовании мертвых тел. Также встречаются дела о членовредительстве, нанесении ранений, поджогах (Д.595, 670, 965, 1119, 1120).

При изучении вышеназванных вопросов в документах не раз встретятся фамилии помещиков, проживавших в то время в Боровском уезде или имевших там владения. Это Жемчужниковы, Загряжские, Синявины, Лопухины, Радищевы, Дуровы, Барятинские, Нарышкины, Секиотовы, Давыдовы, Перекусихины, Хитрово, Долгоруковы, Бахметьевы, Бегичевы, Голицины, Шепелевы и многие другие.

имений: есть дела в вводе во владение имением Демидова А.М. в селе Ростунове (Д.762); о записи имения в с. Маслово за Хочевой после смерти ее отца (Д.131); о разделе наследственного имения в с. Павлове (Д.655); о записи во владенную книгу имения полковника Болтина (Д.132); об описи и оценке имения умершего полковника Беклемишева за казенные долги (Д. 1047), об отсылке копии с отказных книг на имение в с. Субботино (Д.161), о выдаче купчей, утверждении купчей и снятии копии с купчей на различные имения в Боровском уезде (Д.805, 1044, 1179).

Некоторые документы позволяют коснуться истории промышленности Боровского уезда. Например, челобитная боровских купцов об освидетельствовании их общего владения - полотняной фабрики (Д.843); о выдаче заводчику и фабриканту Масалову копии с Указа о принадлежности ему земель в Лужецком стане (Д.729). В фонде имеется несколько документов по истории межевания земель в Боровском уезде.

Особого внимания заслуживает копия жалованной грамоты императрицы Анны Иоанновны Московскому Архангельскому собору с подтверждением прав на владение ранее пожалованными землями с приложением выписей из Боровских писцовых, переписных и межевых книг 1734-52 гг. (Д.138). Дело представляет собой яркий образец письменности XVIII в. Рукопись заключена в деревянную обложку, обтянутую коричневой кожей, с металлическими застёжками. Текст начинается витиеватой, тщательно выведенной буквицей.

Боровской воеводской канцелярией выдавались копии с межевых книг (Д.846) и выписи наделов с. Адамовского (Д.1206), пустоши Харино (Д.1207), с. Андровского (Д.1208), с. Рябцева (Д. 1209).

Отдельно необходимо выделить и группу документов, касающихся денежных отношений того времени. Во-первых, документы о сборах различных налогов, о платеже пошлин (Д.47, 739), о собранных оброчных деньгах (Д.776), о поступлении подушного оклада (Д.886), о поступлении сборов по Боровскому уезду (Д.904, 911, 912). Есть книги о поступлении окладных сборов по уезду за 1776 г. (Д.1210) и книга о поступлении окладных сборов по 2 руб. в год за 1777 г. (Д.1212), а также настольный реестр о

Стр.124.

приходе и расходе кабацких и канцелярских сборов Боровской ВК (Д.1211), дело о кружечном сборе (Д.692) о взыскании долгов (Д.34, 55, 70, 97, 98, 205, 330, 434, 643, 654, 822, 884, 888, 900, 903, 908, 913, 1015-1018). Во-вторых, дела о расходе денег: книга о расходе питейных и других сборов БВК (Д.1213), о выдаче денег Выродову под залог имения в селе Ильинском (Д. 1137) и прошение Московской 2-й гильдии купца В. Наумова о выдаче ему денег под вексель 1772 г. (Д.909). Имеется дело о производстве публичного торгового на казенные амбары в городе Боровске 1772 г. (Д.893), о выдаче прогонных денег (Д.907).

Обращались в БВК по разным вопросам, среди них были и такие: прошение Михайлова о причислении его в купечество (Д.1130), челобитная управляющего железоплавильным заводом графа Шувалова о разрешении на устройство торгового при заводе в воскресные дни 1754 г. (Д.497), дела о выдаче паспортов (Д.261, 506), о непродлении паспортов (Д.599), дело по челобитной священника церкви Живоначальной Троицы об отводе места под кладбище (Д.1021).

Следующая группа документов касается внутренней жизни БВК: о назначении на разные, в основном низшие, должности в канцелярию (Д.11, 916, 1135, 2002-2005, 35, 510, 705, 842, 284, 56, 985, 1055), об отпуске чинов (Д.720, 1057), о раздаче жалованья, в том числе и вдовам, и выдаче пособия, об увольнении (Д.986, 1056, 1036), об определении в

инвалидную команду (Д.915). Имеются дела, касающиеся казны канцелярии: о перевозке (Д.1051), о выборах приходно-расходчиков денежной казны в 1775 г. (Д.1134).

Необходимо отметить несколько дел, касающихся быта населения сер. XVIIIв. и свидетельствующих о дополнительных функциях воеводы. Так, в обязанности воевод входило наблюдение за винокурением делом в уезде, об этом говорят документы о заклеивании винных кубов (более 200 дел), об изъятии неклеимых (Д.100, 369, 368, 507, 678, 721, 1050), наблюдение за провозом вина (Д.228, 229, 257, 259, 260, 303, 329, 333, 981; 982), за продажей вина (Д.287, 516, 597, 901, 906, 969, 970), воевода имел право задерживать крестьян с вином (Д.441, 1039, 1041) и осуществлять охрану во время торговли вином (Д.966).

Одной из обязанностей воеводы был контроль за банями.

Стр.125.

Он давал разрешение на постройку бань (Д.808, 813, 835, 891, 694, 772, 774, 807), освидетельствование домовых бань (Д. 134, 137, 136), закрытие их (Д.135). Можно выделить дела с просьбой разрешить постройку бани в помещичьем доме князя Голицина в с. Таширове (Д.806).

Ряд дел в фонде касаются мельничного дела в уезде. Воевода разрешал постройку мельниц (Д.252, 323, 383-85, 444, 445, 495, 496, 696, 975, 890, 728, 727, 697, 698, 1133), производил их осмотр (Д.34, 308). Имеются дела об отдаче на откуп мельниц (Д.96), о нарушении договора о найме мельниц (Д.33), о беспорядке на мельницах (Д.660).

Отдельной группой стоят дела, касающиеся Боровского Пафнутьева монастыря. Это челобитные архимандрита, доношения, отчет по различным вопросам: порубка монастырского леса, потрава ржи, завладение землей монастыря (Д.443, 464, 581), об опубликовании торгов на церковную землю (Д.892), о результатах проверки церковных окладных и неокладных денежных сумм (Д.905), о продаже вина в магазине монастыря (Д.910), о сборе денег на ярмарку в Боровском монастыре (Д.671) и о собранных деньгах на ярмарке в 1775г. (Д.1142-1144).

Есть дела о выдаче жалованья монашествующим и служителям монастыря (Д.1063, 1074, 1083, 1148, 1174), несколько дел об оскорблении священников (Д.466, 467, 606, 615, 633, 648, 744, 938, 1091), одно дело о старообрядцах (Д.1114).

Таким образом, фонды "Боровская приказная изба" и "Боровская воеводская канцелярия" могут стать источниками по изучению различных вопросов истории Боровского края. Документы позволяют нам узнать о жизни различных слоев населения - дворян, купцов, крестьян, в том числе и крепостных, об их социально-экономическом положении, о сборах налогов и пошлин, о нравственности того времени, о моральном облике людей и их отношениях с церковью, о быте середины XVIII в. Это документы, прежде всего, о людях, живших в ту эпоху, с их стремлениями, понятиями, убеждениями и обычаями. Судьбы отдельных лиц вливаются в общую реку истории, а документы фондов могут стать хорошей иллюстрацией к истории не только Боровского края и Калужской земли, но и всего Отечества.

Стр.126.

О.А. Монякова (г. Ковров)

(Монякова Ольга Альбертовна - научный сотрудник Ковровского музея)

КОВРОВЧАНЕ — УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812г. НА ТЕРРИТОРИИ БОРОВСКОГО УЕЗДА

Ковров XIX столетия - уездный город Владимирской губернии, основанный указом Екатерины II в 1778 г. В начале XIX в. население города составляло всего 581 человек.

Многие ковровчане покрыли себя славой в наполеоновских войнах. В Отечественную войну 1812 г. они исполняли спой воинский долг и в войсках "второй ограды", т.е. в ополчении и в действующей армии.

Нам известны имена всех без исключения ратников ковровского полка Владимирского ополчения. Но им не пришлось "чужие изорвать мундиры о русские штыки", в этой войне они несли санитарную, охранительную и полицейскую службы, и маршрут ополчения не прошел по Калужской земле.

Документы архивов сохранили нам также имена некоторых ковровчан, сражавшихся с врагом в действующей армии, в основном, это представители дворянского сословия. Их послужные списки и другие документы позволяют назвать имена тех, кто принимал участие в боях на территории Калужской губернии, и, в частности, Боровского уезда.

Основными источниками для освещения темы послужили документы Государственного архива Владимирской области, а именно: фонды Канцелярии Владимирского губернатора и Губернского дворянского депутатского собрания, а также материалы Российского государственного военно-исторического архива.

Боровск вставал на пути наполеоновской армии дважды: во время его попытки отступить из Москвы по новой Калужской дороге и после поражения под Малоярославцем, когда Наполеон дал приказ отходить через Боровск и Можайск к Смоленску. С 10 по 14 октября 181 г. Боровский уезд был оккупирован неприятелем, и штаб Наполеона находился в Боровске и д. Городня.

Стр.127.

В составе некоторых корпусов и полков русской армии, столкнувшихся с французской армией на Боровской дороге и преследовавшей ее после Малоярославецкого сражения по этой же дороге, воевали и представители ковровской земли.

В данной работе будет представлен материал о трех представителях ковровского дворянства.

Поручик Языков Николай Дмитриевич воевал под Боровском в составе 1-го карабинерного полка корпуса атамана Платова. Службу начал юнкером 21-го егерского полка в 1808 г. в корпусе под командованием войскового атамана Платова "при наблюдении французских войск в окрестностях Смоленска". 10 августа участвовал "в сражении и удержании неприятель-авангарда при с. Михайловке, 15-го - при Станище, где и ранен пулей в левую ногу; 14-16 августа - в сражении при Бородино; с 20 августа по 28 сентября - "в делах и при удержании и отражении неприятеля"; 22 сентября - при с.Тарутино; 6 октября - "в ночной экспедиции при разбитии неприятельского авангарда и преследовании через Малоярославец; 22 октября - в Вязьме, 26-го - при Дорогобуже, 29-го - при Цурикове, 30-го • при Соловьевой переправе; 1 и 2 ноября - при Смоленске, 7-го "при Гусиной переправе и совершенном истреблении французского корпуса маршала Нея" (1).

Маньков Петр Афанасьевич. Дворянский род Маньковых записан во вторую часть Дворянской родословной книги Владимирской губернии. В эту часть записывались получившие дворянство за отличие в воинской службе. Предки Петра Афанасьевича также проявили себя на воинском поприще.

П.А.Маньков родился в 1785 г., воспитание получил домашнее. По окончании домашнего учения вступил подпрапорщиком в Ладожский пехотный полк с 10 февраля 1810 г. Там и застало его начало войны. 16-й Ладожский пехотный полк принимал участи в боевых действиях с июля 1812 г. В этих июльских боях подпрапорщик Маньков был ранен в левую сторону таза с повреждением костных суставов. Но после выздоровления он встал в строй и уже 4 августа участвовал в битве за Смоленск. Петр Афанасьевич был участником почти всех главных сражений 1812 г.: 24-26 августа - в генеральном сражении на Бородинском поле; 5 октября - в ночной

Стр.128.

экспедиции при с.Тарутино; 12 октября - в сражении за Малоярославец; 5-6 ноября - в одной из последних схваток с французами на российской территории под местечком Красным.

В декабре 1812 г. Петр Маньков произведен в прапорщики. В составе русской армии он совершил заграничный поход, приняв участие в осаде Дрездена и Магдебурга. Его последней боевой операцией было участие в сожжении моста через Эльбу 5 февраля 1815 г. (2).

Военную карьеру он закончил в 1822 г., уйдя в отставку в чине капитана. Местом жительства выбрал Ковров, так как имел в Ковровском уезде поместье и 123 души крестьян при нем. В Коврове П.А. Маньков служил в разных должностях: 8 лет (1830-1838 гг.) был Ковровским уездным судьей, затем несколько лет попеременно - становым приставом то в Вязниках (уездный город Владимирской губернии), то в Коврове. И последняя его должность, которую он занял в 1845 г., - попечитель хлебных запасов Ковровского уезда. Почти все его сыновья тоже познали военную службу и в той или иной степени проявили себя на поле брани.

Иконников Гаврила Андреевич - кавалер трех российских орденов и двух медалей (серебряной и бронзовой) за 1812 г. Сын небогатого ковровского дворянина, службу начал рядовым первого егерского полка в 1805 г. В сражениях начал принимать участие еще задолго до Отечественной войны. В феврале 1807 г. Иконников участвовал в сражении против Наполеона при Прейсиш-Эйлау. За отличие в боях портупей-юнкер Гаврила Иконников получил Георгиевский крест. К началу войны Иконников был уже штабс-капитаном. Война для него началась под Витебском. Оттуда вместе с армией отступал до Смоленска, где 5 августа получил контузию в левую руку. 26 августа участвовал в Бородинской битве, награжден орденом св. Владимира IV степени с бантом. Формуляр дает сведения об участии Иконникова Г.А. в боях на территории Калужской губернии: с 5 по 20 октября он участвовал в атаках на французов "при сбитии одного с лагеря и в добывании провианта" (3). 20 октября он заболел и был отправлен для лечения в Калужский госпиталь, где пробыл до середины 1813 г., а затем принял участие в заграничном походе русской армии. От службы уволен с мундиром и пенсионом в феврале 1817 г. в чине капитана.

Стр.129.

Об Отечественной войне 1812 г. написано много исследований и воспоминаний, детально изучены и события на территории Калужской губернии. Но все они рисуют канву событий и называют, в основном, воинские части и имена их военачальников. За пределами их страниц остаются рядовые участники войны, каковыми явились и упомянутые здесь представители ковровского дворянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фролов Н.В. Предводители дворянства и председатели земской управы Ковровского уезда. Владимир, 1994; Он же. Владимирский родословец. Выпуск I. Ковров, 1996; Потомству в пример. Из истории боевой славы Ковровского края. Ковров, 1995; ЦРВИА. Ф.474. Д.1860. Отечественная война 1812 г.; Государственный архив Владимирской области /ГАВО/. Ф.243. Оп.3. Д.80.
2. ГАВО. Д.459.
3. Там же. Д.839.

Стр.130.

Н.В. Зиновкина (г. Калуга)

(Зиновкина Наталья Владимировна - научный сотрудник Государственного архива Калужской области)

**БОРОВСКОЕ УЕЗДНОЕ УЧИЛИЩЕ В 1812—1816 гг.
(по фондам Государственного архива Калужской области)**

Изучение истории учебных заведений уездных городов дореволюционной России не есть чисто краеведческая задача. Школу формируют потребности времени, поэтому наблюдения за отношением к школе могут дать достаточно интересный материал для характеристики того или иного исторического этапа.

Вообще говоря, историю любого учебного заведения можно изучать двумя путями. Первый - это установление фактов в хронологической последовательности с момента открытия до современного состояния, либо упразднения. В этом случае в центре внимания оказывается учебное заведение как таковое: его размещение, содержание, учащие и учащиеся и пр. Второй путь - это рассмотрение состояния учебного заведения в конкретную историческую эпоху; тогда история отдельной школы становится частью общей истории, что позволяет увидеть эпоху более целостно.

Выбор для сообщения о Боровском уездном училище периода с 1812 по 1816 гг. объясняется прежде всего тем, что это достаточно сложный этап в истории училища. Непосредственное участие Боровска в событиях мирового масштаба не принесло пользы Училищу: в связи с приближением военных действий оно было закрыто и открыто вновь только в 1816г. К тому же изложить полную историю Боровского уездного училища в рамках небольшого сообщения не представляется возможным.

Для характеристики положения Боровского уездного Училища в 1812-1816 гг. были использованы документы фондов Канцелярии калужского губернатора (ф.32.), Дирекции народных Училищ Калужской губернии (ф.165.), Коллекции рукописей (ф.64.) Государственного архива Калужской области (далее ГАКО). С сожалением приходится констатировать, что фондов Боровской городской думы, Боровского уездного казначейства в ГАКО на

Стр.131.

хранении не имеется. Фонды Боровского городнического правления и Калужского губернского казначейства не содержат документов за интересующий нас период.

Боровское уездное училище было преобразовано из малого народного училища в 1808 г. Малое же народное открылось в городе в 1786 г. (1). Таким образом, к 1812 г. училище имело двадцатилетнюю историю. Следует также отметить, что в 1811-1812 гг в городе открылось два приходских училища, то есть уездное училище не было единственным источником просвещения в Боровске (2).

Штат уездного училища состоял из штатного смотрителя и двух учителей. Штатным смотрителем Боровского уездного училища с 22 мая 1811 г. (все даты указаны по старому стилю) состоял Исаак Кириллович Нордман. В 1812 г. ему было 57 лет, в штатской службе он состоял двадцать второй год, имел чин коллежского секретаря (3). Учителями состояли Лев Смирнов в 1 классе и Николай Прохоров во 2; катехизатором - протоиерей соборной церкви Завитаев (4).

30 марта 1812 г. в Боровское уездное училище был назначен почетным смотрителем помещик Боровского уезда Иосиф Николаевич Енько-Даровский (5). Эта личность стоит того, чтобы рассказать о ней более подробно. К 1812 г. ему было 35 лет, происходил он из дворян Черниговской губернии. В службу вступил 1 сентября 1792 г. в штат генерал-

фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского генеральным писарем. И июня 1795 г. произведен прапорщиком в корпус Малороссийских пеших стрелков. 26 апреля 1797 г. переименован в гусарский Линденера (с 1801 г. - Ахтырский) полк корнетом; 17 октября 1798 г. вышел в отставку "за болезнью", при отставке награжден поручиком. С 1 июня по 15 сентября 1801 г. находился в должности смотрителя дворцов к торжественному коронованию, за что был награжден серебряной медалью. На одно трехлетие (с 1 января 1803 г.) был выбран Боровским дворянством исправником. При учреждении милиции продолжал службу (с 1 января 1807 г. по 2 мая 1808 г.) сотенным начальником, потом адъютантом и управляющим письменными делами при уездном начальнике, за что награжден золотой медалью (6). С этим человеком связан двадцатилетний период жизни училища (он был

Стр.132.

уволен от должности 14 марта 1833 г.), поэтому он имеет право на пристальное внимание.

Обратимся непосредственно к событиям 1812 г. До сентября 1812 г. училище жило своими проблемами. К 1 сентября в Уездном казначействе состояло училищной суммы 667 руб. 28 коп. и две облигации Калужского приказа общественного призрения на 2 990 руб. Учеников в училище 17. Смотритель Нордман, узнав о существовании в Боровске "потаенных училищ", требовал от городничего уничтожить оные. Но городничий ответил смотрителю отказом, ссылаясь на невозможность сделать это по закону. Учитель Смирнов наказывал учеников розгами, "также биением по голову их рукою или книгою", не слушал увещаний смотрителя и "ухищряет узлобить всякого против" Нордмана, даже и учеников, почему и считал смотритель долгом поставить директора училищ губернии о том в известность.

Кроме прочего, в уездном училище остро стояла проблема найма сторожа: сторож должен был прислуживать учителям (колоть дрова, носить воду и пр.), а за 7 руб. жалования такую работу никто делать не желал, требуя жалование удвоить. Нордман вынужден был просить удвоения жалования сторожу (9).

В связи с приближением неприятеля занятия в училище были прекращены.

С октября 1812 г., почти сразу же по оставлении города французскими войсками, учителя уездного училища потребовали от смотрителя выплаты жалования. Прошение учителей директору училищ губернии понудить смотрителя удовлетворить их жалованием датировано 24 октября 1812 г. и получено директором училищ 10 ноября (10). Именно с этого времени и начинается история о растрате смотрителем Боровского уездного училища Исааком Нордманом казенных денег. Учителя требовали уплаты жалования. Смотритель удовлетворить их не мог по нескольким причинам. "10, 11 и 12 числ французами как казенные, так и мои собственные деньги и имения разграблено, в том же числе и учебные пособия и дела 13 числа с училищем сожжено». (11)

Здесь следует отметить, что уездное училище не было эвакуировано из Боровска и казенные деньги оказались на руках у смотрителя. Нордман утверждал, что ему не были предоставлены

Стр.133.

лошади для отправления с училищем в безопасное место (12). Городничий же настаивал на том, что "...когда для вывоза всех дел присутственные места получали подводы, тогда даны оные были и Нордману, и вследствие того хотя все учителя выехали, но г. Нордман неизвестно для чего остался до самого вторжения в город неприятеля" (13). Кроме того, Нордман не сообщил городничему о нахождении у него казенных денег и облигаций, хотя сделать это был обязан. Вывод городничим был сделан однозначный: в утрате казенных денег виноват смотритель, а не нашествие неприятеля.

Следует отметить, что Нордман отказывался выдать учителям жалование не только потому, что у него просто не было денег. В рапортах директору училищ губернии он писал: "...учители самовольно 30 августа утекли ...но как вы сами вмешаны в побег учителя по их сделанным мне признаниям и поелику укрывали их здесь в Калуге безо всякого вида при себе 31 августа и 1, 2 и 3 сентября и давая им сверх того для прожития в гимназии квартиру, где и поныне находятся ... я смелость не имею ... оное жалование им выдавать яко незаконно" (14). Таким образом, по мнению смотрителя, учителя просто не имели права получать жалование, ибо они не отработали его.

Тем не менее обвинения, выдвигаемые смотрителем Нордманом в адрес учителей и даже директора училищ, ему не помогли. Он долго состоял под судом. К сожалению, выяснить, чем закончилось дело о растрате, по фондам ГАКО не удалось. В документах Калужской палаты уголовного суда за 1812-1820-е гг. никаких упоминаний о деле Нордмана не обнаружено. Известно, что 8 февраля 1816 г. Нордман был уволен от должности смотрителя и на его место 25 февраля назначен Иван Добров (15).

Училище же все это время не функционировало. Закрытое в 1812 г. в связи с приближением к городу неприятеля, оно было вновь открыто только 29 июня 1816 г. (16). Вся тяжесть работы по открытию уездного училища легла на плечи почетного смотрителя училища И.Н.Енько-Даровского. Активный и деятельный почетный смотритель не мог допустить, чтобы город остался без светского учебного заведения. Вообще говоря, в 1812-1816 гг. в Боровске сложилось странное положение: были почетный и

Стр.134.

штатный смотрители уездного училища, а самого училища не было. Штатный смотритель при этом находился под судом за утрату казенных денег. Кроме того, в Боровске в это время вообще не было ни светских, ни духовных учебных заведений. Приходские училища, закрытые в 1812 г., деятельность свою так и не возобновили. И это при том, что в Боровске и Боровском уезде в целом было много старообрядцев, которые отнюдь не были заинтересованы в существовании в городе уездного училища. Сами же старообрядцы, что вызывало особенное беспокойство И.Н.Енько-Даровского, имели во многих местах свои школы (17).

По сохранившейся переписке между Енько-Даровским, директором училищ Калужской губернии, губернатором и Боровской городской думой видно, что почетный смотритель усиленно занялся вопросом восстановления училища в 1814 г. 12 марта 1814 г. он пишет директору училищ губернии о желательности склонить городское общество Боровска и Думу к открытию хотя бы первого класса уездного училища, со своей стороны обещая по мере разоренного войной состояния помочь в найме и содержании дома для училища (18). Городская дума не выразила энтузиазма, Енько-Даровский снова и снова (25 июня и 18 октября) просил директора воздействовать на Думу в вопросах открытия хотя бы одного класса училища и найме для него дома (19).

Следует отметить, что и директор училищ, и губернатор неоднократно предлагали Думе озаботиться восстановлением училища. Наконец, 29 января 1815 г. Боровское купеческое и мещанское общество обсудило этот вопрос на общем собрании и единогласно решило, что училище восстановить необходимо. "Но по разорению здешнего города и по неимуществу жителей возобновить оное своим коштом никак не в силах". Горожане решили открыть пока только приходское училище (20).

По счастью, почетный смотритель обладал характером твердым и волей непреклонной. Его не удовлетворило это половинчатое решение. Организация в городе учебного заведения предполагали возможность получения образования того уровня, на который рассчитано учебное заведение. Приходское училище, как оно виделось купеческому и мещанскому обществу, явилось бы учебным заведением самого низкого уровня. Прежде всего,

Стр.135.

священник, которого предполагали определить учителем, не обладал достаточным образованием, чтобы учить детей; не было у него и специальных педагогических знаний. Затем, никакое регулярное учение под руководством именно этого священника невозможно было бы наладить потому, что его приход увеличился за счет разоренных войной сел, и ему слишком часто приходилось отлучаться из города для исполнения своих прямых обязанностей (21). Уездное же училище, правильно заведенное, способно было дать хорошее начальное образование.

Поэтому хлопоты по устройству уездного училища продолжались, и 16 октября 1815 г. почетный смотритель доносит директору училищ, что квартира для училища приискана на Успенской улице за 350 руб. в год (22). Теперь оставалось только добиться у Городской думы денег на содержание училища. Дума же 13 ноября 1815 г. сообщила директору народных училищ, что будет в состоянии содержать уездное училище только в том случае, если разоренному войной городу последует пособие (23).

Как развивались события в декабре 1815-июне 1816 гг., по фондам ГАКО проследить не удалось: документы не сохранились. Точно известно, что училище было восстановлено в составе первого класса, открытие состоялось 29 июня 1816 г. Учеников в училище поступило 32 (24). При открытии училища разными лицами было пожертвовано 460 руб., в том числе почетным смотрителем 50 руб. и городничим 35 руб. При этом почетный смотритель и городничий обязались жертвовать столько же ежегодно до тех пор, пока будут занимать свои должности. Дума назначила отпускать на нужды училища по 100 руб. ежегодно (25). Учителем был назначен Петр Краснопевцев, выпускник губернской гимназии (26).

Можно сказать, что борьба за просвещение боровского юношества закончилась победой сил разума и прогресса. Единственное, что настораживает при анализе документов ГАКО, относящихся к истории восстановления училища, это количество добрых сил. В фондах Канцелярии губернатора и Дирекции народных училищ Калужской губернии сохранились документы, рисующие необходимость существования в Боровске уездного училища, за подписью только одного лица - почетного смотрителя И.Н.Енько-Даровского. Безусловно, губернатор и директор

Стр.136.

народных училищ тоже принимали участие в деле восстановления училища, но им это было положено по должности. И.Н.Енько-Даровский, по большому счету, не был обязан проявлять инициативу: жалования он не получал, особенного почета - тоже. Таким образом, вывод напрашивается неутешительный: если бы почетный смотритель Боровского уездного училища не понимал, как важно существование в уездном городе учебного заведения, дающего систематические знания, позволяющие продолжать образование в школе более высокой ступени, история с возобновлением в городе Боровске уездного училища могла бы тянуться гораздо дольше. По счастью, понимание важности дела сочеталось у И.Н.Енько-Даровского с энтузиазмом в исполнении его. Пожалуй, во все времена дело народного образования держится, прежде всего, на энтузиастах.

Конечно, только по документам ГАКО трудно представить себе всю картину борьбы за Боровское училище. Привлечение документов центральных архивов может конкретизировать картину, придать ей законченность. Резервы для изучения положения Боровского уездного училища в период Отечественной войны 1812 г. и сразу после нее имеются. Тема эта представляется интересной с краеведческой точки зрения, ибо история Боровского училища в указанное время связана с интересными личностями, заслуживающими пристального внимания краеведа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Благовещенский В., Пухов В. Боровск. Тула, 1973. С.54.
Там же.
ГАКО. Ф.64. Оп.1. Д.14. Л.30; Ф.165. Д.300. Л.30об.-31.
ГАКО. Ф.64. Оп.1. Д.14. Л.32, 33.
ГАКО. Ф.165. Оп.1. Д.336. Л.2-3.
Там же. Д.343. Л.4об.-5.
ГАКО. Ф.64. Оп.1. Д.14. Л.69об.
ГАКО. Ф.165. Оп.1. Д.300, Л.40об.-41.
Там же. Л.38.
Там же. Д.332. Л.1-1об.
Там же. Л.4.

Стр.137.

ГАКО. Ф.32, Оп.19. Д.946. Л.1.
Там же. Л.2.
ГАКО. Ф.165. Оп.1. Д.332. Л.4.
ГАКО. Ф.64. Оп.1. Д.14. Л.40.
Там же.
ГАКО. Ф.165. Оп.1, Д.487. Л.5-5об.
Там же. Д.404. Л.2.
Там же. Л.3, 4.
ГАКО. Ф.165. Оп.1. Д.487. Л.6-7.
Там же. Л.5-5об.
Там же. Л.4.
ГАКО. Ф.165. Оп.1. Д.471. Л.1-1об.
Там же. Д.505. Л.3.
ГАКО. Ф.64. Оп.1. Д. 14. Л.40-40об.
ГАКО. Ф.165. Оп.1. Д.507 Л.6об.

Стр.138.

В.А. Иванов (г. Калуга)

(Иванов Виталий Анатольевич - кандидат исторических наук, кафедра отечественной истории Калужского государственного педагогического университета им.К.Э.Циолковского)

БОРОВСКАЯ И МАЛОЯРОСЛАВЕЦКАЯ УЕЗДНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Данная статья является непосредственным продолжением исследований автора по истории провинциального чиновничества в России XIX в. (1). В ней анализируется личный состав (социальное происхождение, образовательный уровень, имущественное положение и возрастной ценз) присутственных мест двух уездов Калужской губернии - Боровского и Малоярославецкого.

В основу статьи легли хранящиеся в Госархиве Калужской области (ГАКО) послужные или формулярные списки служащих боровских и малоярославецких уездных учреждений и должностных лиц (суды, городовые магистраты, думы, городнические

правления, казначейства, врачи, землемеры, стряпчие, винные и соляные приставы и др.) за 1847, 1849 гг. (2).

Произведя необходимую обработку содержащихся в послужных списках массовых данных, мы составили Таблицы 1-5, дающие наглядное представление о составе уездной бюрократии дореформенного времени.

Рассмотрим социальное происхождение служащих. Данные Табл.1 показывают, что в присутственных местах Боровского и Малоярославецкого уездов потомственные дворяне по происхождению составляли чуть более 1/5 общего числа служащих, соответственно, 21% и 22,1%. Дворяне были также в меньшинстве и среди верхушки уездной бюрократии (чиновники VI-VIII классов), в руках которой находилась реальная полнота власти в уезде. В боровской администрации их удельный вес не превышал 33,3%, в малоярославецкой - 40%. Среди чиновников, занимавших низшие ступени иерархической лестницы (XI-XIV классы), и лиц, вовсе не имевших классных чинов, представители дворянского сословия были в абсолютном меньшинстве. В Боровске их было почти в 9 раз меньше, чем недворян, в Малоярославце - в 5 раз.

Таблица 1

Классы чинов	Всего учтено служащих	В том числе						
		дети дворян	духовенства	обер-офицеров	приказных людей	купцов и мещан	крестьян	прочие
Боровские учреждения								
VI-VIII	3	1	-	1	1	-	-	-
IX-XI*	10	7	1	1	-	-	-	1
XII-XIV	22	2	9	5	6	-	-	-
без чина	27	3	5	5	2	9	1	1
итого	62	13	15	12	9	9	1	2
%	100	21,0	24,2	19,4	14,5	14,5	1,6	3,2
Малоярославские учреждения								
VI – VIII	5	2	-	2	-	1	-	-
IX-XIX	10	5	1	2	1	1	-	-
XII-XIV	22	7	3	5	4	1	-	1
без чина	32	2	2	10	4	10	2	2
Итого	69	16	6	20	8	13	2	3
%	100	22,1	8,8	28,9	11,6	19,1	3,0	4,4

* Чин XI класса (карабельный секретарь) в первой половине XIX в. гражданском ведомстве почти никому не жаловался.

Из таблицы видно, что среди недворян (разночинцев) 8 боровской уездной администрации преобладали дети церковнослужителей, порвавших со своим сословием (24,2%), затем следовали дети обер-офицеров (19,4%), приказных людей (14,5%), купцов и мещан (14,5%). Последние, главным образом, замещали выборные должности в городовой магистрате и городской думе. В малоярославецких присутствиях свыше 1/4, или 27,9% всех служащих недворянского происхождения составляли выходцы из обер-офицерской среды. Второе место занимали дети мещан и купцов (19,1%), третье - приказных людей (13,2%). На долю детей церковнослужителей здесь приходилось всего 8,8%, то есть почти в 3 раза меньше, чем в соседнем уезде.

Данные таблицы указывают на ничтожное число выходцев из крестьянского сословия в уездном аппарате управления (служили по выборам в земских судах и магистратах), равно как и представителей других сословных групп, включенных в графу "прочие" (дети личного дворянина, лекарского и аптекарского учеников; служащие, в формулярных списках которых записано: "из воспитанников").

Из всего сказанного напрашивается вывод о том, что уездная бюрократия центра России в середине XIX в. пополнялась не столько за счет представителей высшего сословия, сколько за счет выходцев из обер-офицерской и духовной среды, удельный вес которых составлял от 36,7% (Малоярославец) до 43,6% (Боровск). Процент потомственных государственных служащих (детей приказных людей) был невелик (3).

Приведем данные об образовании служащих (Табл.2), но вначале отметим, что в части формулярных списков (40,6% по Малоярославецкому уезду и 19,4% по Боровскому) сведения об образовании отсутствуют.

Приведенные в Табл. 2 цифры свидетельствуют о том, что большинство чиновников и канцелярских служащих имели лишь начальное образование (закончили приходские и уездные училища). В боровской администрации их насчитывалось 18 человек (29%), в малоярославецкой - 13 человек (18,9%). Если принять к сведению тот факт, что 6 служащих (8,7%) в присутствиях Малоярославецкого уезда по разным причинам не получили начального образования,

Стр.141.

Таблица 2

Классы чинов	ОБРАЗОВАНИЕ							
	Всего учтено служащих	высшее	среднее	неполное среднее	начальное	незакон- ченное начальное	домаш- нее	нет сведений
Боровские учреждения								
VI- VIII	3	-	-	-	1	1	-	2
IX-XI	10	-	2	1	1	-	2	4
XII-XIV	22	-	1	5	11	-	2	3
без чина	27	2	1	5	5	-	11	3
итого	62	2	4	11	18	-	15	12
%	100	3,2	6,5	17,7	29,0	-	24,2	19,4
Малоярославецкие учреждения								
VI-VIII	5	2	-	1	-	-	-	2
IX-XI	10	-	1	1	1	-	5	2
XI-XIV	22	1*	2	1	4	1	2	11
без чина	32	1	-	3	8	5	2	13
итого	69	4	3	6	13	6	9	28
%	100	5,8	4,3	8,7	18,9	8,7	13,0	40,6

* В графу включен один человек, имевший незаконченное высшее образование.

Стр.142.

то окажется, что число лиц, которые обучались в начальной школе в каждом из уездов, было примерно равным.

Служащие, обучавшиеся в средних учебных заведениях (губернские гимназии, духовные семинарии, пансионы), в аппарате управления Боровского уезда составляли 15 человек (24,2%), ровно столько же было среди них лиц, получивших домашнее образование. В малоярославецкой уездной администрации тех и других насчитывалось почти в 2 раза меньше - по 9 (13%).

При анализе Табл. 2 бросается в глаза чрезвычайно низкий процент лиц с высшим образованием: в Боровске - 3,2, в Малоярославце - 5,8 (4). Этот вид образования получили не имевшие классных чинов боровские врачи Э.Р.Рубинштейн и В.О.Бокшанский и их малоярославецкие коллеги коллежский асессор М.П.Просвирнин и титулярный советник А.И.Лебедев {первые трое окончили медицинский факультет Московского университета, последний - Московскую медико-хирургическую академию). В малоярославецкой уездной администрации высшее образование получил местный городничий, отставной майор барон С.Ф. Эр (5) (окончил Дерптский университет); уездный землемер, коллежский регистратор Е.Е.Тремпау имел незаконченное высшее образование (не окончил курса обучения в Нежинском лицее кн. А.А.Безбородко).

Имущественное положение служащих отражают данные Таблиц 3-4. Цифры Табл.3 говорят о том, что среди членов боровских присутствий 2/3, или 61,5% служащих дворян являлись помещиками, в малоярославецкой уездной администрации - ровно половина. Примечательно, что среди помещиков преобладали владельцы крупных имений (от 100 до 500 душ крестьян). В Боровском уезде их было 30,7% от всего числа служащих дворян, в Малоярославце - 25%. Наиболее крупными земельными собственниками были: исправник боровского земского суда, губернский секретарь Д.М.Челищев, уездный врач того же уезда В.О.Бокшанский, письмоводитель малоярославецкого уездного стряпчего, губернский секретарь И.А.Мальгин. Д.М.Челищев с родителями и женой владел 280 душами крепостных крестьян в Ярославской, Тульской и Калужской (Боровский и Мало-ярославецких уезды) губерниях. Отцу В.О.Бокшанского принад-

Стр.143.

Таблица 3

Классы чинов	Всего учтено дворян	Из них Размер имений (в крепостных душах)				
		Беспо-местных	Владельцы в имений	1-20	21-100	101-500

Боровские учреждения

VI - VIII	1	-	1	-	1	-
IX-XI	7	4	3	-	1	2
XII-XIV	2	1	1	-	-	1
без чина	3	-	3	1	1	1
Итого	13	5	8	1	3	4
%	100	38,5	61,5	7,7	23,1	30,7

Малоярославецкие учреждения

VI - VIII	2	1	1	-	1	-
-----------	---	---	---	---	---	---

IX-XI	5	2	3	1	1	1
XII-XIV	7	3	4	1	-	3
без чина	2	2	-	-	-	-
Итого	16	8	8	2	2	4
%	100	50,0	50,0	12,5	12,5	25,0

Стр.144.

лежало 200 душ крестьян в Виленской губернии. За родителями А.И.Мальгина числилось 230 душ крестьян в Мещовском уезде Калужской губернии. Самым крупным помещиком был посредник полюбовного специального размежевания земель Малоярославецкого уезда 52-летний отставной подпоручик Л.П.Рахманов, начавший свою служебную карьеру в свите е.и.в. по квартирмейстерской части колонновожатым. За ним и его женой состояло 429 душ крестьян в Калужской (Малоярославецкий уезд) и Рязанской губерниях.

Завершая анализ Табл.3, заметим, что в уездных присутствиях совершенно не было помещиков, обладавших имениями свыше 500 душ (крупнейшие земельные магнаты) (6).

Имущественное положение служащих недворян характеризуют данные Табл.4. При самом общем взгляде на данные Табл.4 привлекает внимание тот факт, что значительная часть выходцев из непривилегированных и полупривилегированных сословий не имели никакой собственности. Разными видами собственности в присутственных местах Малоярославецкого уезда владели 28 человек, или 52,8% от общего числа недворян, Боровского - 23 человека, или 46,9%. Большинство служащих являлись владельцами расположенных в уездных городах домов. В Малоярославецкой администрации они составляли 3/4 всех владельцев, в боровской - более половины. Помимо домов, семь человек (30,5%) в боровских учреждениях и трое (10,7) в малоярославецких имели неустановленного размера земельные участки. Всего по два чиновника в каждом из уездных присутствий наряду с разными видами недвижимости (домами, землей) имели крепостных крестьян. Среди них - отставной поручик, пристав боровского земского суда Ф.Л.Безбородов (сын обер-офицера), коллежский асессор, секретарь городского магистрата того же уезда А.И.Протопопов (выходец из приказно-служительской среды), судья уездного суда Малоярославецкого уезда отставной подполковник Д.И.Колосов (из обер-офицеров) и врач Просвирин (из купеческого звания). Отметим, что лишь двое из названных чинов (Безбородов и Просвирин) владели крепостными крестьянами (первый имел 12 душ, второй-7), у остальных формальными владельцами крестьян были их жены, приобретшие

Стр.145.

имения в собственность. За женой Протопопова состояло 12 душ крестьян в Боровском уезде. Жене Колосова принадлежало 270 душ крестьян и 1949 дес. земли в Малоярославецком уезде.

В заключении анализа Табл.4 следует отметить, что больше всего владельцев недвижимости было не среди классных чиновников и канцеляристов, а среди не имевших чиновничьих рангов выборных должностных лиц, выходцев из городских сословий - купеческого и мещанского. Так, в присутствиях боровского уезда из 12 человек, владевших собственностью, лишь двое занимали канцелярские должности в земском и уездном судах (писца 2-го разряда и копииста), остальные служили по выборам: в земском суде (один сельский заседатель от крестьян), городском магистрате (5 человек - ратманы и бурмистры) и городской думе (4 человека - гласные и городничий). Сказанное свидетельствует о том, что представители городских сословий, служившие по выборам,

были несколько лучше обеспечены недвижимостью, чем собственно чиновники и канцеляристы.

Итак, анализ имущественного положения служащих уездных присутствий говорит о том, что абсолютное их большинство не имели никакой земельной собственности. Из этого следует, что основным источником существования уездной бюрократии было получаемое от государства денежное вознаграждение за службу. Казенное жалование наряду с другими факторами усиливало зависимость бюрократии от самодержавного государства (7).

Данные о возрастном цензе служащих приведены в Табл. 5. Цифры Табл. 5 показывают, что в Малоярославецком уезде служащие моложе 36 лет составляли почти 2/3 (60,8%) всех чиновников и канцеляристов, в боровском - около половины (49,1%). Среди служащих заметно преобладали лица молодого возраста (26-30 лет). В боровских присутствиях их было 14 человек (22,6%), в малоярославецких - 15 (21,7%). Лица старших возрастных групп (свыше 50 лет) составляли, соответственно, 12,8% и 15,9%. На относительную молодость провинциальной бюрократии указывают и данные о среднем возрасте членов уездных присутствий. В Малоярославецком уезде он составлял 33,6 года (от 19 до 62 лет), в Боровском - 36,8 (19-70).

Таким образом, приведенные объективные данные о составе

Стр.146.

Таблица 4

Классы чинов	Владели собственностью	В том числе					
		домами	ненаселенной землей	домами, землей	домами, крестьянами	домами, землей, крестьянами	Крестьянами, землей

Боровские учреждения

VI-VIII	1	-	-	-	-	1	-
IX-XI	1	1	-	-	-	-	-
XII-XIV	9	6	-	2	1	-	-
без чина	12	7	-	5	-	-	-
итого	23	14	-	7	1	1	-
%	100	60,9	-	30,5	4,3	4,3	-

Малоярославецкие учреждения

VI-VIII	1	-	-	-	-	-	1
IX-XI	2	2	-	-	-	-	-
XII-XIV	2	2	-	-	-	-	-
без чина	23	17	2	3	1	-	-
итого	28	21	12	3	1	-	1
%	100	75,0	7,1	10,7	3,6	-	3,6

Стр.147.

Таблица 5

Классы чинов	Всего учте- но служа- щих	ВОЗРАСТ												
		до 21 года	21- 25 лет	26- 30 лет	31- 35 лет	36- 40 лет	41- 45 лет	46- 50 лет	51- 55 лет	56- 60 лет	61- 65 лет	Стар- ше 66 лет	Не ука- -ан	Сред- ний воз- раст
Боровские учреждения														
VI-VIII	3	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	1	-	51,3
IX-XI	10	-	-	1	2	-	2	2	-	1	1	1	-	42,2
XII-XIV	22	-	2	7	2	5	-	3	1	1	-	1	-	37,1
без чина	27	5	4	6	2	1	5	3	-	-	-	-	I	31,2
Итого	62	5	6	14	6	6	8	9	1	2	1	3	1	36,8
%	100	8,1	9,7	22,6	9,7	9,7	12,9	14,5	1,6	3,2	1,6	4,8	1,6	
Малоярославские учреждения														
VI-VIII	5	-	-	-	-	1	-	2	1	-	1	-	-	42
IX-XI	10	-	-	-	-	3	2	2	1	2	-	-	-	46,7
XII-XIV	22	-	8	10	1	1	-	-	1	1	-	-	-	27,9
без чина	32	11	4	5	3	2	1	2	3	1	-	-	-	29,8
Итого	69	11	12	15	4	7	3	6	6	4	1	-	-	33,6
%	100	15,9	17,4	21,7	5,8	10,2	4,4	8,7	8,7	5,8	1,4	-	-	

Стр.148.

правлящей бюрократии двух уездных присутствий Калужской губернии конца 40-х гг. XIX в., прежде всего, говорят о ее неоднородности в социальном и имущественном отношениях. Обращает на себя внимание низкий образовательный уровень и молодость служивших в провинции чиновников и канцеляристов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Иванов В.А. Губернское чиновничество 50-60 гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки (по материалам Московской и Калужской губерний). Калуга, 1994; Первая попытка изучения состава уездного чиновничества Калужской губернии предпринята нами в статье "Жиздринская уездная администрация в дореформенное время (К вопросу о составе местной бюрократии в России)". Статья подготовлена для кировского историко-археологического сборника, содержащего материалы Третьих Песоченских научных чтений, проведенных в марте 1996 г. в г. Кирове Калужской обл.

2. ГАКО. Ф. 62 (Губернское правление). Оп.1. Д.3453, 3454, 3608.

3. Для сравнения отметим, что в калужских губернских учреждениях в начале 1850-х гг. среди чиновников IV-XIV классов дети потомственных дворян по происхождению составляли 28,8%, церковнослужителей - 34%, обер-офицеров - 27,4%, приказных людей - 5,9%, купцов - 1,3% - См.: Иванов В.А. Указ. соч. С.40. Табл. 5; В Костромской администрации, по подсчетам американского историка У.Пинтнера, чиновники дворянского происхождения составляли от 1/4 до 1/3 всего числа служащих, дети

священнослужителей - около 1/3, обер-офицеров - около 1/4 (Пинтнер У. The Nineteenth Century Provincial Civil Service. The Case of Kostroma // Сословия и государственная власть в России. XV-середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. II. С. 301).

4. В губернских присутствиях чиновники с законченным и незаконченным высшим образованием составляли 9,8%, средним - 64,1%, начальным - 12,4%, домашнее образование имели 13,7% - См.: Иванов В.А. Указ. соч. С. 62. Табл. 9; В присутственных местах

Стр. 149

Костромы чиновники, получившие начальное и домашнее образование, занимали от 1/4 до 1/2 всех должностей. - См.: Пинтнер У. Указ. статья. С. 303.

5. В документе фамилия написана неразборчиво.

6. В органах управления Калужской губернии нами учтено 7 чиновников и канцеляристов, владевших имениями свыше 500 душ. - См.: Иванов В.А. Указ. соч. С. 51. Табл. 6.

7. Вопрос о видах и размерах казенного жалования государственным служащим требует рассмотрения. В данной статье мы его не затрагиваем.

Стр. 150.

В.В. Боченков (г. Калуга)

(Боченков Виктор Вячеславович - корреспондент Калужской областной газеты «Весть»)

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ МОЛЕННЫХ д. ГРАНИЩЕВО БОРОВСКОГО УЕЗДА

Одним из центров старообрядчества Калужской губернии является город Боровск. Обусловлено это, во-первых., крепкими местными традициями древнего православия: с Боровском связаны жизнь и страдания мучеников и исповедников священника Полиекта, протопопа Аввакума, сестер Соковниных. Старообрядцами были многие боровские купцы, а деньги - серьезная сила. Благодаря финансовой поддержке купечества возникали в Боровске старообрядческие моленные и храмы.

Вот как характеризовал боровское старообрядчество в 1896г. учитель Калужской духовной семинарии М.Чельцов: "Раскол старообрядчества силен в самом городе Боровске. В нем при 12-13 тысячах населения 10-11 тысяч раскольников. Градский глава, члены городской управы - раскольники. Общественная богадельня, школы и банк в руках раскола... Боровские раскольники внимательно следят за всеми правительственными распоряжениями и за всяким печатным словом" (1).

Совсем иная картина складывается, если взять села и деревни Боровского уезда. Здесь старообрядцев было мало, и большинство их - беспоповцы. Вот, например, приход с. Субботники (данные 1904 г.) - всего 5 старообрядцев, приход с. Атепцева - 2, с. Косягов - 13, с. Русинова - 20, с. Бешкого - 50, в приходе Рошинской слободы - 124, в приходе с. Тарутина, куда входила и деревня Гранищево, - 148 (2).

Деревня Гранищево знаменита тем, что в 1812 г. в полуверсте от нее располагался лагерь русских войск и ставка Кутузова. Находилась она на дороге, ведущей из Калуги в Москву. Ныне эта деревня не существует (3).

История гранищевских старообрядцев-федосеевцев уходит корнями в глубокую старину. Крестьяне этой деревни "издавна"

Стр. 151.

находились в раскольничьих моленных секты беспоповщины", - отмечал в 1841 г. тарутинский священник Василий Подкопаев (4).

Трудно сказать, когда в Границеве возникла первая моленная. Известно, что особый дом для богослужений был здесь в первой половине XIX в., но в 1839 г. сгорел. Беспоповцы стали собираться в доме вольного хлебопашца Федота Иванова. Богослужение велось лишь по праздникам. Основной состав молящихся - пожилые люди, которые приходили к Иванову со своими иконами. Собственно, моленную Иванова было трудно назвать моленной. В этой обыкновенной крестьянской избе было лишь шесть икон (5).

Тогда же, в начале 1840-х гг., в ходе расследования выявлено было и другое молитвенное здание. Оно располагалось в центре деревни. Это были две крытые соломой избы, объединенные общими сенями. В первой стояли ткацкие станы, а в другой обустроено было помещение для богослужений, стоял аналой с книгами, на стенах - 26 икон (6). Никаких треб в моленной не совершалось.

Дело закончилось тем, что Калужское губернское правление предписало Боровскому земскому суду иметь строгий надзор за обеими избами и не допускать в них "публичных молений и соборщ". Ходатайство Калужской духовной консистории о сломе моленных не было удовлетворено, поскольку обе моленные были жилыми избами, не предназначенными специально для богослужения (7).

В 1848г. деревню Границево задела своим смертоносным крылом эпидемия холеры. И тогда же, после смерти местной крестьянки Прасковьи Матвеевой, беспоповцы устроили в избе моленную, следуя завещанию хозяйки. Но вскоре о её существовании стало известно властям. Моленную опечатали и описали в ней имущество. В моленной оказалось тогда около 70 икон с лампадками, три аналая, богослужебные книги, множество подручников и лестовок (8).

Уставщицей в новой моленной была "крестьянская девка ведомства государева имущества" Дарья Макарова. Родилась она в Границеве около 1793г., до 12 лет жила в доме отца, затем её отдали в Москву, в монастырь Преображенского кладбища к стар-

Стр.152.

цу Илье Алексееву для обучения уставу. Пожив там несколько лет, Дарья Макарова вернулась в Границево, поскольку столицу заняли французские войска (9).

В моленной Матвеевой служба совершалась только ночью. Объяснялось это не только конспирацией, но ещё и тем, что слово "всенощная" у федосеевцев понималось буквально, то есть богослужение это происходило в темное время суток. Во время службы моленная разделялась на две половины ситцевой занавеской: справа стояли мужчины, слева - женщины. Прихожанами моленной были беспоповцы не только из Границево, но и из других сел и деревень. Общее их количество не определено (10).

Дело о незаконном устройстве моленной Границеве рассматривал Боровский уездный суд. Его приговор был вынесен затем на утверждение в вышестоящую инстанцию – Калужскую палату уголовного суда. Оттуда в сентябре 1849 г. дело отправилось на рассмотрение комитета министров, который согласился с приговором палаты: моленную сломать, а вырученные деньги передать в пользу местного комитета общественного призрения (11).

В 1850 г. моленную в Границеве снесли. Выручка от продажи строительного материала составляла 36 рублей серебром (12). (Для сравнения: в то время в Боровском уезде один пуд мёда стоил в среднем 4 руб. 10коп., ведро вина - 3 руб. 50 коп., куль ржаной муки весом в девять пудов - 3руб. 90 коп.) (13). Аналой и ситцевую занавеску передали в Тарутинскую церковь. Иконы возвратили владельцам. Из книг изъяли лишь одну рукописную тетрадь с молитвами и канонами из Большого требника. В ней нашли выписку из Кормчей книги, осуждающую бритьё бороды. Текст этот был расценен новообрядческими церковными экспертами как противоречащий православию (14).

Несколько беспоповцев подверглись увещанию в духовной консистории, но остались непреклонными.

С течением времени д. Границево продолжала оставаться маленьким центром беспоповства в Боровском уезде. В 1875 г. возникло новое дело о незаконных моленных в деревне. Крестьянки Домна и Анна Каревы были привлечены к суду. Становой пристав, которому поручено было провести расследование, выяснил, что в доме, где проживали эти женщины, в праздничные и воскресные

Стр.153.

дни действительно отправляется богослужение, правда, непостоянно, "народ бывает по большей части женского пола престарелых лет" (15).

Домна и Анна Каревы были оправданы и освобождены от наказания, поскольку они не придавали своей избе характер общественной моленной (16).

В 1896 г. во втором благочинном участке Боровского уезда, куда входило Границево, беспоповцы имели две моленные: в с. Тарутино и в д. Коряково (приход церкви с. Ворсино). Первая размещалась в обыкновенной избе. Вторая - "в особо устроенном и приспособленном здании, окруженном несколькими жилыми помещениями, которые вместе с часовней обнесены оградой". Коряковская моленная стояла с 1890 г. опечатанной. Наставниками у беспоповцев были Алексей Семенович Во...дин и Егор Яковлевич Карев из д. Границево. В Коряковской моленной – Боровский мещанин Козьма Григорьев (17).

Изучение беспоповских моленных в XIX в. открывает новые страницы в истории Боровского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

Государственный архив Калужской области (ГАКО). Оп.3. Ед.хр.2013. Л.9.

Там же. Ф.33. Оп.2. Ед.хр.1551. Л.86-106.

Благовещенский В.В., Пухов В.А. Боровск. Тула, 1973. С.58.

ГАКО. Ф.62. Оп.1. Ед.хр.3073. Л.1.

Там же. Л.1об., 3-3об.; Ф.130. Оп.1. Ед.хр.853. Л.19-19об, 21.

ГАКО. Ф.130. Оп.1. Ед.хр.853. Л.19-19об.

ГАКО. Ф.62. Оп.1. Ед.хр.3073. Л. 13.

ГАКО. Ф.62. Оп.19. Ед.хр.327. Л.5-6.

Там же. Л.7об.-8об.

Там же. Л.9об.; Старообрядчество. Лица, предметы, события, символы. М., 1996. С.287-289.

Там же. Ф.62. Оп.19. Ед.хр.327. Л.36-37об.; Ед.хр.380. Л.1.

Там же. Ед.хр.380. Л.23об.

Там же. Ед.хр.1163. Л.48-48об.

Там же. Ед.хр.380. Л.28,38.

Там же. Ф.32. Оп.1. Ед.хр.1105. Л.1-1об.

Там же. Л.21.

Там же. Ф.33. Оп.3. Ед.хр.2013. Л.23об.

Стр.154.

З.В.Васильева (г. Обнинск)

(Васильева Зинаида Викторовна - заведующая отделом истории Музея истории г.Обнинска)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

В с.БЕЛКИНО

(вторая половина XIX-начало XXвв.)

Большое село Белкино, ныне вошедшее в черту г. Обнинска, находилось в Боровском уезде Калужской губернии. Стояло оно по правую сторону Тарусского тракта на расстоянии 80 верст от Калуги и в 100 верстах от Москвы.

По материалам переписи, во второй половине XIX в. в селе имелось 62 дома и проживало более 500 жителей обоего пола. Земли суглинистые, неплодородные, и население в поисках дополнительных заработков вынуждено было уходить из родных мест на так называемый отхожий промысел. Возвращаясь, отходники несли в крестьянский быт элементы городской культуры, множество впечатлений и знаний.

Большим событием в с. Белкино стало открытие в сентябре 1885 г. церковно-приходской одноклассной двухгодичной школы, где крестьянские дети, в основном, мальчики, получали первоначальную грамоту. Но школа была не только источником знаний. Здесь велась и просветительская работа с жителями окрестных сел, читались лекции и проводились беседы на религиозные темы, о вреде пьянства и т.д. При школе была и библиотека, которой пользовались учащиеся.

Через 10 лет после открытия школы, в декабре 1895 г., в Белкино открылась бесплатная библиотека-читальня. Возникла она по почину белкинских крестьян, постановивших на сходе открыть библиотеку, так как "... в приходе две школы: церковно-приходская и земская... и много грамотных крестьян, жаждущих просвещения путем самообразования ..." (1). На содержание библиотеки деньги были отчислены из мирских сумм, пожертвованы частными лицами и получены благотворительными сборами. По просьбе крестьян заведовать библиотекой согласилась жена действительного статского советника, владелица усадьбы Лидия Павловна

Стр.155.

Обнинская. Для составления Устава и устройства библиотеки был избран совет из следующих лиц: священник Белкинской церкви Федор Тихомиров, сельский староста Петр Сабуров и помощник учителя крестьянин Дорофей Блинников. Благодаря пожертвованиям комитета грамотности, господ Обнинских и других лиц, "... на другой год по открытию библиотека составляла уже 600 томов: из них 144 религиозно-просветительского содержания, 226 литературного и остальные по всем отраслям знаний доступных народу ..." (2). Размещалась библиотека первые три года в церковной сторожке, а затем по ходатайству Лидии Павловны Обнинской, на деньги, выделенные Земским собранием, было построено специальное здание. Пользовались книгами этой библиотеки белкинские крестьяне и крестьяне окрестных сел. Как положительный момент следует отметить доступность книг всем желающим.

В Памятных книжках Калужской губернии за 1900-1906 гг. имеются сведения о Белинской избе-читальне, заведовать которой продолжала Л.П. Обнинская.

Крестьяне жадно тянулись к образованию и, желая лучше вести свое хозяйство, но не имея достаточных знаний, решили объединиться и создать сельскохозяйственное общество, которое и было открыто в сентябре 1912 г.

Членами данного общества, кроме белкинских крестьян, стали жители окрестных деревень Самсоново, Кабицино, Кривское Мишково и др. Не имея своего помещения, они с разрешения Епархиального совета с 1913 г. в помещении церковно-приходской школы проводили народные чтения, лекции по сельскому хозяйству, которые читали земские агрономы, для ознакомления крестьян с правилами ухода за растениями, сроками посева и т.д. Устраивались даже краткосрочные курсы по сельскому хозяйству.

Но при Белкинском сельскохозяйственном обществе имелось только молочное товарищество, а этого было крайне недостаточно. В марте 1915 г. крестьяне на сельском сходе приняли решение "... расширить сельскохозяйственное общество, включив в него Кредитное товарищество и Потребительское общество, через которые было бы можно

сбывать продукты своего хозяйства ..." (3). Для проведения в жизнь решений схода они обратились за

Стр.156.

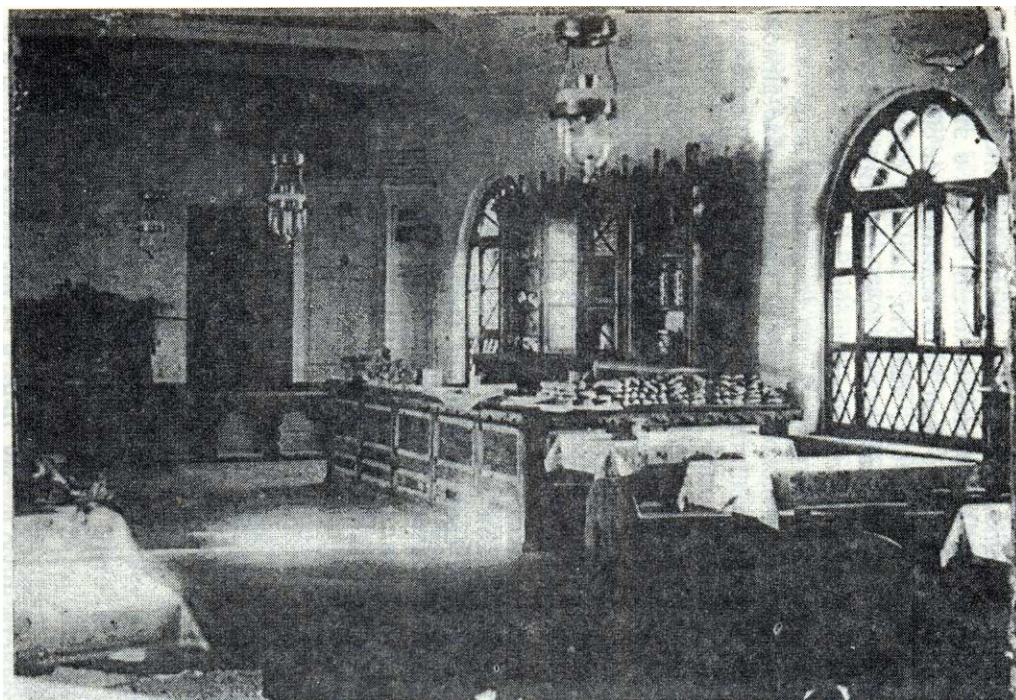
помощью к помещице, меценатке М.К. Морозовой, имение которой находилось в нескольких километрах от Белкино.

Поскольку с. Белкино по своему расположению являлось центром окрестных сел, то крестьяне хотели иметь в этом селе специальное здание, где можно было бы объединить все общества, включающее в себя библиотеку, чайную, зал для спектаклей, народных чтений, лекций, и назвать его "Крестьянский народный дом". А еще по приговору схода было решено при Народном доме устроить школу крестьянского хозяйства (поскольку дети после окончания церковно-приходской школы не имели необходимой подготовки для ведения хозяйства), "...чтобы мальчики и девочки интересовались бы своим домом, хозяйством ... огородом, полями ... обучались всему, что нужно для крестьянина, чтобы можно было постройку начинать и сапоги сшить, и сбрую поправить ... и не забыть грамоты, приобретенной в школе" (4).

Уполномоченной от сельскохозяйственного общества была избрана М.К. Морозова. Она подыскала для народного дома подходящее здание и заключила договор с владелицей Белкинской усадьбы Ю.С. Обнинской о сдаче в аренду Обществу бывшей скотной избы с сараем сроком на 10 лет. Открытие Крестьянского народного дома состоялось 25 сентября 1916г. На его открытии присутствовали, в числе приглашенных, М.К. Морозова и С.Т. Шацкий. В Крестьянский народный дом вошли следующие учреждения: сельскохозяйственное общество, общество потребителей, молочное товарищество, прокатный пункт сельскохозяйственных машин и орудий.

Внутренняя отделка Народного дома была выполнена в старом русском стиле и состояла из зала-аудитории на 300 человек. В то же время зал служил чайной и потребительской лавкой. Имелась комната для агронома, который проводил лекции по сельскому хозяйству и организовывал краткосрочные сельскохозяйственные курсы для крестьян. В скором времени при Народном доме предполагалось открыть кредитное товарищество и сельскохозяйственную школу. Деньги на постройку школы и ее содержание были выделены Департаментом земледелия и почетным членом общества М.К. Морозовой. Подготовку педагогического персонала взял на себя С.Т. Шацкий. Готовились педагоги в

Стр.157.



Читальный зал Белкинского народного дома. 1917 г.

Университете Шанявского, Сельскохозяйственном институте и на курсах по домоводству. Предполагалось, что в школе будут вестись такие предметы, как русский язык, Закон Божий, арифметика, география, история, рисование, домоводство (уход за детьми, рукоделие, шитье, уборка дома), огородничество и др. В связи с военным временем постройка школы задерживалась, но в 1917 г. она все же была открыта при Белкинской церковно-приходской школе. В одном из архивов найдено письмо-приглашение М.К. Морозовой, написанное правлением Белкинского сельскохозяйственного общества от 12 декабря 1917 г.

Привожу текст с небольшими сокращениями:

"Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Наше местное и окружающее население при открытии при белкинской школе второго комплекса изъявило желание иметь такого учащего лица, который мог бы организовать хор и была бы возможность в Народном доме устраивать спектакли и литературные вечера. В начале наступающего 1918 года при Народном доме будет спектакль и елка для учеников.

О дне устраиваемого нами праздника Вас известим" (5).

Хор при Белкинском народном доме был создан. Он объединил учителей и жителей окрестных сел на ниве просветительской деятельности и стал центром культурной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАКО. Ф.32. Оп.2. Д.59.
2. Там же.
3. РГБ. Ф.171. К2. Ед.хр.8.
4. Там же.
5. РГБ. Ф.171. К2. Ед.хр.16.

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА с. БЕЛКИНО

В третьей четверти XIX . Россия не имела единой стройной системы начального образования. Дело просвещения было вверено двум ведомствам - Министерству Народного Просвещения и Святейшему Синоду.

В 1874 г. вышло "Положение о начальных народных училищах", которое обобщило типы народных школ в России (1). Указывались церковно-приходские школы; министерские, образцовые и земские школы.

В условиях пореформенной России именно земские школы привлекали общественное внимание, так как уделяли минимум внимания религиозно-монархическому воспитанию, но давали основы естественных наук, развивали мышление.

Правительство не брало на себя финансовых обязанностей по отношению к земским школам, более того, открытие земских школ зависело от согласия церковных органов на местах, в то время как церковно-приходская школа стала получать огромную материальную поддержку со стороны правительства (2).

После опубликования в 1884 г. "Правил о церковно-приходских школах" они стали основным типом школ.

Такое положение было характерно и для нашего края, где церковно-приходские школы численно подавляли земские школы и школы грамотности.

Церковно-приходская школа в с. Белкино Боровского уезда Калужской губернии была открыта 17 сентября при храме св. Бориса и Глеба (3). Сохранилось здание школы — одноэтажное деревянное, из двух срубов; оно находится к западу от храма и стоит вдоль дороги на д.Кривское.

Учредителем и попечителем школы был владелец усадьбы Белкино, статский советник Петр Наркизович Обнинский (1837-1904), на его средства была построена и оборудована школа, выплачивалось учительское жалование.

Стр.160.

Наблюдателем ряда школ (в том числе и Белкинской) был священник с. Угодский Завод Василий Павлович Всесвятский. А.И. Ульянов писал об этом человеке в книге "Подвижники": "После окончания семинарии работал учителем, педагогика настолько увлекала его, что даже приняв священнический сан, он продолжал обучение детей. Василий Павлович неоднократно поощрялся за успехи в деле народного образования" (4). Он одним из первых в селе собрал большую библиотеку и приобщил к чтению не только своих детей, но и односельчан.

Василий Всесвятский в рапорте за 1885-1886 учебный год отмечал, что Белкинская школа помещается в отдельном здании, исключительно приспособленном для школы; и имеет все необходимые классные принадлежности: столы для учеников, классные доски, шкаф для книг, грифельные доски, бумагу и чернила.

Своим прекрасным помещением и всею обстановкой Белкинская школа обязана одному попечителю школы статскому советнику г. Обнинскому, поскольку прихожане не могут оказывать помощи по случаю двухлетнего неурожая. Далее Всесвятский отмечает, что в книгах и учебных пособиях чувствуется недостаток везде, кроме школы Белкинской. По сравнению с другими школами она снабжена достаточным количеством книг для учеников, учебных пособий для учителей. Однако господин Обнинский при личной встрече с Всесвятским заявил, что желал бы иметь для своей школы столько книг, особенно часословов, сколько учеников в школе (5).

Учебный год начинался в сентябре, заканчивается в мае. Ученики держали экзамены в уездных земских школах. По результатам экзаменов мальчики могли получить льготное свидетельство, дающее право на сокращение воинской повинности.

Учебный курс был рассчитан на 1 класс с двухгодичным сроком обучения. "Правила о церковно-приходских школах" четко определяли цель этих школ — утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания".

Основу обучения составлял курс Закона Божия, в который входило изучение молитв, священной истории, объяснение богослужения, краткий катехизис.

Стр.161.

Наставление в правилах веры и преподавание Закона Божия относилось к обязанности священника-законоучителя.

Со дня открытия школы до 1900 г. в Белкинской церковно-приходской школе законоучителем был священник Федор Тихомиров (6), его сменил Георгий Васильевич Троицкий (7). По окончании курсов Калужской Духовной семинарии о. Георгий служил в Жиздринском уезде, где в 1897 г. был награжден набедренником за успешное преподавание Закона Божия и обучение пению, также был отмечен и в 1899 г. перед переводом в Боровский уезд.

С 1900-1917 гг. Троицкий служил священником в церкви Бориса и Глеба при селе Белкино Боровского уезда, а также заведующим и законоучителем белкинской церковно-приходской школы.

В фондах музея хранится фотография священника Борисоглебской церкви Дмитрия; по свидетельству жительницы с.Белкино Кузнецовой Евдокии Васильевны, о. Дмитрий работал в церковно-приходской школе, но документов об этом пока не найдено.

Надзирателей в Белкинской школе не было. "Сообщать первоначальные полезные сведения", то есть преподавать такие предметы, как чтение книг церковной и гражданской печати, церковное пение, письмо и начальные арифметические сведения, мог студент духовной семинарии, успешно окончивший четыре класса.

Первым учителем в Белкинской церковно-приходской школы был студент духовной семинарии Василий Алексеевич Предтеченский.

Он получал ежемесячное жалование (25 рублей) от попечителя школы П.Н. Обнинского (8).

Наблюдатель школы Василий Всесвятский отмечал, что учитель Предтеченский заслуживает всякого одобрения и поощрения за ревностное и вполне разумное отношение к своим обязанностям.

С 1902 г. в школе работал Иван Сергеевич Лихачев (9). Иван Сергеевич вырос в семье священника, окончил духовную семинарию в Калуге и был назначен в белкинскую школу учителем, в которой он проработал один год, но был награжден за

Стр.162.

преподавание пения. С 15 сентября 1903 г. на службе в Белкинской школе состоял учитель Карп Карпович Гутман, впоследствии он взял фамилию своих приемных родителей Розановых. К.К. Розанов проработал здесь до 1917 г. (10), о его дальнейшей судьбе имеются лишь отрывочные сведения. С 1926 г. он работал в должности учителя-переплетчика в школе-колонии "Бодрая жизнь", с 1929 г. - в должности конторщика.

В музее хранятся следующие документы К.К. Розанова: паспорт, трудовая книжка, фотография 1905 г. и фотография 1926 г.

Из рапортов и отчетов наблюдения Василия Павловича Всесвятского получены некоторые сведения об ученическом составе Белкинской школы разных лет, о постановке обучения и об успеваемости.

В среднем число учащихся не превышало 50 человек, большинство составляли мальчики. По преимуществу это были крестьянские дети православного вероисповедования, но в каждой группе были один-два ребенка из семей старообрядцев. Возраст учеников варьировался от 6 до 13 лет.

В белкинскую церковно-приходскую школу ходили дети из окрестных деревень и сел Самсоново, Алешково, Мишково, Спас-Загорье, Белкино (11).

Успешно заканчивали школу не более трети всех учеников, многие переставали посещать занятия по разным причинам.

Каждый учебный день неукоснительно начинался утренней молитвой. Перед классной иконой зажигалась лампада, и очередной чтец читал утренние молитвы, чтение сменялось общим пением молитв "Отче наш", "Царю небесный", "Достойно есть" (12). Равным образом и каждый урок предварялся чтением или пением молитв. Только после этого приступали к занятиям. Русскому языку обучали по звуковому методу в соединении с письмом.

К концу учебного года дети с выражением читали, умели пересказывать и составлять деловые бумаги, нужные в крестьянской среде.

Курс арифметики предполагал полное знание нумерации до миллиона, усвоение четырех арифметических действий, знание мер длины, веса, сыпучих и жидких тел, возведение в квадратные и кубические меры.

Стр.163.

Программа по Закону Божию включала священную историю, объяснение богослужения и катехизис.

Обучение церковно-славянскому языку начиналось после того, как дети выучивались читать по-русски.

Все церковно-приходские школы приучали учеников к хоровому пению в церкви, "но особенно хорошо идет пение в Белкинской школе,... и это мнение не только крестьян-прихожан, но и других лиц, более понимающих в пении и приходивших в Белкинский храм послушать детское пение" (13).

В 1910-х гг. при школах проводились народные чтения, целью которых являлось просвещение крестьянских масс. Народные чтения представляли собой лекции и беседы по литературе, сельскому хозяйству, по борьбе с пьянством, а в Великий пост — статьи нравственно-религиозного содержания. Для этого использовались "волшебные фонари с туманными картинками". Народные чтения собирали от 100 до 200 слушателей.

В 1913 г. земскими агрономами при Белкинской школе были устроены краткосрочные курсы по сельскому хозяйству. К 1913 г. школа нуждалась в ремонте и оснащении (14).

К сентябрю 1917 г. школьное здание и земля, на которой оно было построено, переходит в собственность церкви. О реорганизации и закрытии Белкинской приходской школы сведений не найдено.

Уездный епархиальный училищный совет, который курировал работу школ, был ликвидирован к декабрю 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России. М., 1982. С.22.
2. Там же. С.24.
3. ГАКО. Ф-391, 0-2. Ед.хр.4. Ведомость о церковно-приходских школах Калужской губ. за 1884/8 гг.
4. Ульянов А.И. Подвижники. Жуково, 1993. С.11.
5. ГАКО. Ф-391, 0-1. Ед.хр.5. Рапорт наблюдателя церковно-приходских школ Василия Всесвятского.

6. ГАКО. Ф-391. Оп.1. Ед.хр.311. Сведения о личном составе
Стр.164.

7. ГАКО. Ф-391. 0-1 Ед.хр.757. Ведомость о церковно-приходских школах Боровского уезда к 1 сентября 1917 года.

8. ГАКО Ф-391. Оп.2. Ед.хр.4. Ведомость о церковно-приходских школах Калужской губернии за 1884/8 учебные годы.

9. ГАКО Ф-391 Оп.1. Ед.хр.311. Сведения о личном составе церковно-приходских школ Боровского уезда за 1903 год.

10. ГАКО Ф-391. Оп.1. Ед.хр.757. Ведомость о церковно-приходских школах Боровского уезда к 1 сентября 1917 года.

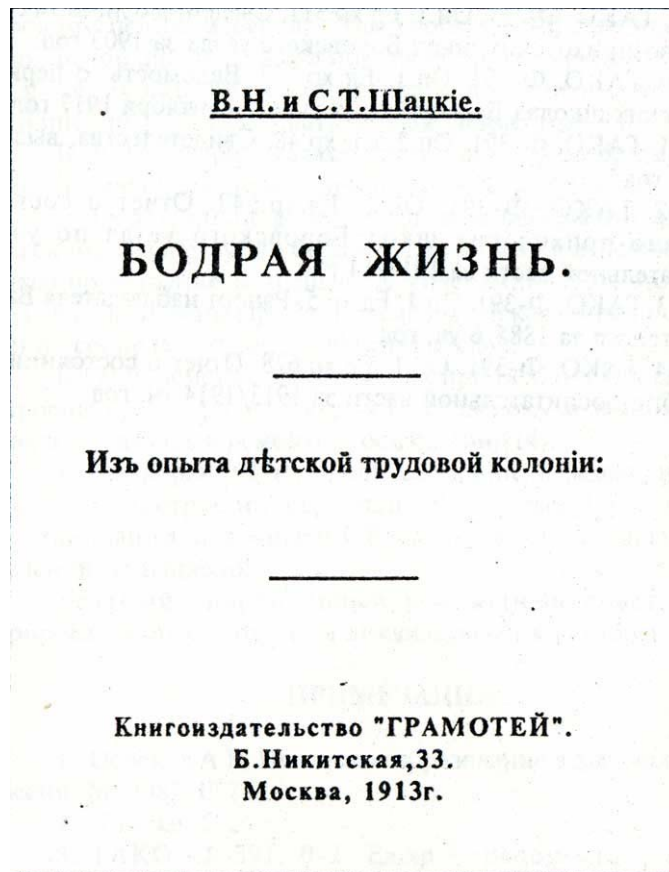
11. ГАКО. Ф-391. Оп.2, ед.хр.48. Свидетельства, выданные за 1895 год.

12. ГАКО. Ф-391. Оп.1. Ед.хр.642. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Боровского уезда по учебно-воспитательной части за 1913/14 г.

13. ГАКО. Ф-391. Оп.1. Ед.хр.5. Рапорт наблюдателя Василия Всесвятского за 1885/6 уч. год.

14. ГАКО. Ф-391. Оп.1. Ед.хр.678. Отчет о состоянии школ по учебно-воспитательной части за 1913/1914 уч. год.

Стр.165.



Стр.166.

И.Л. Ефимова (г. Обнинск)

(Ефимова И.Л. — научный сотрудник Музея истории г.Обнинска)

**ШКОЛА-КОЛОНИЯ «БОДРАЯ ЖИЗНЬ» —
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РАБОТЫ
С ОКРЕСТНЫМИ СЕЛАМИ**

Наше нелегкое время невольно сравнивается с периодом истории 1920-х гг., когда проходило становление молодого советского государства. Шли поиски нового пути развития во всех сферах экономики, науки, культуры. Не было единства и среди педагогов. "Как учить? Чему учить?" - это были главные вопросы, на которые пытались ответить светила русской педагогической мысли.

"Левые" педагоги под руководством В.Н. Шульгина ратовали за "отмирание" школы; прямо противоположной точки зрения придерживались профессора Московского университета А.Г. Калашников и А.П. Пинкевич, остальные отстаивали идею "школы закрытого типа" по образу дореволюционных гимназий.

А.В. Луначарский и Н.К. Крупская поддерживали С.Т. Шацкого. Станислав Теофилович был, пожалуй, единственным из педагогов 1920-х гг., сделавшим попытку представить более или менее полную картину процесса социального формирования личности.

Н.К. Крупская писала: "Для нас ценна система "шацкизма" тем, что она учитывает общественно-хозяйственную деятельность России и отыскивает жизненное решение острых педагогических проблем в условиях русской современности. Она поднимает, ставит и заостряет чрезвычайно важные вопросы воспитания крестьянской массы, во всей их особенности, как ни одна система воспитания в России" (1).

В 1919 г. Станислав Теофилович Шацкий начал проводить в жизнь идею всестороннего развития личности, став руководителем I-й Опытной Станции. Сюда входили детские сады, школы, библиотеки, клубы, народные дома, педагогические курсы. Шацкий так

Стр.167.

формулировал основную цель работы: "... создать не учебные, а общественные учреждения - культурную базу. Только при такой общественной организации мы начинаем строить действительно новые школы, школы социального строительства" (2).

Образцово-показательным учебным заведением 1-й Опытной Станции являлась школа-колония "Бодрая жизнь" — центр общественно-политической, экономической и культурно-просветительной работы Деревенского (Калужского) отделения I Опытной Станции. С самого основания (1911 г.) "Бодрая жизнь" не была замкнутым учреждением. Крестьяне окрестных сел приходили сюда послушать доклады С.Т. Шацкого на сельскохозяйственные темы, посмотреть праздничные выступления колонистов, да и сами ребята не раз выезжали в села с концертами и спектаклями.

С 1918 г. колония стала постоянно действующей. В первые годы не было возможности вести планомерную работу в области школьного дела. Приходилось убирать картофель, заготавливать дрова, чтобы выжить в это трудное время. Однако уже в 1921 г. сформулировали главную задачу — установить взаимодействие между школой, жизнью ребят и их бытом (3).

С 1917 г. заведовать колонией стала В.Н. Шацкая, жена, верный друг и помощник Станислава Теофиловича. Здесь сложился коллектив талантливых, увлеченных делом педагогов: Е.М. Кадомская, Е.А. и Т.Т. Шацкие, П.А. Фаворский, С.А. Тольман, Н.М. Кононюк, С.М. Зепалов, П.А. Завитаев, А.В. Гаврилов и многие другие. Они были и учителями, и воспитателями ребят.

Обучение в школе-колонии "Бодрая жизнь" велось таким образом, что знания, полученные на уроках, использовались на практике.

В.Н. Шацкая писала в отчете: "В нашем понимании школа - это не система учебных предметов, а непосредственно сама жизнь. Поэтому мы работаем не над программами, а над организацией деятельности подростков и молодежи (4). В 1923 г. коллектив колонии поставил задачу - создать здесь детский и юношеский центр района. В школу приходили учиться ребята из 13 окрестных сел, многие из них оставались жить в интернате колонии.

Ребятам нравилось в колонии, однако В.Н. Шацкая отмечала проявления индивидуализма, приходящие колонисты старались захватить

Стр.168.

лучшее место в общежитии, лучший кусок в столовой, не желали выполнять общественные поручения. "В их представлении, - писала Валентина Николаевна, - школа это то, когда учат. Собрания, участие в труде - это не школа, а нечто, отнимающее время, когда можно было учиться"(5).

Подобные тенденции необходимо было искоренить, чем-то заинтересовать деревенских ребят. Для этого были созданы кружки: физический, музыкальный, литературный, лыжный, игральный. Колонисты втягивались в общественную жизнь колонии и часто говорили непослушным: "Ты не так понимаешь школу, наша жизнь и есть школа...".

Связь с окружающими селами осуществлялась школой-колонией через работу комиссий: полеводной, животноводной, огородной, цветовой и санитарно-гигиенической.

Комиссии работали во взаимодействии с общественно-политическим кружком, организованным в мае 1924 г. Главной его задачей была работа в деревне. Кружок провел обследование деревень Кабицино, Самсоново, села Белкино. Опираясь на знания, полученные под руководством П.А. Фаворского, ребята рассчитали и составили планы усадеб. Один из ребят описал работу так: "Мы снимали точный план всех усадеб Михайловского поселка, вычертили план и предоставили его крестьянам. А им необходим план усадеб, так как усадьбы все разные, а полагается на каждого по полдесятины. У кого усадьба больше нормы, тому не дают земли в поле. Колонисты ходили в Белкино, сняли планы с 24 усадеб"(6).

Большая работа проводилась физическим кружком под руководством Т.Т. Шацкого. Были организованы радиокружки в районе 1-й Опытной Станции. В деревне Кривское ребята установили радиоприемник, а Теодор Теофилович Шацкий прочитал лекцию об электричестве. После этого молодежь д. Самсоново заинтересовалась устройством радио, и с помощью колонистов поставила радио у себя в деревне (7). В 1920-30 гг. школа-колония "Бодрая жизнь" помогла радиофицировать Белоусово, Белкино, Доброе, организовала кооператив для снабжения радиодетальями. Колонисты снабжали деревенских жителей диапозитивами, волшебным фонарем, кинопередвижкой. Школа-колония "Бодрая жизнь" стала также центром по

Стр.169.

пропаганде санитарии и гигиены. Санитарная комиссия проводила постоянную проверку чистоты у приходящих ребят, развернула кампанию по борьбе с домашними насекомыми в деревне. Ученики сельских школ получали в колонии формалин, хлорку, белые халаты, детские лопаты и выходили на ликвидацию помоек, чем вызывали "великое уважение" деревенских жителей.

Санитарная секция общественно-политического кружка колонии приготовила выставку в Белкино "Уход за грудным ребенком". Одновременно провели беседу об организации яслей (8).

В 1929 г. при колонии организовали землячества, куда входили ребята из одной деревни. Землячество связывалось с сельсоветом, школой и составляло план работы. Так, например, к Белкинскому землячеству было прикреплено 8 колонистов, в отчете они перечисляли, что сделали летом 1929 г. в колхозе: "Разбирали книги в библиотеке, работали по стенгазете, проводили физкультурные занятия". Особенно много работали члены земляществ на пришкольных участках: пололи овощи, поливали, окучивали клубнику"(9).

Помощь колонистов окрестным селам в области сельского хозяйства охватывала своей работой район четырех сельсоветов: Белкинского, Белоусовского, Потресовского и Кабицинского. Центром работы стал Белкинский сельсовет. В "Производственном плане" колонии обязательно были разделы, в которых говорилось о помощи колхозам. Так, в плане за 1929-30 гг. записано: "Колонисты определяют всхожесть семян, проводят агрокурсы, известкование почв, ухаживают за скотом, изучают устройство с/х машин" (10). Знания по агрономии и животноводству, полученные в кабинете естествознания у П.А. Завитаева, ребята распространяли среди крестьян. Агитировали за новые приемы агротехники, травосеяния, писали плакаты о пользе удобрений. В архиве есть плакат такого содержания: "Хозяин, береги здоровье скота, заткни все щели у двора".

Колония снабжала окрестные села молодняком племенного скота, ягодными посадками и огородной рассадой. В июле 1929 г. колонисты организовали выставку сортовой клубники. Крестьяне из Белоусово, Самсоново, Потресово посетили ее. "На столе стояли 12 различных сортов ягод, по бокам флаги, а под флагом лозунг: "При правильном уходе за клубникой от нее можно получить большой доход"(11).

Стр.170.

В начале 1920-х гг. колония стала центром работы по цветоводству. Для этого создали цветоводную комиссию. Весной родители сельских школьников приезжали в колонию за цветочной рассадой, ребята высаживали цветы около школы и своих домов. Бывшая ученица школы д. Кабицино П.В. Сучкова вспоминала: "Летом, когда цвели цветы, на лошади Ночка приезжала В.Н. Шацкая. И все ребята шествовали за цветочной комиссией. Ходили от дома к дому, проверяли, у кого лучше цветы.

В середине лета нас, деревенских школьников приглашали в колонию на праздник цветов. Колонисты были в костюмах, украшенных цветами. Танцевали ритмические танцы. Здесь же было пианино, на котором играла В.Н. Шацкая" (12).

В конце 1920-х гг. педагоги и колонисты "Бодрой жизни" принимали самое горячее участие в проведении коллективизации и различных политических компаниях. С.Т. Шацкий много ездил по селам, участвовал в собраниях, агитируя крестьян вступать в колхозы. Будучи членом партии, он искренне верил в коммунистическую идею. В 1929 г. в записной книжке он записал: "Я несомненно романтик. Мне нужен охват до конца. Основная задача - новый человек и новые небывалые отношения. Надо расчистить от старого гнилья, плесени и отыскать новое ... Мне нужно для этой работы, которая во мне раздувается со страшной силой, быть твердым и мощно работать, не разбрасываясь" (13).

Однако Шацкому приходилось заниматься всем. В связи с невыполнением плана заготовок яиц его командировали в Ростовскую область. Он метался между Москвой, куда его вызывали, как члена коллегии Наркомпроса и члена научно-педагогической секции ГУСа, и центром 1-й Опытной Станции, находившемся в Калужской области.

Не легче было и педагогам, рабочий день которых составлял 12-14 часов в сутки, не было выходных, и отпуска давались нечасто. Учитель на селе рассматривался, как ударная сила политики партии, часто занимался делами, имеющими весьма отдаленное отношение к педагогике.

"Учитель, проводя работу с ребятами или населением,-

Стр.171.

говорил Шацкий на съезде работников 1-й Опытной Станции НКП, - должен проявлять революционный пыл ... Первая наша задача - содействовать стремлению крестьянства войти в колхоз. В среде крестьян нам нужно отделить кулацкую часть, никоим образом не допуская в колхозы".

Коллективизация проходила в обстановке классовой борьбы. В 1928 г. педагоги и учащиеся школы-колонии "Бодрая жизнь" стали собирать материал о проявлениях классовой борьбы в селах, изучали настроения крестьян. В деревнях распускались самые

нелепые слухи, как например: "Партийные учителя стараются выступить, потому что им деньги платят ... Шацкая за каждое собрание получает от партии 25 рублей, поэтому обязательно своего добьется" (15).

Педагоги и колонисты активно участвовали в перевыборах в сельсоветы. Проводя агитацию за вступление в колхоз в предвыборный период, устраивали демонстрации, однодневные ясли, украшали комнату для выборов. Путем плакатов, диаграмм стенгазет доказывали преимущества социализма.

Перед перевыборами ребята ездили по селам на агитповозке, причем дуга была украшена флагом, а на санях были укреплены лозунги. Под звук барабанов и горнов колонисты выкрикивали: "Делегатка, не опоздай на выборы! Молодежь, перевыборы даешь! Женщина, иди в сельсовет, помогай строить социализм!"

Под руководством преподавателя рисования А.В. Гаврилова школьники колонии подготовили физкультурную пирамиду и театр Петрушки на тему "Гони из деревни хулиганство и шинкарство!" С этой программой выступали в Белкино, Добром, Самсоново (16).

Тяжелейшая обстановка в селе отражалась на настроении проходящих в колонию ребят. Вот как характеризует это состояние колонист из д. Трубино Панкратов; "В деревню я хожу нечасто, в колонии живешь, ничего не слышишь и всегда бываешь спокойный. А когда приходишь в деревню, только и слышишь, что про войну. Теперь наши деревенские закупают почти все много соли, ругают советскую власть. Кто-то встретил Николая Чудотворца и тот сказал, что в пятницу, под Пасху, будет свет-конец, но этому не верят, а больше относятся с насмешкой" (17).

Чтобы привлечь деревенскую молодежь, при школе-колонии

Стр.172.

"Бодрая жизнь" в 1924 г. открыли клуб. Здесь можно было взять книги из библиотеки, почитать газеты, получить новые впечатления. Большой успех в клубе имела выставка сельскохозяйственных плакатов.

Силами деревенских кружков в клубе поставили три спектакля А.Островского, инсценировки М.Зощенко, выступали деревенские хоры.

Кроме того, передвижной театр школы-колонии под руководством А.А.Фортулатова выезжал с постановками в окрестные села.

Бывший ученик школы из д. Самсоново М. Коротков вспоминал: "В период обучения мы постоянно ощущали заботу колонистов большой колонии. К нам часто приходили ученики старших классов; один из таких вечеров посвятили Н.В. Гоголю. Читали отрывки из "Тараса Бульбы" в сопровождении "туманных картин" (18).

Интересной и важной в те годы являлась работа по пропаганде книги в деревне.

Воспитанница школы-колонии П. Сучкова была книго-передвижником и написала сочинение о работе в Кабицино: "17 мая я пришла в Кабицино к трем часам дня. Ребята-школьники были уже там. Начала я записывать, кто будет в кружке читателей. Видя книги, да еще в хороших переплетах, ребята старались захватить, какую получше и побольше. После выдачи книг я читала ребятам "Повесть о днях моей жизни" Вольнова, слушали с большим вниманием (19).

Работа с книгой содействовала распространению наиболее интересных книг среди подростков и служила стимулом к сознательному чтению у учащихся колонии.

Музыкальной работой в школе-колонии "Бодрая жизнь" руководила В.Н. Шацкая. Ребята изучали теорию, занимались на музыкальных инструментах, некоторые брали уроки пения. Валентина Николаевна вела хоровой кружок в Угодском Заводе, в деревнях Потресово и Доброе.

Активная общественно-политическая работа проводилась колонией и после закрытия 1-й Опытной Станции (1934 г.). "Бодрая жизнь" была переименована в школу имени С.Т. Шацкого. Это было уже элитарное, самобытное учебное заведение,

продолжавшее традиции, заложенные Шацким в области трудового, эстетического и нравственного воспитания.

Стр.173.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крупская Н.К. Рецензия. Пед. соч. Т.10. С.144.
2. Шацкий С.П. Пед. соч. М., 1964. Т.3. С.392-399.
3. Шацкая В.Н. Отчет колонии "Бодрая жизнь" за 1923-24 гг. Музей истории г.Обнинска. НВ 90.
4. Шацкая В.Н. Отчет. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.219. Л.99.
5. Шацкая В.Н. Отчет школы-колонии "Бодрая жизнь" за 1923-24гг. НВ 90.
6. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр. 222. Л.22.
7. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.219. Л.6.
8. Там же. Л.6.
9. Там же. Л.140.
10. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.222. Л.186. 11. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.224. Л.156.
12. Пучкова П.В. Воспоминания. Музей истории г. Обнинска. КП 824
13. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.332. Л.121.
14. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.219. Л.119.
15. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.222. Л.65.
16. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.224. Л.69.
17. Шацкая В.Н. Отчет школы-колонии "Бодрая жизнь" за 1928-29гг. Музей истории г. Обнинска.
18. Коротков М.Ф. Воспоминания. НВ 96; Музей истории г. Обнинска. КП 1355/71.
19. АРАО. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.222. Л.24.

Стр.174.

А.А. Фомин (г. Калуга)

(Фомин Александр Алексеевич - преподаватель кафедры географии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского)

ХУТОРСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА

Под расселением понимается существующая на какой-то территории сеть населенных пунктов и их непрерывающееся развитие. На территории Калужской губернии в начале XX в. преобладала деревенская форма расселения, но уже проявлялась тенденция хуторского расселения. Начало же массовому образованию хуторов положила Столыпинская аграрная реформа.

Калужская губерния не выделялась интенсивностью образования хуторов, поэтому в исторической литературе этот процесс освещен слабо. Цель настоящей работы - освещение процесса хуторского расселения в Малоярославецком уезде.

Условия образования хуторов здесь, как и по всей России, были следующими:

1. Достаточно большая площадь земельного участка и полная занятость крестьянской семьи только на нем.
2. Земельный участок должен был содержать как можно более полный комплекс угодий.
3. Снабженность участка водой.
4. Наличие дорожной сети.
5. Наличие у семьи свободных капиталов, необходимых для первоначального устройства.

К лету 1917 г. на территории Малоярославецкого уезда было 454 хутора (1).

Из них 416 находились на частновладельческих землях и в своем составе не имели наделных земель (2).

Процесс образования хуторов в Малоярославецком уезде был связан с деятельностью Крестьянского Поземельного Банка, который под хуторские участки продавал принадлежавшие ему земли и выдавал ссуды специально на покупку земли, в рассрочку на 55 лет. Представление о хуторском расселении дает табл.1.

Стр.175.

Табл.1 Хуторское расселение Малоярославецкого уезда (3).

волость, нас.пункт	число хуторов	годы образования
Башмаковская волость		
с. Дольское	50	1910-1917
с. Доброе	31	1910-1917
п. Ушаково	3	1912
Бабичевская волость		
д. Подсосенье	7	1911,1913,1914
с. Иняхино	8	1911,1913,1914
с. Вихляево	2	1911
д. Караськово	7	1913
с. Капурино	7	1913
с. Подполково	11	1913,
д. Станки	16	1914
д. Пышково	1	1915
д. Митрофаново	1	1914
с.Милячкино	2	1916
Детчинская волость		
с. Савиново	8	1911
с. Березовка	6	1911,1912,1916
с. Степачево	2	1912
с. Малахово	3	1914
с. Абилей	4	1915,1916
Неделинская волость		
Слободка	3	1912
Спасская волость		
с. Спасское	34	1909-1914
с. Патрисово	17	1917
Марьинская волость		
с. Афанасово	1	1909
с. Немцово	39	1911,1912,1913,1917
с. Тамирское	3	1912
с. Бородухино	10	1912,1913
с. Андреевское	7	1913

Стр.176.

с. Марьино	9	1914-1916
с. Локонское	2	1915
с. Терентьево	1	1915

Как видно из таблицы, наибольшее количество хуторов образовалось около сел Дольское и Доброе Башмаковской волости, д. Станки в Бабичевской волости, с. Спасское (центр волости) и с. Немцово Марьинской волости. Первые хутора на банковских землях образовались в 1909 г. Но наибольшее количество хуторов образовалось в 1911-1913 гг. Организация их продолжалась до 1917 г.

Хуторское расселение на надельных землях не получило широкого распространения ни в годы Столыпинской реформы, ни позднее. Это связано, прежде всего, с высокой активностью местного населения в отхожих промыслах, отсутствием большого количества крупных населенных пунктов и, как следствие этого, значительной чересполосицей и дальнотемьем (4).

Большую часть населения хуторов составляли не местные жители, а выходцы из западных губерний (5).

Специфика хуторского расселения Малоярославецкого уезда связана с деятельностью Крестьянского Поземельного Банка, который способствовал переселению и слабо затрагивал надельное крестьянское землевладение, поскольку Банк покупал и продавал помещичьи земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной городской переписи 1917 года. Калужская губерния. М., 1919. С.34.

2. Там же. С.45.

3. Составлено по документам Государственного Архива Калужской Области (ГАКО). Ф.530. Оп.1. Д.52. Лл.10б-8, 9-15, 17-19, 21, 24-27, 49-54.

4. ГАКО. Ф.530. Оп.2. Д.32. Л.11.

5. Там же. Оп.1. Д.29. Лл.208-209.

Стр.177.

Л.И. Федорова, В.А. Ткаченко (г. Калуга)

(Федорова Людмила Ивановна - директор Музея прикладного творчества.

Ткаченко Владимир Александрович - зам. директора Музея прикладного творчества)

СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Южные окраины Московских земель образуют причудливые сплетения древних традиций, вековых преданий и тех явлений, которые можно рассматривать уже как современные.

Село Ильинское (по местному — село Рыбное) Овчининской волости раскинулось почти на полпути между Малоярославцем и Медынью. Село считалось большим и имело около сотни добротных домов, расположенных по обе стороны тракта. Для обслуживания проезжающих имелась почтовая станция и почтово-телеграфное отделение. В самом селе перед революцией жили русские, а вокруг бойкого села, как ожерелья, расположились хутора, где хозяйствовали украинцы да латыши. На пригорке устремились в небо купола старой церкви во имя Ильи Пророка, построенной, по преданию, в XV в. Придел во имя св. Владимира был пристроен в XVII в., вероятно, князьями Репниными, род которых

значится в лицевом синодике этой церкви 1717 г. Церковь была одноглавой, с юго-западной стороны к ней был пристроен придел, верх которого увенчан небольшой главкой. К приделу с южной стороны примыкала трехъярусная шатровая колокольня. На ней висели медные колокола, один из которых имел надпись: "7076 (1568) года слеть бысть к св. Богоявлению сей колокол в Старую Русу при царе Иване Васильевиче всея Руси". Звон был слышен далеко по округе, особенно на Пасху, когда ребятам разрешалась трезвонить на радость честному народу, справлявшему Светлый праздник. Около церкви стояла часовня, где оказывали гостеприимство странникам, богомольцам и убогим.

Когда справлялись свадьбы, молодых везли к венцу в церковь на пяти-шести лошадях. Колокольчики звонко гремели на обвитых полотенцами дугах. Жених был в костюме, кожаных ботинках с резинками по бокам. На невесте - фата с восковыми сосульками и цветами. Обязательным элементом, украшающим повозку молодоженов, являлась зеленая елка.

Стр.178.

К тому времени четыре чайных-трактира было на селе. Из них самым уважаемым являлось заведение Зеленина Ивана Ивановича, затем - Михайлова Василия, Тюхтина да Каратаевых. Торговая лавка обеспечивала население повседневно, а в праздники открывали свои прилавки многочисленные торговые палатки с мелким галантерейным товаром.

Для увеселения молодежи строились на масленицу и Троицу карусели, с ледяных горок катались ребята на салазках, присоединялась к ним и молодежь. Солидные люди разъезжали на легких санках, запряженных наряженными лошадьми. Распутин с женой (их еще помнили старожилы) прямо на сани ставил кадушку с тестом и жаровню: пекли блины и угощали честной люд. Аристар с Аристарихой плясали на празднике, увеселяя народ. На Троицу приходили гулять с гармошками, водили хороводы, парни присматривали невест. Детвору баловали свистульками, хозяйки запасались глиняной посудой из желтой и красной глины.

Одноэтажное здание сельской приходской школы, построенное добротнo, с любовью, оживлялось детскими голосами. Здесь дети получали самое необходимое в жизни - знания. Эти знания, соединенные с практикой, позволяли людям зарабатывать местными и отхожими промыслами, так как хлеба, выращенного на земле центрального Нечерноземья, не хватало.

Знаменитый на всю округу кузнец Сахаров Семен Иванович имел кузню с вентилятором на ручном приводе. Он мог делать все, что было необходимо местному жителю, хуторянину и проезжему человеку: ремонтировать плуги и телеги, другой сельскохозяйственной инвентарь (топоры, серпы). Окованные им телеги с санями были легки и прочны. Облуживая жителей села и проезжих, он сам ковал подковы, сам подковывал их лошадей.

Штукель Яков Петрович попал в село Ильинское из Польши, но прижился, построил кузню. Работы хватало и ему.

Две мельницы на реке Вепрейке обслуживали село и окрестности, крупорушка и маслобойка (здесь били масло из конопли и льна).

На окраине села, с северной стороны, раскинулся парк, с липовыми аллеями и большим фруктовым садом, окруженный

Стр.179

елочками. В глубине парка находился деревянный двухэтажный дом с двумя балконами - имение помещика Куртасова. Всю жизнь прожила бездетная чета в фамильном доме. На склоне лет глуховатый хозяин и его жена имели розарий, где лелеяли "цариц цветов", которые белыми и красными лепестками в крепких бутонах склонялись перед ними по утрам; да маленькую собачку, с которой хозяйка дома регулярно ходила на почту.

Хозяйственные постройки, сараи, участки для овощей были далеко в глубине усадьбы. Огород исправно снабжал продуктами хозяев имения и их гостей. Ухоженный парк переходил в лес около: пруда, где можно было найти грибы, насладиться пением птиц, нетронутой природой.

Помещики были образованные люди, знакомые с художниками своего времени, работы которых висели в доме. После отъезда хозяев за границу в грозное время в доме остались шкафы с книгами, картины, розарий, куда ходили местные ребята любоваться диковинными цветами. Остался и дом, который, пережив хозяев, служит жителям села. Он принял в свои комнаты детей, стал их родным домом и школой, но это будет потом, а пока живут люди на своей земле, работают в поте лица и не подозревают, что стоят на пороге "нового времени"...

ПРИМЕЧАНИЯ

Отдельные страницы истории села Ильинского записаны авторами в 1990-91 гг. от старожил: Штукель Марии Яковлевны, Буряниной Марии Тихоновны, Ивановой Марии Сергеевны, Иванова Петра Трофимовича.

Стр.180.

Т.А. Морева (г. Калуга)

(Морева Татьяна Алексеевна — зав. отделом архивных фондов общественно-политических организаций и движений Государственного архива Калужской области)

БОРОВСКИЙ УЕЗД В 20-е гг. XX в.

Обзор документов по фондам Боровского уездного комитета РКП(б) и Боровского волостного комитета РКП(б)

Во всем многообразии жизнь города Боровска и в целом уезда в 1920-х гг. отражена в документах фондов "Боровский уездный комитет РКП(б) за 1918-1924 гг." и "Боровский волостной комитет ВКП(б) Малоярославецкого уезда за 1922-1924-1929 гг." Фонды содержат небольшое количество дел. Так, в фонде Боровского укома сохранилось семь дел общего делопроизводства с общим количеством листов 1098 по описи №1,3,4 и 6 личных дел ответственных работников по описи №2, а в фонде Боровского волкома - 3 дела общего делопроизводства с общим количеством листов 861 и 5 личных дел ответственных работников по описи №1 (1).

Документы, хранящиеся в этих фондах, дают представление о политической жизни, возникновении и становлении новых структур власти, отражают сложные процессы первых социальных преобразований, а также создания волостных партийных ячеек, уездной и городской партийных организаций.

Фонд Боровского уездного комитета РКП(б) включает документы за 1918-1924 гг. Это, в основном, протоколы уездных съездов, партийных конференций, общих собраний Боровской партийной организации, протоколы заседаний бюро, президиума уездного комитета, а также мандаты, удостоверения, списки делегатов партконференций, информационные отчеты, доклады и переписка с губернскими и уездными организациями.

За 1918 г. сохранились: протокол 1 уездного съезда, 15 протоколов общих собраний, 5 протоколов заседаний бюро Боровской организации РКП(б), а также 4 протокола объединенных заседаний членов Боровского уездного исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов и членов Боровской организации РКП(б).

Стр.181.

Наиболее ранним документом является протокол №1 от 17 февраля 1918 г. первого организационного собрания фракции Боровской организации РСДРП, на котором присутствовали 42 человека и были избраны руководители фракции: Петров Т.В., Иванов З.И. Голубев М.А., а также представители в президиум Совета крестьянских депутатов: Иванов З.И., Петров Т.В., Блинов М.С., Голубев М.А., Михлин Н.В. (2).

Последующие протоколы общих собраний Боровской партийной организации с марта по декабрь 1918 г. отражают сложный период работы организационного бюро по созданию уездной партийной организации, налаживанию связей с губернским партийным центром, с президиумом уездного исполкома, отношения с которыми складывались непросто: так, оргбюро не раз получало отказ в материальной поддержке и в выделении комнаты для канцелярии, партийной библиотеки. Оргбюро приходилось преодолевать раздоры, непонимание, чтобы сплотить и самих членов партии; на общих партийных собраниях постоянно ставились вопросы партийной дисциплины, шел оживленный обмен мнениями о том, каким должен быть член партии; обсуждались вопросы обязательной работы членов организации в селах, деревнях, об обучении военному делу, об устройстве общежития и политического клуба, а также приема и исключения членов партии.

Наиболее насыщенным источником информации является протокол I съезда коммунистических организаций Боровского уезда, состоявшегося 23-24 декабря 1918 г. (3). На I съезде присутствовали представители волостных партийных организаций, созданных менее чем за полгода: Тарутинской, Асеньевской и фракции Боровского исполкома. В докладе председателя бюро Гусева дан подробный отчет о первых шагах организации, когда в партию записывались все, кто хотел, и число членов в начале апреля 1918 г. достигало 79 человек, и об упорной борьбе по сплочению рядов (так, к концу апреля после перерегистрации осталось 20 человек, на момент же съезда организация вновь увеличилась до 70 человек в г. Боровске, а с волячейками до 125 человек), и о проведении в жизнь декретов партии по борьбе с хозяйственной разрухой, голодом, по организации комитетов бедноты и работы продотрядов. Также имеются сведения о подавлении

Стр.182.

контрреволюционного мятежа в ноябре 1918 г., вспыхнувшего в Серединской волости и распространившегося на Ильинскую и Никольскую волости.

В докладе освещаются вопросы установления взаимоотношений с уездным исполкомом, отмечается налаживание контакта в работе, введение в практику назначения ответственных работников и заслушивания их отчетов на общих партийных собраниях. В материалах к протоколу I съезда уездной партийной организации имеются доклады заведующих отделами уездного исполкома, выступавших на съезде, в которых содержатся интересные сведения о структуре, функциях, задачах и первых этапах деятельности новых органов советской власти.

Так, были заслушаны отчеты о работе:

- отдела труда, главной задачей которого было объединение рабочих и служащих в профессиональные союзы, защищавшие их права (к концу 1918 г. в уезде уже были объединены рабочие трех работавших тогда текстильных фабрик в "Союз текстильщиков", а рабочих четырех заводов кожевенной промышленности объединили с Московским профсоюзом кожевников, были созданы также "Союз советских служащих" и "Союз служащих крестьянских учреждений"); сделаны первые шаги к социальному обеспечению рабочих, принято обязательное постановление о страховании рабочих от безработицы, по которому каждый предприниматель обязан был отчислять в кассу безработных 4% за каждого рабочего;

- отдела социального обеспечения, в котором даны цифровые денежные отчеты о пособиях, выданных семьям солдат, в размере 347935 руб. и др.;

- отдела народного образования, в котором отмечалось, что в 1918 г. в уезде функционировало 84 школы, где обучалось 5970 человек; число учащихся по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 570 человек, содержание каждой школы обходилось более чем в 10 тыс. руб., одного ученика - приблизительно 157 руб.46 коп.;

- земельного отдела, в котором дан подробнейший анализ с цифровыми данными, денежными отчетами всех подотделов: текущей земельной политики, землемерно-технического, агрономического, ветеринарного, дорожно-строительного, лесного и бюро

Стр.183.

по организации трудовых сельскохозяйственных коммун. Особое внимание подотдела по текущей земельной политике было обращено на конфискацию бывших помещичьих, частных владений: церковных и монастырских земель. Так, в уезде было конфисковано 74 имения с общим количеством земли - 24.402 десятины. Проводилась работа по распределению покосов между нуждающимися, а затем - по уборке урожая на конфискованных землях и выдаче его нуждающимся на семена.

Интерес представляют доклады-отчеты о работе медика санитарного отдела, райпродкома, о деятельности Боровского уездного совета народного хозяйства и Боровской уездной милиции.

За 1919 г. сохранились: протокол 3-го уездного съезда Боровской организации РКП(б) от 13 апреля 1919 г. (4), протокол 5-й уездной партконференции от 23-25 ноября 1919 г. (5) и 28 протоколов общих собраний Боровской организации РКП(б) с 23 января по 29 декабря 1919 г. (6), 5 протоколов заседаний уездного комитета от 21, 22 января, 1 июля, 30 сентября, 13 октября 1919 г. (7), 1 протокол общего собрания Боровской городской организации РКП(б) от 8 января 1919 г. (8), 3 протокола заседаний городского комитета Боровской городской организации РКП(б) от 11 января, 27 января, 4 февраля 1919 г. (9).

На партийных собраниях и заседаниях уездного комитета партии в 1919 г. рассматривались сложные задачи экономического положения в уезде в условиях гражданской войны:

- отсутствие сырья, топлива, сокращение производства;
- постоянные мобилизации коммунистов на фронты гражданской войны (так, к июню 1919 г. 50% Боровской городской партийной организации были уже на фронте и ставился вопрос о мобилизации коммунистов в волячейках);
- организация всесторонней помощи фронту, семьям красноармейцев;
- борьба с дезертизмом, организация отрядов особого назначения, проведение ударных недель топлива по подвозке дров железной дороге, организация субботников.

В центре внимания партийных собраний были также вопросы внутрипартийной жизни:

- дальнейшее укрепление партийных рядов, партийной

Стр.184.

дисциплины (так, в начале 1919 г. в уездной организации образовалась группировка, недовольная перемещением должностей в уездисполкоме и выражавшая недоверие уездному партии). Конфликт был улажен с помощью представителя губкома партии) (10);

- проведение перерегистрации членов партии, прием в партию в период партийной недели; реорганизация партячеек;
- вовлечение в общественную жизнь молодежи;
- установление тесных контактов с Боровским союзом молодежи, обязательное вступление всех членов партии до 23 лет в Союз РКСМ, проведение празднования дня Красной Молодежи;

- организация агитационно-массовой работы в деревне, проведение митингов, бесед, разъясняющих значение коллективного труда.

В протоколах партийных собраний имеются также следующие доклады, отчеты:

- о работе райпродкома по проведению продразверстки, реквизиции скота;

- о работе уездного совнархоза, при участии которого уже в апреле 1919 г. работали 150 станков в текстильной отрасли, вырабатывалось 40 тыс. платков, пущено 7 кирпичных заводов, произведена муниципализация торговли, обследованы мельницы, взяты на учет кузницы;

- о работе уездного военкома, организации переучета мужского населения в возрасте с 18 до 40 лет, -

- о работе уездной милиции, штат которой к декабрю 1919 г. состоял из 82 человек, из них - 12 конных милиционеров (все милиционеры были членами партии, как ни в одном другом уезде Калужской губернии). При городской милиции было организовано общежитие на 30 человек. Ежемесячно отмечалось по уезду около 30 происшествий.

Несмотря на все сложности военного времени, на общем собрании 23 октября 1919 г. рассматривался вопрос о музее в доме Глухарева по Калужской улице. Было решено поручить политпросвету и отделу народного образования принять музей Глухарева на свой бюджет (11).

За 1920 г. сохранились: протоколы 6-й уездной партийной

Стр.185.

конференции от 10 февраля 1920 г. (12) и 8-й уездпартконференции от 1 сентября 1920 г. (13), 23 протокола заседаний уездного комитета со 2 января по 13 мая 1920 г. (с 13 мая до января 1921 г. протоколы на хранение не поступали) (14), 5 протоколов общих собраний Боровской городской организации с 24 июня по 9 сентября 1920 г. (15).

В протоколе 6-й и 8-й уездных партконференций и отчетах уездкома анализировались вопросы качественного и количественного состава уездной партийной организации (так, в феврале 1920 г. Боровская городская организация насчитывала 89 человек и 15 партячек с количеством 129 человек, всего по уезду - 218 человек), а также ставился вопрос укрепления партийной дисциплины и необходимости политического просвещения членов партии.

Интерес представляют информационные доклады о работе волостных ячеек на 8-й уездной партийной конференции, в которых говорится о трудностях партийной работы на местах по проведению в жизнь мероприятий рабоче-крестьянской власти, о совместной работе с волисполкомами, их задачах, функциях и практической работе.

В протоколе 6-й конференции имеются сведения о создании Боровской уездной организации РКСМ, которая к 1 января 1920 г. насчитывала 82 человека, в основном, рабочих.

Сохранившиеся протоколы заседаний уездкома в 1920 г. дают представление о буднях организационно-партийной работы: это изучение циркулярных распоряжений Калужского губкома, подготовка и проведение различных мероприятий: недель "Трудового фронта", "Крестьянина", "Союза молодежи", субботников, волостных беспартийных конференций, волостных съездов работниц и крестьянок, прием и утверждение членов партии, разбор заявлений и проступков членов партии, заслушивание отчетов о работе отделов уездного исполкома и др.

В имеющихся документах можно проследить процесс формирования аппарата уездкома. Так, сохранившиеся ведомости на выдачу зарплаты сотрудникам за июнь-сентябрь 1920 г. позволяют определить следующую структуру аппарата (16):

1. Председатель уездкома.

2. Секретарь уездкома.

Стр.186.

3. Зав.отделом по работе в деревне.
4. Зав.отделом по работе среди женщин.
5. Волостные организаторы по работе в деревне (2 чел.).
6. Делопроизводитель.
7. Машинистка.
8. Рассыльный.

За 1921 г. сохранились: протоколы 11-й уездной партконференции от 9 июля 1921 г. (17), протокол (без номера) уездпартконференции от 15 ноября 1921 г. (18), протокол уездного совещания (без номера) от 3 сентября 1921 г. (19), 46 протоколов заседаний уездного комитета и его президиума с 1 января по 1 декабря 1921 г. (20), 12 протоколов общих собраний Боровской городской организации с 27 января по 22 июня 1921 г. (21).

В протоколах уездных конференций за 1921 г. освещены главные вопросы, связанные с переходом к НЭПу. Насущные вопросы жизни деревни, то есть вовлечение крестьянства в хозяйственное строительство и оказание ему конкретной помощи по вовлечению в различные формы кооперации стояли в центре деятельности уездной партийной организации.

На заседаниях уездного комитета (один раз в неделю) и его президиума (2 раза в неделю) рассматривались следующие вопросы:

- о проведении в жизнь продналога, о мобилизации коммунистов на разъяснительную работу в деревню и для работы продинспекторами;
- о чистке партии;
- о состоянии фабрик, в частности, бывшей Ермолинской мануфактуры;
- о проведении субботника для Кривского детского дома;
- о проведении посевной кампании;
- о помощи голодающим Поволжья. (Всем коммунистам предписывалось отчислить по 2 фунта с пуда собранного урожая со своих участков);
- утверждение характеристик ответственных работников, об их перемещениях;
- о профессиональном движении в уезде;
- о работе уездного женотдела.

За 1922 г. сохранились: протокол 13-й уездпартконференции

Стр.187.

(без даты) (22), протокол 14-й уездпартконференции от 3 октября 1922 г. (23), 21 протокол заседаний президиума уездного комитета с 27 января по 8 октября 1922 г. (24), 47 протоколов заседаний уездного комитета с 3 января по 27 декабря 1922 г. (25), 37 протоколов собраний Боровской городской организации РКП(б) и совместных собраний с городской организацией РКСМ с 11 января по 1 декабря 1922 г. (26), 1 протокол совещания членов и секретарей волячеек при укоме от 18 декабря 1922 г. (27). 1 протокол общего собрания волостных партийных организаций от 22 сентября 1922 г. (28).

В отчетных докладах 13-й и 14-й уездпартконференций раскрываются первые итоги проведения НЭПа, дается характеристика экономического положения уезда и перспективы его развития, анализируется состояние внутривластной и организационной работы уездкома: руководство и контроль за работой советских органов, проведение различных кампаний, работа в профсоюзах, работа орготдела и агитотдела, женотдела. К протоколу 14-й конференции прилагается текст приветственной телеграммы В.И.Ленину с пожеланиями скорейшего выздоровления (29), а также анкетный лист делегатов конференции с указанием возраста, образования, профессии.

В центре внимания собраний Боровской городской партийной организации в 1922 г. были следующие вопросы:

- укрепление связей с комсомольской организацией (так, в практику вошло проведение совместных собраний, "недель сближения с комсомолом");

- деятельность уездкома в связи с чисткой партии, так как выбыло 32 товарища, среди которых много было и ответственных работников;

- о партийном просвещении, коммунистическом воспитании молодежи;

- о работе в кооперации, профсоюзах.

Следует особо отметить протокол общего волостного партийного собрания от 22 сентября 1922 г., на котором были обсуждены вопросы морали и партийной этики, особенно проблема борьбы с пьянством (30).

За 1923 г. сохранились следующие документы: протокол 15-й

Стр.188.

уездной партийной конференции от 14 марта 1923 г. (31), протокол 14-й уездной партийной конференции от 13-14 октября 1923 г. (32), 27 протоколов заседаний уездного комитета с 9 января по 6 декабря 1923 г. (33), 23 протокола заседаний бюро уездного комитета с 7 февраля по 11 декабря 1923 г. (34), 30 протоколов общих собраний Боровской городской партийной организации с 4 января по 6 декабря 1923 г. (35) и протокол совещания секретарей сельских ячеек и членов РКП(б), работающих в волостях от 13 мая 1923 г. (36).

В протоколах 15-й и 16-й уездпартконференций отразился дальнейший этап напряженной борьбы за восстановление хозяйства, рассматривались очередные задачи в области партийного строительства, особое внимание было обращено на работу среди членов РКСМ и в профсоюзах.

На заседаниях бюро уездного комитета, общих собраниях Боровской городской организации все большее внимание уделялось агитационно-массовой, пропагандистской работе, ударной выделялась работа по партийному просвещению, организации школ политграмоты, работе партийных клубов, проведению таких кампаний, как "Комсомольское Рождество", "Комсомольская Пасха", политической подготовке шкрабов, организации празднования 25-летнего юбилея РКП(б), 6-летнего свержения царизма, Дня Парижской коммуны и т.д.

В практику работы стало входить проведение совещаний сельских секретарей партячеек, на которых осуществлялось инструктирование партийного актива. Так, на совещании 13 мая 1923 г. рассматривался вопрос об усилении работы в деревне, укреплении связи с беспартийным крестьянством, так как чтобы завоевать доверие крестьян, нужно быть в курсе всех их проблем. Поэтому каждый член партии обязан был взять шефство над деревней и помогать какой-либо сельской ячейке.

Коммунисты Боровской партийной организации принимали участие и в общепартийных дискуссиях, о чем свидетельствует протокол общего собрания Боровской городской организации с присутствием членов РКП(б) волостных ячеек от 24 декабря 1923 г. На нем обсуждались новые задачи внутрипартийной жизни, статья Зиновьева "О новых задачах партии". В принятом постановлении одобрялись первые шаги по введению внутрипартийной

Стр.189.

демократии, подчеркивалась вредность назначенства, развивающего безответственность перед массами, бюрократизм и прислужничество.

За 1924 г. сохранились 4 протокола заседаний уездного комитета - с 9 января по 22 февраля (37), 4 протокола заседаний бюро уездного комитета со 2 января по 19 февраля (38), 3 протокола общих собраний Боровской городской организации РКП(б) и РКСМ (16 января, 7 февраля, 21 февраля) (39), 28 протоколов заседаний Боровского волостного комитета партии с 24 марта по 31 декабря 1924г. (40), 16 протоколов общих собраний Боровской волостной организации (41).

В центре внимания общих партсобраний Боровской городской организации в начале 1924 г. были вопросы, связанные со сложной экономической ситуацией: несоответствием цен на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары ("ножницы"), ухудшением политического настроения крестьянства в деревне, обсуждались задачи дальнейшего и всестороннего развития кооперации, повышения производительности труда в сельском хозяйстве, укрепления союза рабочих и крестьян.

На заседаниях уездного комитета в 1924 г. обсуждались: секретный циркуляр губкома партии от 4 января 1924 г. с предложением принять решительные меры борьбы с излишествами и незаконным использованием служебного положения членами партии, телеграмму из Москвы о внезапной кончине В.И.Ленина и последующие траурные мероприятия, а также циркуляр губкома партии по поводу предстоящего административно-экономического районирования и изменения партаппарата.

22 февраля 1924 г. состоялось последнее заседание уездкома, на котором постановили в связи с ликвидацией Боровского уезда организовать волостной комитет РКП(б), так как на территории уезда оставались 4 ячейки (государственной текстильной фабрики, кожзавода, ячейки Тишинской фабрики, Балабановской и Белоусовской фабрик), отдаленные от центра - Малоярославецкого укома РКП(б), и оставить при волкоме одного ответственного партработника, тов. Синицина, на содержании губкома партии.

Документы последующего периода (с марта 1924 г. по 1929 г.) хранятся в фонде Боровского волостного комитета РКП(б). В нем

Стр.190.

отложились следующие документы: протоколы заседаний Боровского волостного комитета партии, протоколы волостных партийных собраний, городских партийных собраний, собраний фабричных ячеек РКП(б).

На заседаниях Боровского волкома РКП(б), проходивших с 22 марта по 31 декабря 1924 г., рассматривались самые разнообразные вопросы, касающиеся насущных проблем во многих сферах жизни:

- о работе производственного комитета 1-й Боровской артели инвалидов-пищевиков "Новый свет" и Боровского сельскохозяйственного товарищества "Красная Новь";
- о работе общего отдела Боровского волисполкома по распределению жилья, выдаче ордеров, сбору квартплаты, по благоустройству города и работе бани, о состоянии городской пожарной команды;
- о положении в городской больнице;
- о состоянии дел в Боровской уездной милиции и в Боровском исправительно-трудовом доме;
- повседневные вопросы организационно-партийной работы: прием и исключение членов партии, разбор заявлений, жалоб, организация работы ячеек на фабриках, ликвидация неграмотности среди членов партии, проведение разъяснительной кампании по единому сельскохозяйственному налогу среди крестьянства, устройство памятника Ленину в г. Боровске и сбор добровольных пожертвований, о работе с комсомольцами и юными пионерами.

В фондах Боровского уездного комитета РКП(б) и Боровского волкома РКП(б) имеются личные дела ответственных работников и дела по приему в партию.

В личных делах сохранились интересные виды документов: заявления о приеме в кандидаты и члены партии 1922-1924 гг., анкеты Всесоюзной переписи членов РКП(б) (1922 г.), личные листки для кандидатов в члены партии, анкеты для кандидатов Ленинского набора, анкеты для переучета палитграмотности членов Калужской губернской организации РКП(б). личные регистрационные карточки членов партии, личные листки по учёту кадров 20-х годов, характеристики, заключения с присвоением группы ответственных работников.

Стр.191.

В материалах этих фондов содержатся сведения о количественном и качественном составе, о функциях и задачах, о первых этапах деятельности партийного и советского аппарата, о практике назначения, перемещения ответственных работников. Исследователю все это может позволить изучать вопросы кадровой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАКО. Ф.П-1211. Боровский уездный комитет РКП(б) за 1918-1924 гг. Оп.1. Д.1-5; Оп.2. Д.1-6; Оп.3. Д.1; Оп.4 Д.1; Ф.П-1210. Боровский волостной комитет РКП(б) Малоярославецкого уезда за 1924-1929 гг. Оп.1 Д.1-8.

2 Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Л.1.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Лл.1-53.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.59.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.2. Л.17; Д.3. Л.75.

Ф.П-1211. Оп.1. Д. 1. Лл.45-78; Д.2. Лл.6-7.

Ф.П-1211. Оп.1. Д. 1. Л.44, 56; Д.2. Л.4, 5, 11.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.2. Л.2.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.2. Л.2, 8, 9.

10. Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Л.45.

11 Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Л.72.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.81.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.105.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Л.1-36.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Л.29-34.

Ф.П-1211. Оп.3. Д.1.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.140-149.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Лл.165-179.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Лл.152-158.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Лл.37-54, 62-101.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Лл.87-110.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.160.

Ф.П-121; Оп.1. Д.3. Лл. 182-204-206.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Лл.105-128.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Лл.129-193.

Стр.192.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Лл.111-190; Д.4. Л.122, 142.

Ф.П-1211 Оп.1. Д.3. Л.231.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Л.172.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.225.

Ф.П-1211-Оп.1. Д.1. Л.172.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Лл.237-242.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.243-255.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Л.230-260.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Л.196-229.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Лл.192 и след.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Л.229.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Л.272-275.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.4. Л.268-271.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.1. Лл.265-268, 270-271.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.1-92.

Ф.П-1211. Оп.1. Д.2. Л.1-299.

Стр.193.

Е. В. Цветкова (г. Боровск)

(Цветкова Елена Владимировна - научный сотрудник Боровского историко-краеведческого музея — филиала ГУК «КОКМ»)

ОРДЕНА И МЕДАЛИ ВЕТЕРАНОВ

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФОНДАХ БОРОВСКОГО МУЗЕЯ

В фондах Боровского музея собран материал по боровчанам - участникам Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В коллекции "Боевые и трудовые награды ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг." на 15 апреля 1997 г. числятся 21 орден, 107 медалей, 35 значков.

В коллекцию входят: дубликат медали "Золотая Звезда" (1); ордена СССР орден Ленина (1), орден Знак Почета (1); ордена за заслуги в защите социалистического Отечества и другие военные заслуги, орден Красного Знамени (2), орден Красной Звезды (11), орден Славы 111 степени (1), орден Отечественной войны 1941-1945 гг. I степени (3), орден Отечественной войны 1941-1945 гг. II степени (2); медали за трудовые заслуги. "Ветеран труда" (1), "За трудовую доблесть" (1); медали за заслуги в защите социалистического Отечества: "За отвагу"(3), "За боевые заслуги"(7), "За отличие в охране государственной границы СССР"(1); медали за заслуги и отличия в период Великой Отечественной войны, в обороне, взятии и освобождении городов и территорий. "За оборону Москвы" (5), "За оборону Ленинграда" (2), "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." (11), "За победу над Японией" (2), "За оборону Кавказа" (1), "За взятие Кенигсберга" (1), "За взятие Берлина" (3), "За освобождение Варшавы"(1), "За освобождение Праги" (1), "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." (5); медали для награждения в связи с важными юбилейными датами в истории советского народа: "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина" (8), "20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг." (13), "30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."(8),

Стр.194.

"40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." (2), "40 лет Вооруженных Сил СССР" (1), "50 лет Вооруженных Сил СССР" (15), "60 лет Вооруженных Сил СССР" (7), "70 лет Вооруженных Сил СССР" (2), "20 лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии" (1), "30 лет Советской Армии и Флота" (1), "Г.К.Жуков. В ознаменование 100-летия со дня рождения Г.К.Жукова" (1), "В память 800-летия Москвы" (1), "В память 250-летия Ленинграда"(2); **нагрудные знаки:** "Гвардия"(4), "Гвардия. Ельня 1944."(1), "25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг."(11), "Ветеран войны" (1), "Ветеран Невской Дубровки" (1), "30 лет освобождения УССР 1944-1974" (1), "Победитель социалистического соревнования" (1), "Депутат Верховного Совета РСФСР" (3), "За отличие в службе ВВ МВД" , (1), "От Вооруженных сил" (1), "50 лет ВВ Академии им.Жуковского" (1), "Отличник просвещения" (1), "За 15-летнюю выслугу в Советских вооруженных силах" (1), "Народное ополчение Москвы" (1), "Дивизия им.Дзержинского" (1), "Ветеран 163-й Роменско-Киевской дивизии" (1), "Отличник финансовой работы" (1), "50 лет Госстрахования" (1), "Депутат райсовета" (1), медальон "30 лет освобождения Украины" (1).

Коллекция сложилась из наград 26-ти фронтовиков Великой Отечественной войны. Это Ольшук А.В., Корзов А.К., Козюлин Н.С., Сухинин П.С., Кузин А.Н., Берзин В.Д., Юханов З.В., Святополков П.А., Голубев К.А., Чухров Н.А., Логунов В.В., Логунова И.А., Тарасов М.В., Ларионов Е.Г., Носов Ф.С., Поминов И.М., Федоров С.К., Уточкина Е.С., Чижевская Т.С., Жданова М.Ф., Андреев П.М., Смородин Г.Г., Абрамов Д.М., Рыбалко М.И., Володин А.К., Рябинкина М.М. Кроме того, в фондах музея хранятся награды, переданные Фирсовой А.Г., Пехтерс С.С., Романовой О.И., Орловым Р., Фомичевым И.

Медалью "Золотая звезда" был награжден Герой Советского Союза Кузин Алексей Николаевич (1923-1982гг.), депутат Боровского райсовета, член райкома КПСС, он многие

годы работал заведующим райфо Боровского райисполкома. За героическое выполнение боевого задания при форсировании Днепра и освобождении Правобережной Украины младший лейтенант Кузин Алексей Николаевич Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1943г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

Стр.195.

Орденом "Знак Почета" была награждена Жданова Мария Филипповна (1921-1996 гг.). С 1942 по 1945 гг. она воевала в войсках ПВО Западного и Северного фронтов. После победы над Германией преподавала в Боровском сельскохозяйственном техникуме. В 1950-1960 гг. Мария Филипповна находилась на ответственной работе в РК ВКП(б) (затем - РК КПСС). Была директором, преподавателем истории и обществоведения в Боровской школе №2. В 1969-1976 гг. она занимала должность секретаря Боровского РК КПСС по идеологии. В 1977 г. возглавила общественный Совет музея Боевой Славы в г. Боровске.

Участник двух войн (гражданской и Великой Отечественной), подполковник запаса пограничных войск Ольшук Александр Викентьевич награжден орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени, медалями "За оборону Москвы", "За взятие Кенигсберга". Он прошел путь от рядового до командира полка. Более четверти века был чекистом. Участвовал в охране Берлинской конференции Глав правительств Великобритании, США, СССР.

Сморозин Г.Г. был награжден орденом Боевого Красного Знамени в годы гражданской войны в 1921 г. за подавление Кронштадского мятежа. В годы Великой Отечественной войны воевал на 1-м Белорусском фронте. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной Войны II степени. В послевоенные годы работал на ответственных административно-хозяйственных должностях в г. Боровске.

Юханов Захар Васильевич (1898-1947 гг.) - также участник двух войн. В 1917-1919 гг. воевал с белогвардейцами на Южном фронте. С 1941 по 1946 гг. участвовал в Великой Отечественной войне и в войне с японскими милитаристами на Дальнем Востоке. За это был награжден медалями "За победу над Германией" и "За победу над Японией". В г. Боровске Захар Васильевич проживал с 1932 г., был председателем райпотребсоюза, управляющим конторой "Заготскот", заведующим отделом местной промышленности.

Двумя орденами Славы (II и III степеней), а также многими медалями отмечена солдатская доблесть Корзова А.К. (1909-1987 гг.), который с боями прошел от Смоленска до Подольска. В качестве наводчика орудия оборонял Сталининград, громил окруженную группировку Паулюса. Воевал на Украине, Белоруссии, Польше. Участвовал в штурме Берлина.

Стр.196.

Четырьмя орденами Красной Звезды, медалями "За освобождение Праги", "За взятие Берлина" и многими другими награжден Сухинин Павел Степанович, воевавший на Западном фронте.

Воевал на Западном фронте, освобождал Белоруссию, Польшу, Германию Поминов Иван Михайлович, награжденный орденом Красной Звезды, медалью "За победу над Германией".

Воинская доблесть Святополкова Петра Александровича, участвовавшего в боях на Невском плацдарме в составе 138-й артбригады, отмечена медалями "За отвагу", "За оборону Ленинграда", орденом Красной Звезды.

На Боровской земле воевал Рыбалко М.И. (1899-1967гг.). В довоенные годы (с 1934 г.) он был начальником школы-колонии для несовершеннолетних на территории Пафнутьев-Боровского монастыря, с 1935 г. - преподавал в Боровском техникуме им. Калинина. С первых дней войны Михаил Иванович - боец Боровского истребительного батальона, принимал участие в боях при обороне Боровска, затем воевал в составе

Подольского отряда на территории Наро-Фоминского района. 7 ноября 1941 г. участвовал в параде на Красной площади в Москве. За боевые заслуги Рыбалко М.И. награжден орденом Красной Звезды, медалью "За оборону Москвы" и др.

Ларионов Евгений Григорьевич (1901-1982 гг.) также участвовал в боях за г.Боровск в составе 1289-го полка 110-й СД защищал в тяжелых боях Москву. С 1942 г. Ларионов Е.Г. воевал на Ленинградском, Волховском, Сталинградском фронтах, Курской дуге, освобождал Польшу. Награжден орденом Красной Звезды, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги".

Медальями "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." награждены Чухров Николай Алексеевич, воевавший под Москвой, на Калининском и Прибалтийском фронтах, Козюлин Никита Степанович - сержант санитарной роты 1268-го стрелкового Ломженского полка, который принимал участие в форсировании р.Днепр, сержант Андреев Михаил Васильевич, воевавший в танковых войсках на Калужской земле, Калининском фронте.

Стр.197.

Трудовая деятельность Федорова Сергея Константиновича (1911- 1972 гг.) отмечена медалью "За доблестный труд". С 1928 г. - член Боровского райкома ВЛКСМ, с 1930 г. возглавлял районную комсомольскую организацию. В годы Великой Отечественной войны был штурманом эскадрильи, комиссаром истребительного полка, участвовал в разгроме японских милитаристов на Дальнем Востоке. В звании генерал-майора работал в системе Главного Политического управления Советской Армии и Флота. Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями.

Медалью "За трудовую доблесть" отмечен Логунов Василий Васильевич, многие годы избиравшийся депутатом Боровского городского совета депутатов трудящихся, возглавлявший Совет по туризму и экскурсиям Калужской области.

Ордена и медали ветеранов бывают представлены практически на всех выставках, посвященных Великой Отечественной войне.

Стр.198.

РА Узиков (г.Балабаново)

(Узиков Ракиб Абубакирович – краевед)

ГЕНЕРАЛ ОТ АРТИЛЛЕРИИ

Николай Смолин с грустью смотрит на старые фотографии, запечатлевшие их, одноклассников, и с теплотой называет имена друзей своего детства: Веру и Таню Колышкиных, Зину Гольдину, Лиду Иванову. Мишу Дешина, Алика Ягодина. Многие из друзей погибли - Паша Хрусталева, Толя Чижики, Ваня Бондарев, Петя Наноев, Петя Солодников, Коля Попов, братья Володя и Коля Максимовы.

- "Иных уж нет, а те далече..." - проговорил Николай Ильич, - казалось бы, с годами память о них должна померкнуть, но не тут-то было - они, как живые, как в детстве, возникают в памяти и становятся еще дороже и ближе... Осенью сорокового года, помню, когда нам, мальчишкам, вручали повестки, призывающие в РККА, мы решили сделать прощальный вечер. Только, беда, денег у нас не было, а родители тоже не могли помочь - все жили бедно. Тогда пошли в родную школу к директору. Виктор Прохорович Преснов - милейший человек - понял нас и велел завхозу школы дать нам работу - распилить тридцать кубометров дров. Мы с радостью согласились, так как понимали, что как бы отдавали школе на прощание свой сыновний долг. Виктор Прохорович щедро заплатил нам, и этих денег хватало на проведение вечера.

Ну а что это был за вечер - каждый помнит. Как в той песне - "Не повторяется, не повторяется, не повторяется такое никогда!" Он получился веселым, с грустинкой и даже

со слезами, ибо мальчики и девочки вдруг осознали, что детство кончилось и рвется какая-то сердечная нить, от чего тревожно заныло в груди...

Энергичный, жизнелюбивый генерал-отставник в свои 72 года выглядит моложаво. Очень дружен со спортом, занимается йогой. Кабинет, куда провел меня Николай Ильич, уставлен книжными полками, где собраны книги и художественные, и технические - по артиллерийскому делу. А целая стена занята

Стр.199.



Н.И.Смолин.

Стр.200.

полками, на которых памятные подарки, адреса, грамоты и благодарственные приветствия, скопившиеся в достаточном количестве за долгую службу. А началась она в годы Великой Отечественной войны.

- На Волховский фронт я прибыл 5 декабря 1941 года, - продолжил свой рассказ Николай Ильич, - в чине младшего лейтенанта, и попал в 561-й артиллерийский полк резерва Главного командования, где стал командовать взводом 4-й батареи. Батарея, можно сказать, была интернациональной. Старшим офицером служил прибывший из запаса младший лейтенант Гурович, музыкант по профессии, по национальности еврей. Один расчет целиком состоял из татар, командовал батареей донской казак - старший

лейтенант Бабкин. Наш арtpолк участвовал в боевых действиях по освобождению Малой и Большой Вишеры, что на Октябрьской железной дороге.

Николай Ильич, так там же воевал мой брат и погиб возле Чудова. Его похоронили в д.Спасская Полисть 5 октября 1942 г.

Да что вы?! Мы, оказывается, воевали в одной 52-й армии! Помню, какие вели тяжелые бои при форсировании р. Волхов, в районе д. Ямно, а затем и в прорыве вражеской обороны под деревней Мясной Бор, что рядом с д.Спасская Полисть.

Командование батареи ко мне относилось благожелательно, и вскоре мне присвоили звание лейтенанта, а затем и старшего лейтенанта. В этом, очевидно, помогла служба простым красноармейцем на Дальнем Востоке в 65-м гаубичном полку резерва Главнокомандующего. В полку нас научили мужественно переносить все тяготы воинской службы: не спать по несколько суток, быстро зарываться в землю, передвигаться только бегом, как в гарнизоне, так и на учениях, выживать в экстремальных условиях.

Эта закалка помогла преодолеть все тяготы войны, и командование часто поручало мне выполнять самые трудные задания. Так, в 1942 г., когда наш полк участвовал в боях по форсированию Волхова и необходимо было перекрыть шоссе Чудово-Новгород, чтобы не дать немцам прорваться на нашем участке и начать окружение 2-й Ударной, командир полка приказал поставить мощные 152-миллиметровые орудия на прямую наводку для

Стр.201.

уничтожения прорывавшихся танков и пехоты противника. Более двух недель стояли наши орудия вдоль шоссе. Немцы так и не решились атаковать наши войска в этом направлении. Нас прозвали смертниками, потому что было приказано биться до последнего снаряда, патрона и солдата. Но все обошлось благополучно: противник изменил направление своего удара.

В феврале 1942 г. я принял командование 4-й батареей в звании старшего лейтенанта. Как-то нас, командиров батарей, вызвали на совещание к командиру полка майору Погонову. Мы шли втроем: старший лейтенант Бурков - замкомандира 5-й батареи, чуть сзади старший лейтенант Поносов Виктор, за ним, поотстав, шагал я. Немцы, пристрелявшись к строящемуся дзоту, где собралась большая группа воинов, ударили прямой наводкой из зенитных орудий. Снаряд, перелетев через дзот, угодил как раз между Бурковым и Поносовым. Оба погибли, а меня тяжело ранило. Я пролежал в полевом госпитале полтора месяца и вернулся в свой полк. Командир полка майор Погонов сказал мне по возвращении, что я родился в рубашке. Я ответил ему, что это - Божье предопределение и что Бог меня бережет. Рассказал, как мы, двое малышей, чуть не утонули в реке Наре и чудом спаслись.

Второе ранение я получил в январе 1944 г. в боях по окончательному снятию блокады Ленинграда. При перемене позиции наших батарей одно орудие наскочило на мину. Произошел взрыв. Когда я подошел, чтобы оценить ситуацию, раздался второй взрыв. Это взорвалась противопехотная мина. Меня обдало грязью, снегом, обожгло плечо. В госпиталь я не пошел. Мне оказал первую помощь мой ординарец ефрейтор Федющенко Николай, с которым я не расставался до конца войны...

После снятия блокады Ленинграда Н.И.Смолин участвовал в освобождении города Мга, именем которого назвали их гвардейский полк, Пушкино и вышел на подступы к Пскову. На Карельском фронте полк уже в составе 23-й армии взламывал глубоко эшелонированную оборону фашистов, форсировал широкую реку Вуоксу.

Кончилась война и для командира, приобретшего немалый опыт на войне, началась мирная служба в г. Выборге в должности начальника штаба дивизиона. Здесь он познакомился с молодой

Стр.202.

девушкой Катей Суровцевой и сделал ей предложение. Екатерина Васильевна подарила ему троих детей: Галю, Валю и Игоря.

Дальнейшие перспективы службы требовали от фронтовых боевых офицеров получения высшего военного образования. Н.И. Смолин, хорошо зарекомендовавший себя на службе, тщательно подготовился и поступил в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского. Шесть лет учебы пролетели быстро и, как он выразился, "были самыми счастливыми годами в жизни..." После академии он начал службу уже в новом качестве в Главном ракетно-артиллерийском управлении Вооруженных Сил.

Где бы ни служил Николай Смолин, везде он был на виду, так как очень хорошо знал и делал свое дело. В ГРАУ создавал и внедрял в войска новую артиллерийскую технику, за что стал лауреатом Государственной премии. В 1972 г. Николаю Ильичу Смолину присвоили воинское звание генерал-майора.

Выйдя в отставку, генерал Смолин не сидит без дела, ведет большую военно-патриотическую работу. При его непосредственном участии создавались музеи Боевой славы в казенской, боровской первой и ленинградской 163-й средних школах, только, к сожалению, не везде они сохранились.

Стр.203.

Стр.204—2007.

БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД (содержание выпусков 1—6)

Боровский краевед. Вып.1. Боровск, 1988.

Фролов А.С. Предварительные итоги работ Калужской экспедиции в 1985-1988 гг.

Прошкин О.Л. Древности земли Боровской.

Осипов В.И. Опыт локализации слобод и границ г.Боровска в XVII в.

Кусов В.С. Памятники древнерусской картографии Боровского уезда XVII в.

Компанец С.Е. К истории старообрядчества в Боровском уезде.

Антипов А.А. Пафнутьев-Боровский монастырь в истории Боровска.

Васильева З.В. История усадьбы Белкино.

Сорокина Л.Б. Архитектура усадьбы Белкино.

Можаев В.Ф. Боровчане в борьбе за власть Советов.

Нагаев И.М. Боровчане на защите Отечества (1918-1922 гг.).

Боровский краевед. Вып. 2. Боровск, 1990.

Бубликов В.В. Археологические исследования в Боровском районе Калужской области в 1989 году.

Прошкин О.Л. Археологическая карта Малоярославецкого района Калужской области. (К вопросу о составлении археологической карты бассейна р. Протвы и смежных территорий).

Фролова Н.Ю. О месте захоронения князя Василия Ярославича боровско-серпуховского.

Пуцко В.Г. Боровские иконы XVI века.

Ларин А.К. Калужские иконописцы XVII века.

Поздняков С.В. Служилое землевладение и движение феодальной собственности в Малоярославецком уезде в первой половине XVII века (По материалам писцовых книг).

Осипов В.И. Взаимоотношения посадского населения г.Боровска с Пафнутьевым монастырем в XVII веке.

Сафонова Г.Б. Художественное шитье XVII-XIX вв. из Пафнутьев-Боровского монастыря.

Личенко С.И. Развитие кустарных промыслов в Боровском уезде Калужской губернии.

Дешин Н.Г. Первый краевед Боровского края. (Н.П.Глухарев).

Головникова О.В. Культурное строительство в Боровском гарнизоне в начале 1920-х годов (По материалам Московского военного округа.).

Завитаев В.М. Подвиг Вани Андрианова.

Нагаев И.М. Архив и музей. (Из опыта сотрудничества ЦГАСА и Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея).

Лысцева И.В. Музей в культурном наследии русского исторического города (Калужская область.).

Боровский краевед. Вып. 3. Боровск, 1991.

Материалы и сообщения

Ершова О.П. К вопросу об историографии раскола (вторая половина XIX в.). В.С.Соловьев о проблеме старообрядчества.

Берестецкая Т.В. Исследователь истории и культуры старообрядчества В.Г.Дружинин. Неизвестные страницы биографии.

Пулькин М.В. Эволюция идейно-религиозных представлений обитателей Выговского старообрядческого "общежительства" в XVIII в.

Фролов А.С. Археологическое изучение старообрядческого кладбища XVIII в. в Калужском бору".

Волкова Т.Ф. Современные хранители древнерусской книжности на Средней и Нижней Печоре (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета 1977-1990 гг.).

Осипова А.И. Миссионерская деятельность церковного Братства Преподобного Пафнутия, Боровского Чудотворца, среди старообрядцев (последняя четверть XIX - начало XX вв.).

Публикации

Осипов В.И. Письма В.И.Малышева к Боровским краеведам Г.Н. и Н.П.Дешиным.

Малышев В.И. Народные предания о протопопе Аввакуме (1.Боровские).

Боровский краевед. Вып.4. Боровск, 1992.

Массалитина Г.А. Раскопки длинного кургана у с.Ермолино.

Прошкин О.Л. Археологический комплекс у д.Маламахово.

Прошкин О.Л. О некоторых случайных археологических находках в Боровском районе.

Тарасов В.А., Бызова Н.Л., Куликов Л.Ю., Сорокина Л.Б. Результаты раскопок селища Обнинск-2 в 1988 г.

Осипов В.И. Вкладчики Пафнутьев-Боровского монастыря в 17 в. (К истории родословной князей Репниных).

Осипов В.И. Судные дела Пафнутьев-Боровского монастыря в XVII в. (На материале Пошлинных книг).

Ячник Н.Е. События Отечественной войны 1812 г. на территории Боровского уезда (По опубликованным материалам).

Хорчева О.Д. Декабрист Н.А.Панов и Боровский край.

Струкова Е.И. Материалы по истории Боровского уезда из фондов ГПИБ.

Узяков Р.А. Из истории Боровской районной комсомольской организации.

Завитаев В.М. Солдатские парады.

Ботнева И., Нагаев И.М. По следам 33-й Армии...

Лошкарева Н.П. История Боровского края в газете "За коммунизм" за 1980-1990 гг. (Библиографический указатель).

Боровский краевед. Вып.5. Боровск, 1993.

Прошкин О.Л. Древнерусские поселения бассейна р.Протвы.

Прошкин О.Л., Фролов А.С. О находке каменного боевого топора на городище у деревни Маламахово.

Массалитина Г.А. Селище у с.Спас-Загорье.

Окороков А.В. Лодка-однодревка из р.Протва.

Компанец С.Е. Неизвестный памятник из Пафнутьев-Боровского монастыря.

Осипов В.И., Осипова А.И. Захоронения кнзей Волконских на территории Пафнутьев-Боровского монастыря.

Осипов В.И., Осипова А.И. Журнал «Церковь» как источник по истории Боровского старообрядчества начала XX века.

Нагаев И.М., Нагаев М.И. Источники по истории Боровского края (архивы и библиотеки).

Бауэр А.А. Уездная периодическая печать Калужской губернии в 1917 году.

Узяков Р.А. Балабаново (краеведческие зарисовки).
Осипов В.И. Боровский музей в 1987-1991 гг.
Тарасов В.А. Обнинский археологический клуб "Аркас".
Баталкин В.А. Боровский поисковый отряд "Отечество".

Боровский краевед. Вып.6. Боровск, 1995

В.И. Осипов. От составителя.

Материалы и сообщения

- И.М. Нагаев. Документы Российского государственного военного архива (РГВА) о боевых действиях на территории Боровского района в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
- М.А. Добычина. Фонды Государственного архива Калужской области о г.Боровске и Боровском районе в 1942-1945 гг. Жизнь тыла.
- Т.А. Морева. Обзор документов о событиях Великой Отечественной войны на территории Боровского района, хранящихся в отделе архивных фондов общественно-политических движений и организаций (документы бывшего партархива).
- М.М. Колышкин. Партизанская страница боровчан в летописи Великой Отечественной войны.
- Р.А. Узяков. Свидетельства очевидцев об оккупации п. Балабаново немецкими войсками и его освобождении в декабре 1941 г. (К 50-летию битвы под Москвой).
- В.М. Завитаев. Они повторили подвиг Сусанина.

Воспоминания

- А.И. Осипова, В.И. Осипов. Он любил вспоминать.
- П.Г. Васильева. Как бабушка Александра, тетушка Клавдия и тетушка Ольга с немцами воевали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Раздел I. ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА БОРОВСКОГО КРАЯ

Н.П. Лошкарева. Из истории Боровского музея. 1919-1954гг.	5
В.И. Осипов. Боровский филиал Калужского областного краеведческого музея. 10 лет работы	37
М.Ф. Жданова. Из истории создания общественного музея Боевой славы Боровского района	45
А.А. Антипов. Из истории создания музея на общественных началах в с. Роща при Пафнутьев-Боровском монастыре	48
А.М. Жилинская. Из истории музеев Ермолинской школы	59
В.М. Завитаев. Организация Ермолинских общественных и школьных музеев	65

Я.И. Грибачева. Музей Боевой Славы Ворсинской средней школы	70
В.В. Морзянова. Ворсинский музей Трудовой славы	73
О.Г. Суханова. Музей местного края в Борисовской средней школе	74

Раздел II. АРХЕОЛОГИЯ БОРОВСКОГО КРАЯ

О.Л. Прошкин. Археология в изучении древнейшего прошлого Боровского края	77
Г.А. Массалитина. Лепная керамика селища Кривское3	86
И.В. Болдин. Археологические раскопки в Пафнутьев-Боровском монастыре (1993-1994гг.)	91

Раздел III. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

В.Г. Пуцко. Византийская камея из Пафнутье в-Боровского монастыря	94
С.И. Личенко. Картина В.К.Демидова "Предсмертный подвиг князя М.К.Волконского в Пафнутьевом монастыре в Боровске в 1610 г." и русская историческая живопись первой половины XIX в.	101
В.И. Осипов, А.И. Осипова. Боровск в XVII в.	107
М.А. Добычина. Фонды Государственного архива Калужской области "Боровская приказная изба" и "Боровская воеводская канцелярия" как источник по изучению истории Боровского края XVIII в.	119
О.А. Монякова. Ковровчане - участники Отечественной войны 1812 г. на территории Боровского уезда	127
Н.В. Зиновкина. Боровское уездное училище в 1812-1816гг. (по фондам ГАКО)	131
В.А. Иванов. Боровская и Малоярославская уездная администрация в середине XIX в.	139
В.В. Боченков. История старообрядческих моленных д. Гранищево Боровского уезда	151
З.В. Васильева. Культурно-просветительные учреждения в с. Белкино (вторая половина XIX - начала XX вв.)	155
А.А. Паршикова. Церковно-приходская школа с. Белкино	160
И.Л. Ефимова. Школа-колония "Бодрая жизнь" - общественно-политический центр работы с окрестными селами	167
А.А. Фомин. Хуторское расселение Малоярославецкого уезда	175
Л.И. Федорова, Е.А. Ткаченко. Село Ильинское на пороге нового времени	178
Т.А. Морева. Боровский уезд в 20-е гг. XXв. Обзор документов Боровского уездного комитета РКП(б) и Боровского волостного комитета РКП(б)	181
Е.В. Цветкова. Ордена и медали ветеранов Великой Отечественной войны в фондах Боровского филиала КОКМ	194
Р.А. Узяков. Генерал от артиллерии	
«Боровский краевед» (содержание выпусков 1-6)	204